

61:85-7/742-6

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
КАЗАНСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.И.УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА

На правах рукописи

СЕРГЕЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

УДК 930.1

ЭЛЛИНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АРНОЛЬДА ТОЙНБИ

07.00.09 – историография и источниковедение

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Верст

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А.С. ШОФМАН

Казань - 1983

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3-15
Глава I. Исходные позиции концепции эллинской цивилизации	16-92
§1. Вехи жизни и научной деятельности А.Тойнби в свете его общественно-политических взглядов	16-34
§2. Методология и методика исследования	34-49
§3. Основные характеристики эллинской цивилизации	49-64
§4. Этапы становления, развития и гибели эллинской цивилизации	64-92
Глава II. Спартанское общество: специфический вариант эллинской цивилизации	93-180
§1. Генезис	93-113
§2. Политическая конституция	114-129
§3. Социальная система	129-160
§4. Военная организация	160-175
Заключение	176-180
Примечания	I-XXIX
Список источников и литературы	XXX-XXXVII

ВВЕДЕНИЕ

В условиях обострения идеологической борьбы на международной арене особенно важной является задача, поставленная XXVI съездом КПСС, — "критика антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачение фальсификаторов марксизма-ленинизма"^I.

Среди попыток создания "нового" исторического мировоззрения идеологами современного империализма наиболее шумным успехом пользуется теория локальных цивилизаций Арнольда Дж. Тойнби-младшего.

Английский мыслитель Арнольд Тойнби-младший занимает особое место в буржуазной науке. В условиях кризиса эмпирической социологии буржуазная пропаганда отводит его философии истории роль одной из главных ударных сил в борьбе с научной социологией. По сравнению с философско-экономическими "учениями" У.Ростона, Р.Арона теория локальных цивилизаций Арнольда Тойнби имеет еще более консервативный характер. В самом деле, если первые в принципе не отрицают возможность прогресса человеческого общества, хотя и на базе устоев капитализма и только в виде плановой эволюции, лишенной скачков, то сущность философии Арнольда Тойнби — это отрицание всеобщего поступательного характера общественно-исторического процесса.

Общественному развитию Тойнби противопоставляет теорию параллельно существующих и бесследно гибнущих цивилизаций, каждая из которых проходит пять стадий в своей истории: рождение, рост, брейкдаун, дезинтеграцию и гибель. Тойнби смотрит "на историю

до ее нынешнего момента (это важная оговорка) не как на единый поток, движущийся сквозь века и охватывающий все человечество, а как на ряд отдельных одновременных потоков... Этот поток минувшей истории, — отмечает он в письме к академику Н.И.Конраду, — может быть понят только на основе синоптического взгляда — "сравнительного метода", потому что до нынешнего времени эти отдельные местные циклы не сливались в единый поток, который мог бы стать предметом единого всеохватывающего повествования... Только в наш век так называемое уничтожение расстояний, которое началось с приручения первого осла и постройки первой лодки, дошло до такой степени, что впервые открыло перед человечеством возможность слиться в единое общество"².

Хотя отдельные положения этой концепции и вызывают серьезную критику, тем не менее с расчленением всемирной истории на параллельные культуры согласны многие из оппонентов Тойнби среди буржуазных философов, социологов и историков. Панорама, нарисованная Тойнби, в сравнении с другими универсально-историческими учениями, по утверждению западно-германского историка И. Фогта, настолько совершенна, насколько это позволяет горизонт XIX века³.

Творчеству Тойнби его западные коллеги посвящают специальные номера журналов и международные симпозиумы. Критическому рассмотрению философия истории Тойнби не раз подвергалась и советскими учеными. Исследователи справедливо считают, что в центре нашумевших историософских построений Тойнби лежит концепция эллинской цивилизации⁴. "Весь ход эллинской истории, — пишет известный голландский историк W. den Boer, — инспирирует созда-

ние схемы, в которую другие цивилизации втиснуты"⁵. И.Фогт не может не заметить, что в теории локальных цивилизаций А.Тойнби "...золотые камешки античности... точно определяют фигуры мозаики"⁶. Сам Тойнби признается в том, что классическая античность является у него образцом для сравнения⁷.

С другой стороны, в изучение античного мира Тойнби внес весомый вклад. По словам И.Фогта, английский ученый обобщил огромный эмпирический материал и дал универсально-историческое толкование античной цивилизации⁸, которую, кстати говоря, в отличие от Шпенглера рассматривает как категорию социальную. "Шпенглер и Тойнби, Альфред Вебер и Карл Ясперс, - развивают свою мысль И.Фогт, - эти пионеры найдут своих наследников, и их попытки будут вести к сохранению новых универсально-исторических методов. Наш взгляд будет расширяться, если мы будем участвовать в обзорах историков-универсалов... Особенно историки древности, которые в своей области исследуют различные культуры, призваны к универсальному рассмотрению"⁹.

Марксистов, безусловно, должны интересовать те обобщения, которые делает современная англо-американская историческая наука в лице Тойнби из конкретного исследования античного мира. Тем более, что опыт Тойнби по созданию теоретической схемы античной цивилизации на основе обобщения обширного эмпирического материала является одним из немногих в современной буржуазной науке.

Но творчество Тойнби не просто квинтэссенция британской историографии античности. Занимаясь и теоретизацией известных точек зрения, и конкретной исследовательской работой, он внес определенный вклад в изучение ряда специальных проблем древнегре-

ческой и древнеримской истории. Среди античников хорошо известно его двухтомное сочинение "Hannibal's Legacy" (1964), где анализируются экономические и социальные следствия Ганнибаловой войны на ход древнеримской истории. Научный интерес представляет и разработка исследуемой ученым проблемы дорийского вторжения, а также этногенеза древнегреческих племен.

Глубокий знаток диалектов древнегреческого языка и филолог, хорошо знающий достижения современной лингвистики, Арнольд Тойнби отбрасывает общепринятую теорию классификации диалектов древнегреческого языка на дорический, ионический и эолический и дает оригинальную и весьма интересную диалектологическую карту Древней Греции. "Современные филологи, — отмечает английский историк, — никогда бы не подумали о том, чтобы разделить северо-западный греческий диалект на два отдельных диалекта, причем одному из них наклеить ярлык "дорического", если бы они базировали свою классификацию на лингвистическом свидетельстве, т.е. на свидетельстве надписей и (во-вторых) литературных текстов"¹⁰, а не на традиции.

Сообщаемые британским ученым данные о миграции народов гомеровской эпохи дают нам важный фактический материал для научного представления об этнической карте Древней Греции и ее эволюции.

Однако важнейшее место в конкретно-историческом изучении Арнольдом Тойнби проблем античной цивилизации занимает его исследование древнеспартанской истории. В частности, свою карьеру ученого Тойнби начинает как исследователь истории древней Спарты. Уже в первом своем произведении "The Growth of Sparta",

написанном в возрасте двадцати трех лет, Тойнби, по словам известного голландского античника W. den Boer(a), "представляет на рассмотрение ряд смелых гипотез по спартанской военной организации, которые показывают конструктивный ум"^{I1}.

На вершине своего творчества автор теории локальных цивилизаций вновь обращается к изучению античной Спарты. В частности, одну из своих последних работ под названием "Some Problems of Greek History", вышедшую в свет в 1969 году, английский ученый посвящает исследованию ликургова строя; причем в отличие от своих буржуазных коллег, Тойнби концентрирует здесь внимание на социальном аспекте вопроса. Так, например, если книга известного британского античника Форреста "A History of Sparta", изданная почти одновременно с вышеуказанной монографией Тойнби, является главным образом историческим изложением фактов^{I2}, то книга Тойнби "является главным образом исследованием институтов, нравов и обычаев"^{I3}. В самом деле, Тойнби исследует прежде всего генезис спартанского полиса, конституцию, социальную систему и военную организацию лакедемонского общества, которые, с его точки зрения, были тремя важнейшими элементами ликургова режима, а также ряд сопутствующих проблем, в частности: происхождение и статус илотов и периэков, положение женщин в спартанском обществе и другие.

Постановка социальных проблем истории древнего мира до известной степени сближает Арнольда Тойнби с эпигонами известной английской школы "Social History".

Исходя из объекта историографического исследования, источники по теме диссертации мы делим на три основные категории:

1 - научные труды изучаемого историка, 2 - его мемуарно-эпистолярное наследие, 3 - античные источники, которыми пользовался ученый.

При работе над темой были исследованы прежде всего труды и мемуарные сочинения самого Тойнби. Одним из наших источников явилась его капитальная монография "Hellenism. The History of a Civilization", изданная в Лондоне в 1959 году, где английский историк дает свое наиболее законченное толкование эллинской цивилизации. На эту книгу был дан заказ в 1914 году для личной библиотеки одного из редакторов профессора Гильберта Муррея. В начале оксфордских летних каникул того же года Тойнби набросал примерный план работы и представил эти наброски профессору Муррею для критических замечаний. В начале первой мировой войны Тойнби ознакомился с разъяснительными замечаниями Муррея относительно данных набросков и написал вчерне первые четыре главы. С того времени он не перечитывал ни этого черновика, ни наброски. "В 1951 году во время отдыха в Швейцарии, - пишет автор привлекаемой нами работы, - я сделал новую серию набросков и представил их в свою очередь на рассмотрение профессору Муррею; и на этот раз я не был оторван общественной катастрофой от написания целиком нового черновика, хотя, к несчастью, я не завершил его во время, чтобы суметь показать Муррею до его смерти. Настоящий вариант данной книги был написан мною между апрелем 1956 года и октябрём 1957 года в самых различных частях света"¹⁴.

Не менее важным источником является фундаментальный труд Арнольда Тойнби "Some Problems of Greek History" (1969), большая часть которого посвящена исследованию ликургува режима в

древней Спарте; причем "проблемы, рассматриваемые в этой книге, - оговаривает историк в предисловии к данной работе, - пришли мне на ум в 1909-11 годах, когда я читал для оксфордской школы *Lit-terae Humaniores*"^{I5}. Здесь же Тойнби выражает благодарность миссис Честер, которая довела данную книгу до прессы, и миссис Бикнелл, которая сделала индекс. "Во время последней стадии создания книги, - пишет Тойнби на этот счет, - я был болен и бездействовал. Они спасли положение, проверив самым любезным образом ссылки, и, решив вопросы, которые автор сам обыкновенно рассматривал"^{I6}.

При работе над данной диссертацией использовалась также объемистая статья А.Тойнби "The Growth of Sparta", опубликованная в "Hellenic Studies" за 1913 год. Здесь дан анализ в основном военной организации лакедемонян. Были привлечены также материалы третьего тома монументального "A Study of History" (1934), где Тойнби, между прочим, дает характеристику образа жизни спартанских "равных".

Богатый материал для реконструкции интеллектуальной биографии и общественно-политических взглядов английского историка дают его мемуарные работы: "Janus at Seventy Five" (1964), "Acquaintances" (1967), "Experiences" (1969), а также материалы переписки Арнольда Тойнби с советским академиком Н.И.Конрадом.

Особого внимания заслуживают, на наш взгляд, мемуарные сочинения "Acquaintances" и "Experiences". В книге "Acquaintances" объектом воспоминаний являются современники Тойнби, и он предстает перед читателем лишь во встречах с ними. Беглые очерки о знакомствах, которые включены в эту книгу, являются,

конечно, выборными. В частности, во введении к данной работе Тойнби указывает: "Я отобрал для публикации воспоминания о личностях, которые, как мне казалось, могли бы вызвать всеобщий интерес. Степень интереса будет различной в различных случаях; но я стремился исключить воспоминания, которые имеют значение и ценность лишь для меня одного"¹⁷.

Что касается мемуарного сочинения "Experiences", то оно, по собственному утверждению Тойнби, является продолжением книги "Acquaintances"¹⁸. Причем в первой и третьей частях сочинения "Experiences" Тойнби является и рассказчиком, и объектом собственных воспоминаний. Во второй части этой книги он дает обзор и комментарий перемен в общественной жизни, свидетелем которых ему довелось быть.

Изучение штудий Тойнби по эллинской истории, построенных на анализе источников, предполагает исследование самих источников, использованных ученым в процессе творчества. Для Тойнби таковыми являются, прежде всего, сочинения Гомера, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Полибия, Плутарха, Павсания.

Особое внимание в настоящей диссертации мы уделили высказываниям античных авторов относительно истории древнеспартанского общества, которое Тойнби рассматривает как специфический вариант эллинской цивилизации.

При обилии литературы о творчестве Тойнби ни теоретические, ни конкретно-исторические взгляды ученого на эллинский мир не нашли практически никакого освещения в мировой историографии. Исключением могут служить две небольшие статьи, принадлежащие буржуазным авторам И.Фогту и W. den Boer (У). Однако эти ста-

ты вышли в свет еще до написания основных работ Тойнби по истории греко-римской культуры, в частности, таких как "Hellenism. The History of a Civilization" (1959), "Hannibal's Legacy" (1965), "Some Problems of Greek History" (1969), и в силу этого не могут дать законченный анализ его концепции античности. Так в своей статье "Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre", вышедшей в свет в 1951 году, западногерманский историк И.Фогт лишь пытается рассмотреть взгляды Тойнби на возникновение, рост, брейкдаун, дезинтеграцию и гибель эллинской цивилизации, уделяя при этом особое внимание его взглядам на творческое меньшинство и господствующее большинство эллинского мира¹⁹. Однако он дает критику не основных положений теории эллинской цивилизации А.Тойнби, а лишь нескольких частных положений английского историка, имеющих второстепенное значение в общетеоретическом плане и носящих конкретно-исторический характер. Так острие своей критики Фогт направляет на взгляды английского ученого относительно роли Рима в истории эллинского общества. Указывая, в частности, на тезис Тойнби о том, что Рим почти ничего не дал эллинской культуре и о второстепенности его положения в античной истории, Фогт обращает внимание на развитие римского права, в результате чего он утверждает, "что римский гений сохраняет равным образом свое достоинство рядом с греческим"²⁰.

Что касается статьи голландского античника W. den Boer(a) "Toynbee and Classical History", вышедшей в свет не позднее 1956 года, то здесь автор, наоборот, стремится осветить понимание Тойнби античности в пределах кругозора его теоретической

системы в целом²¹; причем в своей статье W. den Boer также рассматривает гносеологические источники взглядов Тойнби на эллинский мир²², справедливо отмечая при этом, что английским ученым руководит британская традиция в историографии²³. Основную заслугу Тойнби W. den Boer видит в том, что тот, возвысившись над ограниченностью интересов обычной среды классицистов, "вводит греческую и римскую историю в связь со всем миром цивилизации"²⁴. Основным же недостатком концепции Тойнби он сводит к тому, что последний, по его мнению, строит свою систему из недостаточных фактов²⁵. Однако так или иначе, но этот анализ взглядов Тойнби на эллинский мир мы в силу указанных выше причин не можем считать завершенным. К тому же он носит далеко не марксистский характер.

Советские философы и историки дали аргументированную критику не только теории локальных цивилизаций Арнольда Тойнби, но также рассмотрели вопрос об источниках, методологии и методе, которые составили основание для построения данной теории.

В 50-е годы по этой проблематике впервые выступили Э.А. Араб-Оглы с двумя статьями, посвященными философии истории Арнольда Дж.Тойнби и критике его культурно-исторической концепции, и Е.А.Косминский с двумя статьями об историософии Арнольда Тойнби и ее реакционном характере²⁶. Кроме того, этот сюжет рассматривается в монографиях философа И.С.Кона о кризисе буржуазной исторической мысли, историка К.Б.Виноградова по английской историографии нового и новейшего времени²⁷.

В 60-е годы количество работ советских ученых с критикой концепции Тойнби увеличивается. Так, Э.А.Араб-Оглы, продолжая

свою работу по этой тематике, исследует вопрос о концепции исторического круговорота²⁸. Появляется книга Э.С.Маркарьяна, которая специально рассматривает концепцию локальных цивилизаций²⁹. Продолжает свои изыскания в области разоблачения реакционной истории софии Арнольда Тойнби Е.А.Косминский³⁰. Ю.Семенов и В.Трухановский ведут исследования, касающиеся политической подоплеки концепции Тойнби³¹. Е.Б.Рашковского интересуют структура и истоки философско-исторической концепции А.Тойнби³². В 1964 году появляются на данную тему докторская диссертация Ю.Н.Семенова "Проблемы общественного прогресса и социальная философия современной буржуазии" и кандидатская диссертация Г.Д.Чеснокова "Критика философии истории А.Тойнби". Наконец, в статье И.С.Кона³³ в критическом плане анализируется последний том основного труда А.Тойнби "A Study of History".

Всесторонняя марксистская критика тойнбианства ведется советскими учеными и в 70-е годы. Так, Е.Б.Рашковский публикует статью о мемуаристике А.Тойнби; монографию, где наряду с анализом основных теоретических установок английского историка исследуется востоковедная проблематика его трудов; и, наконец, статью, посвященную одному из важнейших аспектов в эволюции тойнбианской философии истории: человек - природа³⁴. И.Я.Златкин рассматривает взгляды английского ученого на развитие кочевых народов³⁵. Г.Д.Чесноков в своей монографии о современной буржуазной философии истории продолжает свои изыскания по критике творчества Тойнби³⁶. С.В.Кирхоглани в кандидатской диссертации анализирует религиозную проблематику философии истории Тойнби³⁷.

Из работ 80-х годов следует отметить монографию Ю.Н.Семенова о социально-философских воззрениях "позднего" Тойнби³⁸, а также кандидатскую диссертацию В.М.Мучника о формировании и эволюции идейно-теоретических воззрений А.Дж.Тойнби³⁹. В диссертации В.М.Мучника эволюция воззрений Тойнби рассматривается в общем контексте исторических судеб либерализма, с одной стороны, и буржуазного историзма, - с другой. В работе исследуются представления Тойнби о познаваемости истории, о субъект-объектных отношениях в историческом познании, о социальных функциях и возможностях этого познания. Значительное место уделяется анализу религиозных построений Тойнби, их эволюции. Рассматривается взаимосвязь тойнбианского "рационализма" и религиозной доктрины мыслителя. В.М.Мучник исследует также философскую проблематику античных штудий Тойнби, оставляя однако открытой проблемой анализ универсально-исторической схемы эллинской цивилизации Арнольда Тойнби и его вклад в разработку социальных проблем античности, в частности, истории древней Спарты. Впрочем, это не входило в задачу автора выше упомянутой диссертации, цель которой состояла в том, чтобы "дать развернутую характеристику мировоззренческой эволюции мыслителя: вскрыть предпосылки этой эволюции, анализируя взаимоотношения конструируемых Тойнби на основе либерально-гуманистических постулатов теоретических обобщений и политических проектов с исторической эмпирией"⁴⁰.

Труды советских ученых создали почву для последующей работы по критическому анализу взглядов Тойнби на те или иные конкретные общества и цивилизации.

Оценка Тойнби одного из таких обществ - античного - и есть

предмет настоящей кандидатской диссертации.

Теоретической и методологической основой диссертации являются труды классиков марксизма-ленинизма. Принципы партийности и историзма, пронизывающие их теоретическое наследие, требуют от историка-марксиста строго научной и объективной оценки того или иного мыслителя буржуазно-идеалистического толка. Вместе с тем К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин на основе историко-материалистического метода создали глубоко оригинальную концепцию древней истории. Они не только верно увидели в развитии рабовладельческих отношений обусловленность и ограниченность античности, но и сделали весомый вклад в разработку главных проблем истории древнего мира - государства, общины, классов, сословий, международных отношений, идеологии и культуры.

Целью настоящей диссертации является исследование закономерностей творческой эволюции антиковедческой концепции Арнольда Дж.Тойнби, как центральной в его историософской системе.

Намеченная цель достигается посредством решения ряда задач. Во-первых, необходимо выяснить теоретико-методологический фундамент концепции эллинской цивилизации Тойнби, включающий в себя следующие вопросы: реконструкцию жизненного пути и научной деятельности английского историка, его общественно-политических взглядов, а также методологии и методики исторического исследования. Во-вторых, проанализировать непосредственно самоё концепцию эллинской цивилизации исследуемого ученого. В-третьих, исследовать важнейшие специальные проблемы спартанской истории, рассмотренные Тойнби, а именно: генезис спартанского полиса, его конституционное устройство, образ жизни спартанских "равных" и военную организацию лакедемонян.

Глава I

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЛИНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

§I. Вехи жизни и научной деятельности А.Тойнби

в свете его общественно-политических взглядов

Крупнейший английский ученый Арнольд Дж.Тойнби, член Британской и других академий, почетный доктор ряда английских и многих зарубежных университетов, директор Королевского института международных проблем родился 14 апреля 1889 года в Лондоне. Происхождение, среда, историческая обстановка эпохи определили вехи жизни, деятельность и взгляды. Семья была типичной для буржуазно-интеллигентской элиты Великобритании, отличаясь либерализмом, филантропией и религиозностью. Родной дядя Тойнби - Арнольд Тойнби-старший (1852-1883 гг.) - буржуазный просветитель, его книга "Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии" получила мировую известность. В научной литературе о Тойнби-младшем высказывалась мысль, что Тойнби-старший был идейным предтечей фабианского движения, предшественником буржуазно-гуманистических воззрений Тойнби.

По словам советского исследователя Е.Б.Рашковского, "некоторые взгляды Арнольда Дж.Тойнби были предвосхищены его дядей. Смысл мировоззренческой установки А.Тойнби-старшего, испытавшего на себе влияние Карлейля и Мадзини, заключался в убеждении, что и производство, и экономическая свобода личности, и даже сама цивилизация могут иметь для человека значение не сами по себе, но лишь постольку, поскольку они способны "сделать жизнь

всего народа более чистой и возвышенной". Отголосок этой идеи мы встретим в позднейших трудах его племянника, проповедующего, что прогресс "мирской социальности" может быть ценен лишь постольку, поскольку способствует духовно нравственным исканиям человека. Далее несомненно, что основная научная установка Арнольда Тойнби-старшего на синтез исторического знания передавалась его племяннику. Правда у последнего сфера синтеза предельно расширилась: если Тойнби-дядя пытался синтезировать историю английского рабочего класса, то Тойнби-племянник отважился на синтез истории всего человечества"⁴¹.

Мотивы своей пожизненной работы над изучением истории Арнольд Дж.Тойнби-младший объясняет в своих мемуарах следующим образом: "Когда меня спрашивают, - а меня иногда спрашивают! - почему я потратил свою жизнь на изучение истории, я отвечаю: для забавы. Если спрашивающий задает далее вопрос, провел бы я жизнь точно так же вновь, если бы смог прожить ее заново, я отвечаю: да, и говорю это с уверенностью... Почему я работаю и почему над историей? Потому что для меня это - поиск, который ведет, хотя и с остановками, в направлении видения счастья (*Visio Beata*)" ⁴².

Студенческие годы Тойнби провел в Оксфорде, изучая классические языки, античную историю и историографию. Позднее, вспоминая это время, он напишет в своих мемуарах: "Умственный мир, в котором я воспитывался, был... стабильным. Он был все еще стабильным миром итальянского ренессанса. Греческая и латинская классика стали моим духовным домом, и для меня в любом случае это имело курьезное следствие частичного отстранения от настоя-

щего западного мира, в котором я родился. Я стал смотреть на этот современный западный мир чуждыми и невесторженными глазами. История для меня была греческой и римской историей; средневековая и современная история были не относящимся к делу и неуместным эпилогом, прибавленным к истории надлежащей северо-европейскими варварами. Этот эпилог не был даже в основном линией преемственности. Он был побочной линией. Основная линия тянулась от Римской империи через Византийскую и Оттоманскую империи к современному Ближнему и Среднему Востоку. Вот район современного мира, который являлся живым для меня. Турецкая революция 1908 года заинтересовала меня настолько, что я стал постоянным читателем "Таймс"...⁴³ Между тем "классическое образование, - резюмирует далее Тойнби, - дало мне две выгоды, которые, с моей точки зрения, имеют бесценную стоимость. Оно дало мне умственную устойчивость вне времени и места, в которые мне довелось родиться; и это спасло меня от переоценки значения современной западной цивилизации. В то время как я действительно забочусь, и забочусь очень много, о будущем сегодняшнего мира, "моим" миром, в смысле мира, в котором я имею величайший интеллектуальный и эмоциональный стержень, не является этот сегодняшний мир западного стиля. Им является Эгейский и Средиземноморский мир двух и более тысяч лет назад... Второй громадной выгодой, которую я получил от моего классического образования, является пожизненная убежденность в том, что человеческие дела не становятся понятными до тех пор, пока их не видят как единое целое, а также логически последовательное жизненное усилие, которое я сделал, чтобы достичь всестороннего взгляда на челове -

ческие дела. Гуманитария, изучающего классику, учат видеть греко-римскую жизнь в единстве. С его точки зрения, язык, литература, наглядные искусства, религия, политика, экономика и история классического мира не являются в значительной степени отдельными "предметами", изолированными друг от друга в мыслительно сжатые вагончики. Они являются гранями единого образа жизни, и ни образ жизни, ни грани не могут надлежащим образом быть увиденны, если не видеть данные части синоптически как вложения в единое целое"⁴⁴.

Необходимо отметить, что, по утверждению известного голландского историка, профессора лейденского университета W. den Boer(a) будущий автор многотомного "A Study of History", т.е. Арнольд Дж. Тойнби получил образование в период, когда в исследовании греческой истории и цивилизации господствовало этнологическое влияние сэра Джеймса Фрейзера, археология сэра Артура Эванса и школа религиозной истории, виднейшим представителем которой была мисс Джейн Гаррисон. Это был период, когда впервые дадо себя знать огромное влияние сэра Гилберта Муррея. Его идеалы гуманизма как привлекали, так и раздражали последующие поколения британских классицистов. На работы этих ведущих ученых имеются многочисленные ссылки в "A Study of History". Более того, Гилберт Муррей был главным советчиком по компиляции этих трудов, практически единственным специалистом по греческой истории, с которым Тойнби был более всего знаком. Относительно эллинистического периода главным источником Тойнби являлся Тарн, взгляды которого на Александра Македонского он разделяет. Что же касается римской истории, то Тойнби не ссылаясь ни на какие авторите-

ты своих студенческих дней; однако его основными советчиками в описании и интерпретации явлений времён империи являлись Чарльз-ворт и Бэйнз. Невероятно широкая начитанность давала возможность Тойнби пользоваться литературой вне англо-саксонского мира; однако в двух отношениях он сохранял верность своим старым учителям, а именно: гуманизму Муррея и прагматизму британской школы религиозной истории⁴⁵.

Сам Тойнби в 1964 году напишет: "Среди современных западных историков я в значительной степени обязан Кларендону, Гиббону, Фримэну, Бьюри, Теодору Моммзену и Эдуарду Мейеру. Все они привлекали и вдохновляли меня, потому что каждый из них по своему имеет в себе несовременную предрасположенность к всесторонности"⁴⁶.

Из современных государственных деятелей эту "несовременную" склонность к универсализму, с точки зрения Тойнби, имел прежде всего сэр Уинстон Черчилль. По его мнению, Черчилль чувствовал бы себя как дома, если бы родился в мире Полибия, Катона Цензора и Архимеда. Причем старомодная склонность к универсализму, как считает британский ученый, является "волной будущего"⁴⁷.

В 1912 году Арнольд Дж. Тойнби сделался преподавателем греческого языка, литературы и истории. Спустя семь лет, тридцатилетний Тойнби принял, по выражению И. Фогта, первую профессию. Это были занятия по византийскому и новогреческому языкам, литературе и истории в Лондонском университете⁴⁸. Занятия античностью, прерванные первой мировой войной, были претворены в статью "The Growth of Sparta" (1913), а также в две хрестоматии "The Greek Historical thought from Homer to the Age of Heracli-

us" (1924) и "The Greek Civilization and Character" (1924). Переиздавая свою "Греческую историческую мысль" четверть века спустя, Тойнби писал в предисловии ко второму изданию: "В 1950 г. от Р.Х. мы можем почерпнуть из греческой исторической мысли гораздо больше, чем в 1924 году"⁴⁹. Исследования Тойнби в области античности продолжались вплоть до его последних дней. В частности, в 1959 году была опубликована его капитальная монография "Hellenism. The History of a Civilization"; в 1964 году - его двухтомное сочинение "Hannibal's Legacy"; в 1969 году - его фундаментальный труд "Some Problems of Greek History" и т.д.

Между тем, критики Тойнби отмечали, что он не кабинетный ученый, хотя, без сомнения, знает уединение научной работы⁵⁰. Сам буржуазный историк в предисловии к работе "Hellenism" (1959) подчеркивает свое постоянное стремление изучать античную древность из первых рук: "В 1911-12 годах... я путешествовал пешком (а это лучший способ) по области, окружающей Рим... и по континентальной европейской Греции вплоть до Фарсала и Амбракийского залива на севере; кроме того я также путешествовал по восточной части острова Крита и по полуострову Афону. В 1921 году я посетил Константинополь, азиатское побережье Мраморного моря, западное побережье Анатолии вплоть до реки Меандр к югу, а также северную Фессалию и западную Македонию, включая Линкестиду, Зордак и Элимию. В 1923 году я посетил Анкару; и в 1929 году я предпринял путешествие через Анкару и "Киликийские ворота" к двум северным городам государства Селевкидов: к Антиохии-на-Оронте и Селевкии-на-Пиере... В 1948 году мы с женой, будучи гостями турецкого правительства, предприняли недельное путеше-

твие на автомобиле в восточно-центральную Анатолию... Во время кругосветного путешествия с востока на запад в 1956-57 годах... мы в феврале 1957 года впервые (случайно) встретили послеалександровский эллинский мир..., а именно: эллинскую факторию на юго-восточном побережье Индии, чуть южнее Пондишери. В период между февралем и началом августа 1957 года мы посетили Таксилу и Пурушапуру (Пешавар) в Гандахаре - столицы Кушанской империи; далее я путешествовал по великой северо-восточной дороге, которая была спинным хребтом монархии Селевкидов, а также Персидской империи, - из Вавилона чуть ли не до "Каспийских ворот"; из опорного пункта в Бейруте (финикийский город и римская колония Берит) я также предпринял путешествие в Гатру и Арбелу; вдвоем же мы посетили Петру и Пальмиру; далее два южных города державы Селевкидов: Лаодикию и Апамею-на-Оронте; финикийские города Арад и Антарад и многочисленные местечки Келесирии..."⁵¹ Путешествуя по территории, которую некогда занимал эллинский мир, Тойнби действительно познавал географическую среду эллинского образа жизни. Кроме того, он сталкивался с самыми различными памятниками его материальной культуры.

Разразившаяся мировая война 1914 года была полной неожиданностью для молодого профессора, как и для большинства буржуазных интеллигентов: они были весьма далеки от исторических реальностей эпохи. Позднее Тойнби напишет в своих мемуарах: "Я становился взрослым в течение последних лет сорокатрехлетнего мира в Европе, который начался в 1871 году. Я никогда не мыслил, что это состояние мира не является перманентным вплоть до тех пор, пока не был застигнут врасплох августом 1914 года... Я

взрослел в эпоху стабильности и безопасности для среднего класса в Британии"⁵².

События первой мировой войны оказали решающее значение на формирование исторического мировоззрения Тойнби. Война, по словам Тойнби, заставила его познать историю в ее целостности: она оторвала профессора-антиковеда от абстрактного анализа трагедий античности, грубо и зримо вскрыла общество с его постоянной борьбой "всех против всех".

В годы войны Тойнби становится консультантом Министерства иностранных дел Великобритании по Ближнему Востоку. Знакомясь с комплексом источников по текущей истории, наглядно вскрывавших кошмары войны, профессор-антиковед впал в состояние шока.

Публицистические работы буржуазного историка этого периода пронизывает ощущение абсурдности всего происходящего в мире - ощущение, неведомое самоуспокоенному либеральному сознанию конца XIX - начала XX века, но в позднейшее время развившееся в сознании западного человека: "Впервые в жизни мы ощущаем полную неопределенность относительно будущего... Мы вступили в борьбу ...с родственным народом, против которого ничего не имеем"⁵³. Буржуазный филантроп и пацифист Тойнби осуждает любые ситуации мировой войны, как антигуманные, абсурдные явления.

Отрицательные последствия войны проявятся в любом случае. Победа одних народов, государств, региональных блоков ведет к поражению и порабощению других, к регрессу человечества.

Войны порождают дисгармонию экономического развития, дезорганизацию хозяйственной и общественно-политической жизни, всеобщий упадок, обнищание, спекуляцию, коррупцию. Попираются за-

коны, право, мораль. Таким образом, война и последующие события эпохи привели Тойнби к психологизирующему анализу исторического процесса.

Тойнби не признает линейный прогресс развития общества. Новая и новейшая история получают его негативную оценку. Войны, революции, контрреволюции рассматриваются ученым, как явления аномальные и аморальные. Это аморфно-филантропическое восприятие исторической конкретики определило буржуазно-объективистское отношение Тойнби к Октябрьской революции и интервенции. С одной стороны, он осуждал насильственные методы революционной борьбы, с другой — усматривал подоплеку контрреволюции в алчном стремлении богачей сохранить частную собственность.

Такое отношение буржуазной общественности к социалистической России, по словам самого Тойнби, "чрезвычайно меня раздражает... Я заметил это среди богатого меньшинства моей страны, а также — среди гораздо большего контингента людей в Соединенных Штатах. И это тем более поразительно, что среди разных бед, угрожающих нам в нынешний период, потеря собственности — отнюдь не самое страшное"⁵⁴. Эти слова относятся к 1961 году. Но они применимы и к самочувствию Тойнби в начале межвоенного периода, ибо уже тогда историк понял, что потеря человеком его привилегированной социальной позиции отнюдь не тождественна для него потере самого себя⁵⁵.

Публицистика Тойнби 1915–1922 гг. показывает, что ученый осознает внутреннюю, локально-региональную связь, нерасторжимость этнических, экономических, культурно-исторических и социально-психологических аспектов жизни народов различных стран

и регионов. Проблемы структуры, типологии, выявление культурно-исторических типов диктовали теоретическое осмысление, готовили возникновение идеи локальных цивилизаций. Теории "линейного прогресса", "национального духа" отрицались конкретной жизни, не удовлетворяли его мировоззрение.

Позднее в 1967 году Тойнби напишет в письме к академику Н.И. Конраду: "Как и Шпенглер, я думаю, что... единства в масштабах цивилизаций куда более важны, нежели единства в масштабах нации. Хотя моя работа начала печататься через целых шестнадцать лет после выхода в свет первого издания "Заката Европы", я еще тогда пришел к мысли о необходимости думать в масштабах цивилизаций. Это была моя реакция на представление об истории в масштабах нации. Я пришел к заключению, что видеть историю в масштабах национальных объединений - значит видеть ее неправильно, так как мне стало ясно, что ни одно национальное объединение не является самодовлеющим. Цивилизации, как мне представлялось, более приближались к "монадам" в понимании Лейбница. Я пришел к способности мыслить в масштабах цивилизаций благодаря изучению истории древней Греции, которая заставляет нас думать о греческом обществе и цивилизации как о целом, а не как об отдельных греческих общинах - Спарте, Афинах и т.п."⁵⁶

По словам И.Фогта, Арнольд Тойнби еще в 1914 году при чтении Фукидида ощутил, что борьба между греческими городами-государствами в Пелопонесской войне была не чем иным, как граждан-

ской войной в едином мире⁵⁷. "Когда Тойнби в 1920 году начал читать труд Шпенглера, - пишет далее И.Фогт, - то обнаружил в нем опять две собственные руководящие мысли: представление о культурах как единстве и тезис об их параллельном и одновременном прохождении. Но он возражал основным учениям о морфологии культуры. Он понимал культуру не только как биологический организм, но и как единство общественной жизни, которое ограничивается пространством и временем... Возникновение и жизнь этих единств... не могли подчиняться биологическим законам, и их взаимоотношения были открытой проблемой. При объяснении этих вопросов Тойнби... нашел свой собственный путь"⁵⁸.

Последствия империалистической войны и интервенции привели мир к плачевным итогам. 20-е годы, ознаменованные бесконечными трудностями и лишениями, разделили буржуазных мыслителей: одни, вслед за О. Шпенглером, твердили о "закате Европы" и приближении новых катастроф, другие надеялись на временность аномалий, верили в дальнейший прогресс. Тойнби был в числе глубоких пессимистов.

С 1924 года Тойнби стал известен как один из ведущих составителей ежегодных "Обзоров международных событий", издававшихся Королевским институтом международных проблем; причем "данное обязательство, - напишет историк в своих мемуарах, - требовало от меня не оставлять вне отчета любой регион сегодняшнего мира. Я должен был пытаться следить за текущими событиями не только на Ближнем и Среднем Востоке и не только в Европе и Соединенных Штатах, но также в Латинской Америке, Советском Союзе и Китае"⁵⁹. Издания "Обзоров", над которыми Тойнби рабо -

тал вплоть до 1956 года, богато документированные, стали незаменимым пособием для историков новейшего времени, в том числе и советских. Параллельно с составлением обзоров буржуазный ученый усиленно работает над исследованием истории цивилизаций, в результате чего к 1954 году он написал первые десять томов монументального труда "A Study of History". "Со всех точек зрения, - вспоминает Тойнби в своих мемуарах, - это была для меня самая счастливая комбинация деятельности. Я не думаю, что смог бы подготовить либо "Обзоры", либо "Исследование", если бы не работал над тем и другим одновременно. Вместе они дали мне широчайший горизонт, который я был способен достигнуть, и самое обширное поле работы, которое я был способен охватить. И это было осуществлением моей цели. Ибо моя цель состояла в том, чтобы расширить мой горизонт и мое поле до пределов моих способностей" ⁶⁰. В созвучии с этим откровением находится и заявление Арнольда Тойнби, относящееся к 1955 году, о том, что "историк нашего поколения должен изучать Ганди и Ленина, Ататюрка и Ф.Д. Рузвельта, если он не оставил надежды возродить Хаммурапи и Эхнатона, Амоса и Будду для себя и своих читателей" ⁶¹.

В годы межвоенного периода Тойнби был свидетелем внутренней мутации буржуазного общества, его идеологии и культуры. Фашизм для Тойнби " самое страшное ", самоубийственное явление. Тойнби не видел классовой сущности фашизма; для буржуазного мыслителя фашисты - варвары: он ненавидел духовный декаданс, нигилизм, мистику. Интеллигент-филантроп осуждает расизм, национализм, притязания на мировое господство. Тойнби-публицист

крайне недоволен примиренческой политикой буржуазно-демократических институтов и росту язвы фашизма, ведущей к развязыванию новой войны. Первым среди буржуазных ученых, как отмечено в "Обращении историков СССР и ГДР к историкам всех стран", Тойнби открыто осудил Мюнхенское предательство⁶².

Как мыслитель и функционер Арнольд Тойнби стремился изучать нацизм из первых рук. Он неоднократно посещает Германию, где в Боннском университете учился его сын, встречается с членами антинацистской оппозиции, а также с главарями гитлеровского рейха⁶³. В частности, в 1936 году британского историка пригласили для разъяснений в нацистское юридическое общество. "Я принял это приглашение, — пишет Тойнби в своих мемуарах, — и меня за это упрекнул мой старый друг Чарльз Вебстер. Он сказал, что, приняв приглашение, я забыл зверства нацистов. Я отстаивал свое решение, указав на то, что изучение нацизма было важной частью моей работы в ЧЭГЭМ Хаузе. Как мог я изучать их, не встречаясь с ними; и я не мог встречаться с ними, не вступая в человеческие отношения до известной степени. Так или иначе я принял приглашение..."⁶⁴ Логическим следствием этого явилась аудиенция Тойнби у Гитлера в Берлине на Вильгельмштрассе. Вот как описывает английский историк свои впечатления от встречи с Гитлером в мемуарах: "Большую часть времени мои глаза следили за руками Гитлера. Он имел прекрасные руки. Он использовал их для сопровождения своих слов; и его жесты были выразительны, а так-

же изящны. Его голос также был, чего я не ожидал, приятно человеческим по своей высоте и модуляции – человеческим, т.е. до тех пор, покуда он не говорил о России. Всякий раз, когда слово "Россия" срывалось с уст Гитлера, его голос становился хриплым, а его высота поднималась до истерического визга – визга, который заставляет содрогаться, когда слушаешь его по радио, произносящего одну из своих возбуждающе демагогических речей. Я уверен, что это было не намеренно... Я полагаю, что всякий раз, когда он думал и говорил о России..., он неподдельно сходил с ума"⁶⁵.

Логическим следствием неприятия Тойнби фашизма явилось его участие в работе Потсдамской мирной конференции 1945 года.

В послевоенное время, в годы "холодной войны", буржуазный историк, однако, довольно резко эволюционизирует в сторону антисоветизма и антикоммунизма, хотя и прежде он не испытывал симпатий к социалистическому образу жизни и его идеологии. В настоящее время, уверяет Тойнби, Западу приходится защищаться от агрессии России и всего "остального мира". Борьба между Западом и Востоком переходит из технической сферы в идеологическую и здесь самым страшным орудием в руках России, по мнению Тойнби, является коммунизм.

Буржуазный ученый представляет коммунизм как религиозную ересь западного происхождения, созданную западными ересиархами Марксом и Энгельсом. Коммунизм явился в результате того, что лишившийся своей религиозной основы Запад не сумел применить христианские принципы к разрешению вопросов социальной и экономической жизни. Главную направленность коммунизма английский ис-

торик видит в его враждебности к западной цивилизации, в его стремлении подорвать ее основы. По мнению буржуазного историка, коммунизм временно и отчасти может заменить людям религию. Кроме того, коммунизм привлекает часть интеллигенции проповедью высших идеалов мира, а также идеалистов, стремящихся к великому сверхчеловечному делу. По утверждению Тойнби, Россия ведет постоянную коммунистическую агрессию, от которой по своей природе не может отказаться. "Политические козни" Советского Союза английский историк связывает с якобы историческими традициями царской России, с экспансией Московского государства, с учением о "третьем Риме".

Слабость Запада, по мнению Тойнби, заключается не только в наличии у его врагов сильного идеологического оружия, но и в том, что западная Европа разделена на 40 суверенных государств, между тем как ей противостоят огромные "коммунистические империи". Поэтому необходимо создать единую государственную организацию для всего западного мира под эгидой США, т.к. Англия и Франция отошли на задний план перед этой "сверхдержавой". Только Америка реально защищает Запад и его границы от "коммунистической агрессии". А эти границы, кстати говоря, проходят как ни странно, в Корее, Малайе, Индокитае... Между объединенным западным миром и коммунистическими странами, возможно, будут мирные отношения. (Здесь Тойнби ссылается на отношения между Римской империей и Парфянской державой). Причем границы Запада будут все более и более расширяться мирным путем. К западному обществу должны будут постоянно присоединяться незападные страны, которые находятся под влиянием Запада и созрели для его "демо-

кратии" и "других ценностей". Но это уже перспектива "вселенского мира". Английский историк не раз высказывал мысль, что перед Западом стоит историческая цель установления "вселенского мира". При этом западная цивилизация должна сама в себя вобрать лучшие элементы других цивилизаций и перестать быть только западной, чтобы стать всемирной. Новое общество у Тойнби должно сочетать принципы частной собственности и "свободного хозяйства" с принципами социализма. Английский историк думает, что Западная Европа могла бы сыграть примиряющую роль между противоположными принципами России и Америки. В мире будущего будет создано мировое правительство, основанное на мирном сотрудничестве, а столица будет в центре распределения человечества по земному шару, т.е. (по мнению буржуазного ученого) в окрестностях Вавилона или в Ферганской долине. Будущее братство, по мнению Тойнби, должно сопровождаться и социальным переустройством. Все прежние цивилизации были созданы "творческим меньшинством"; сейчас же пробуждаются трудящиеся массы (стоявшие ранее на стадии неолитического человека), в чем важную роль сыграли промышленный переворот, французская и русская революции.

Однако, как же достигнуть такого счастливого состояния? Тойнби приходит к заключению, что создание "вселенского общества" может быть лишь делом чуда, и это чудо должна сотворить религия. Обращение к религии — вот то чудо, которое может спасти людей, и, в частности, потерявшую свою религиозную сущность западную цивилизацию и сделать ее основой нового всемирного общества.

В 60-е годы, однако, Арнольд Тойнби под влиянием грандиоз-

ных социальных перемен в жизни общества дает более трезвую оценку современной эпохи и роли США. Так, английский историк изображает современную эпоху, как эпоху мировой революции (о которой, кстати говоря, он раньше вообще умалчивал). Вопрос о содержании и движущих силах мировой революции можно лучше всего проследить на ее хронологии у Тойнби. Оказывается, современная "мировая революция" началась еще в 1775 году, когда вспыхнула война за независимость английских колоний в Северной Америке; и все, происшедшее за период от 1775 до 1961 года, революции являются лишь "отзвуками американского выстрела", раздавшегося в апреле 1775 года на территории США. Итак, сущность фальсификации А.Тойнби вопроса о революции состоит в том, что он изображает современную эпоху как продолжение эпохи буржуазно-демократических революций, а США - в качестве естественного исторического лидера мировой революции.

Но, правда, в наше время, отмечает буржуазный историк, США временно утратили эту миссию, передав ее России. Более того, Тойнби совершенно справедливо отмечает, что Америка сейчас является "лидером антиреволюционного движения в защиту частных интересов..." Буржуазный ученый резко оплчается против расизма, заявляя, что Америка в настоящее время терпит поражение в соревновании с Россией за завоевание дружбы великого "неамериканского" и "нерусского" большинства человечества в значительной степени из-за шовинизма и чувства расового превосходства, действительно присущего американским буржуазным политикам, идеологам и обывателям. И, в конце концов, Тойнби делает вывод, что американский образ жизни (как и западный вообще) должен быть

ревизован для того, чтобы выполнить свою историческую миссию. Однако, отмечая некоторые кричащие недостатки западной (капиталистической) цивилизации, Тойнби выдвигает меры по их устранению только в интересах буржуазии. Так Тойнби оценивал судьбы человечества в конце 40-х - 50-х годов.

Но "в 60-х годах насущной задачей современности Тойнби считал "объединение мира". В частности, в 1967 году он писал в письме к академику Н.И.Конраду: "...Достижение единства стало сейчас необходимым в таких вопросах жизни и смерти, как контроль над атомной энергией, организация производства и распределения продовольствия, необходимого, чтобы прокормить стремительно возрастающее народонаселение... В атомный век в нашей власти сделать последний выбор - уничтожить себя или объединиться, впервые в истории, во всемирном масштабе... Я оптимист... Я надеюсь, что мы не начнем мировой атомной войны и что шаг за шагом будем перерастать в единое человеческое общество. У нас уже были некоторые личности, которые стали героями для всего человечества: например, советские и американские космонавты..., папа Иоанн XXIII, президент Кеннеди. Благодаря телевидению, радио и авиации человека теперь могут видеть и слышать его сородичи - люди на всем земном шаре"⁶⁶.

В новейшей советской тойнбиане справедливо отмечается, что в 70 годы, в последних работах Тойнби, критика западной цивилизации становится более радикальной. Отрицательно оценивается сама экономическая основа этой цивилизации. Негативно относясь к возможности объединения мира богатым меньшинством в целях эксплуатации бедного большинства, Тойнби пишет о необходимости проведения

в будущем всемирном государстве таких мероприятий, как национализация промышленности, регламентация доходов и т.д. Но на первом плане для него по-прежнему стоят соображения не социальной справедливости, а социальной регламентации, социальной дисциплины⁶⁷. На возможность объединения человечества во всемирном масштабе Тойнби смотрит уже скептически. По сути дела, единственный реальный выход из положения он усматривает в создании всемирного авторитарного правительства правого или левого толка, использующего все средства для достижения своих целей. "Оглядываясь на социальную историю прошлых веков, — заявляет Тойнби, — я с ужасом вынужден сделать вывод, что в современном состоянии мира установление всемирной диктатуры типа Аккадской, Персидской, Римской и Китайской империй — наиболее вероятная перспектива"⁶⁸. Этот вывод как нельзя лучше говорит о том, что буржуазный историк оставался до конца своих дней верным сыном своего класса.

§2. Методология и методика исследования

Проблемы философии истории А.Тойнби достаточно хорошо исследованы в литературе. Задачей настоящего параграфа является, в основном, обобщение уже существующих оценок Тойнби как философа и методолога, с привлечением материалов его антиковедческих трудов.

Хотя Тойнби и называет себя эмпириком, а свой метод научным — эмпирическим, советские ученые, писавшие о нем, отмечают необычайную эклектичность его методологии. Ей отчасти присущи агностицизм, интуитивизм, субъективизм, волюнтаризм, индетерми-

низм, который уживается, кстати говоря, с определенным фатализмом. Но основными компонентами методологии ученого являются своеобразный "эмпиризм", точнее позитивизм, и теология, причем, если в начале своего творчества (30-е годы) Тойнби делает ударение на квазиэмпирической стороне исследования истории, то в последующем теологическая сторона выступает все откровеннее. Сочетание позитивизма и теологии в методологии буржуазного историка мы можем отчасти проследить на понимании им эмпиризма и опыта.

Как указывалось выше, Тойнби считает себя эмпириком. Однако в его характеристике эмпиризма мы видим оттенок позитивизма. Так, "эмпиризм", как его понимает Тойнби, заключается в том, что все свои положения он доказывает бесчисленными фактами, соответствующим образом подобранными и истолкованными. Однако в понимании опыта буржуазным историком прослеживается, скорее, теологическая сторона. Опыт для Тойнби — это прежде всего духовная деятельность людей, которая должна находить свое завершение в религии.

Более детальное рассмотрение синтеза позитивизма и теологии в методологии Тойнби связано с пониманием им категории "закона". Законы понимаются буржуазным ученым в метафизическом смысле. Они подразделяются им на два аспекта: на "законы природы" и "закон бога". Неумолимыми "законами природы" определяется ход истории. Человек лишь в очень малой степени может воздействовать на них. По-видимому, такими "законами" Тойнби сначала считал выведенные им "эмпирически" неотвратимые законы возникновения, роста и гибели цивилизаций. Однако, пытаясь избежать

фатализма, английский историк меняет свою точку зрения. Под законами природы в применении к истории он, скорее, понимает веление подсознательной психики человека. К "законам природы" примыкают, на наш взгляд, у Тойнби "естественные законы", в понимании которых прежде всего проявляется позитивизм буржуазного историка. Естественные законы, по Тойнби, - это законы позитивных наук, куда буржуазный ученый относит как естественные, так и общественные науки, в частности, и историю. Природа всех позитивных наук одинакова, т.е. исторические "законы" можно в конечном итоге рассматривать как разновидность "естественных законов".

Однако "естественные законы", как впрочем и "законы природы" в целом, имеют у Тойнби второстепенное значение по сравнению с "законом бога". (Именно с этого момента позитивизм у Тойнби переходит в теологию). "Закон бога", с одной стороны, определяет направление хода истории, а с другой стороны, выражает собой связь человеческого духа с богом, при котором он (дух), покидая определенность реального существования, погружается в своеобразную сферу надежды и страха. В противоположность неумолимой принудительности "закона природы", "закон бога" есть закон свободы человека. Но и "закон бога" и "законы природы" (а также примыкающие к нему "естественные законы") созданы богом. Так, вся система законов приобретает теоцентрический характер, а историку открывается самый широкий простор для балансирования "законами бога и природы".

Итак, при детальном анализе категории "закона" у Тойнби мы показали не только то, что позитивизм и теология являются глав-

ными компонентами в методологии Тойнби, но и то, что позитивизм у буржуазного ученого носит подчиненный характер по отношению к теологии.

Квазиэмпирические и теологические мотивы имеют место и во взглядах английского историка на античность, в методе их изложения. В частности, в написании трудов по истории эллинской цивилизации, как отмечает голландский античник W. den Boer в своей статье "Toynbee and Classical History", Тойнби постоянно использует впечатления, связанные с путешествиями по Эгейскому бассейну. "Так, например, история о покинутой вилле Венециана на Крите, напоминающая о прошлой славе торговой республики, а также последняя фаза цивилизации, сравниваемая с индийским летом, как бы познаны им по опыту во время автомобильной прогулки"⁶⁹. Более того, сам Тойнби, оценивая свои многочисленные источники по истории античности, придает первостепенное значение обозрению местности, которую когда-то занимала данная цивилизация, т.е. обозрению того "театра, в котором разыгрывалась эллинская драма". "Один мимолетный взгляд на местность своими собственными глазами, - пишет англо-саксонский историк на этот счет, - может рассказать больше, чем годы, проведенные над изучением карт и текстов"⁷⁰. С другой стороны, значение и ценность эллинизма Тойнби определяет его вкладом в идеи и идеалы христианства. Причем высшей заслугой эллинизма он считает внедрение в иудаизм идеи о воплощении.⁷¹

Кроме своеобразного "эмпиризма" и теологии, методологии Тойнби, как указывалось выше, присущи и другие черты идеализма. и, прежде всего, индетерминизм, который проявляется у него в от-

рицании объективного характера причинно-следственной связи явлений в природе и обществе. Известно, что в самой сердцевине историософии буржуазного ученого лежит утверждение, что начальный толчок развитию общества дают так называемый "вызов" со стороны внешней среды или бога и "ответ" на него обществом. При успешном ответе общество развивается, в противном случае, оно останавливается и погибает. "Вызов - ответ, - пишет Тойнби, - не имеют характера причинно-следственной связи"⁷². Причем в истории "ответ" в такой же степени произволен, как и "вызов".

Итак, мы видим, что английский ученый подменяет реальный характер причинно-следственной связи надуманными отношениями "вызова" и "ответа". Более того, индетерминизм проявился, на наш взгляд, у Тойнби в мистическом "если бы...", посредством чего буржуазный историк стремится представить исторический процесс как совокупность случайных событий. "Если бы Пифагор и его последователи были также удачливы в политике, как и в математике, - пишет, в частности, Тойнби, - эллинская история, возможно, приняла бы совершенно другой оборот по сравнению с фактическим последующим ходом"⁷³. Подобным образом история античной цивилизации приняла бы иной оборот, "если бы афиняне не поддались соблазну злоупотреблять своим положением ведущей державы в (Делосском - Н.С.) союзе..."⁷⁴, "если бы Филипп II жил дольше..."⁷⁵, "если бы Александр Великий жил дольше..."⁷⁶ и т.д.

К индетерминизму Тойнби пришел через страх быть уличенным в противоположном. Вот что он пишет на этот счет в предисловии к своей работе "Some problems of greek History": "...Я защищаю себя от обвинения в детерминизме, которое было воздвигнуто про-

тив меня некоторыми критиками по недоразумению. Эти критики заметили, что я полагаю (а я действительно полагаю), что, обозревая прошлое, можно обнаружить в нем определенные "модели" систем, единообразий и повторений. Мои критики сделали вывод, что я полагаю, что будущий ход событий может быть предсказан посредством экстраполяции прошлого и применения его к будущему подобно тому, как астроном может точно предсказать будущее землетрясение, сделав математические вычисления на основе отчетов о прошлых затмениях. В действительности я не верю, что процедура астронома применима к человеческим делам. Я полагаю, что человеческое существо имеет свободу выбора, которая является неполной, но тем не менее подлинной настолько, насколько дело касается этого; и я верю, что эта доля свободы является джокером в колоде возможных будущих событий в сфере человеческих дел. Следовательно, я верю, что в этой сфере будущее непредсказуемо⁷⁷. И здесь Тойнби предстает перед нами как индетерминист. Причем отрицание объективного характера причинно-следственной связи неизбежно ведет английского историка к волюнтаризму, субъективизму и агностицизму.

Волюнтаризм буржуазного ученого отчетливо проявляется в понимании им категории "причинности". Так, причинность у Тойнби сводится в основном к психологии "элиты", т.е. великих личностей, гениев и т.д. В пределах божественного промысла им предоставлена свобода воли, свобода выбора. Поэтому их ошибки и удачи определяют непосредственный ход истории. Волюнтаристские мотивы прослеживаются и во взглядах Тойнби на античную историю. Так, успех Филиппа в деле объединения Эллады Арнольд Тойнби

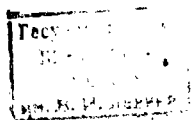
объясняет его характером. "Он обусловлен, - пишет английский историк, - его характером... По своей энергии, коварству, на - стойчивости и терпению он (Филипп - Н.С.) был равен Августу"⁷⁸. Раскол же эллинского мира на противоборствующие стороны в 323 году до н.э. Тойнби объясняет исключительно смертью Александра Македонского⁷⁹.

Что касается субъективизма Тойнби, то он проявляется в его характеристике "естественных законов", ибо здесь позитивизм буржуазного ученого переплетается с выше указанной разновидностью идеализма. Так Тойнби считает, что законы науки есть не что иное, как "конструкции" того или иного мыслителя, ибо всякая наука имеет дело с его субъективными взглядами. Более того, обозревая ход эллинской истории, буржуазный ученый сам произвольно формулирует ряд надуманных законов исторического процесса. В частности, Тойнби формулирует закон о том, что новая территория стимулирует развитие цивилизации. Так политическое омоложение, - с его точки зрения, - происходит из заморских городов, и западные законодатели дают греческому городу-государству его законное положение, причем их возрождающееся влияние ощущается на родине. "Другой закон заключается в том, что отдых враждебен цивилизации. Спокойная среда, - по мнению Тойнби, - новая или старая, расслабляет, и сила, закаленная горем, разбивается вдребезги, как в случае с Одиссеем, который был как у себя дома с Каллипсо... Оставив туманное сказание, необходимо только сопоставить бедную почву Аттики с почвой плодородной Беотии, чтобы понять, что нищета имеет благотворное, а процветание - губительное последствие"⁸⁰.

Кроме субъективизма в трактовке "естественных законов" у Тойнби мы видим и элементы агностицизма в духе Д.Юма, ибо данные законы не являются у английского профессора выражением сторон и связей действительного материального мира. Агностицизм проявляется у английского историка также в оценке достоверности познания вообще и математического в частности. Так, здесь на первый план выдвигается возможность математического познания; явления живой природы уже сложны и непонятны; социальные же явления еще более сложны и непонятны. Другим моментом, сближающим Тойнби с агностицизмом Юма, может служить его утверждение, что научное знание не является по своей природе объективным, а потому в лучшем случае может рассматриваться как вероятностное.

Но, с другой стороны, вероятностность научного знания приводит английского историка к интуитивизму и провиденциализму. Интуиция становится ведущим принципом его исследования, а сам он все более и более превращается в визионера и прорицателя.

Противоречивая и сложная методология Тойнби включает в себя, на наш взгляд, и отдельные элементы гуманизма, которые несомненно имеют здесь место, хотя и в пассивной форме. Гуманистические идеалы преломляются и отчетливо прослеживаются в его взглядах на эллинский образ жизни. Так, значение господствующего при эллинской цивилизации института городов-государств Арнольд Тойнби оценивает с точки зрения простора и стимула, которые он представлял для развития человеческой личности и ее возможностей⁸¹, о которых можно судить, по мнению буржуазного историка, по таким шедеврам как Пропилеи, Храм Бескрылой Победы, Парфенон и т.д.⁸² Более того, гибель данного института англий-

ский ученый объясняет тем, что он, видимо, не мог дать простор наивысшим способностям творческой личности и побудить ее максимально использовать свой талант в своих интересах⁸³. Отсюда можно сделать вывод, что вышеуказанные творения не являются пределом человеческих возможностей. Так или иначе, но отрицать наличие гуманистических начал, веру в творческие возможности человека в вышеприведенных рассуждениях трудно. Еще более гуманизм и пацифизм проявился в отношении Арнольда Тойнби к войнам вообще и в период эллинской цивилизации в частности. Историк делит войны на справедливые и несправедливые; причем справедливой, по мнению Тойнби, война будет для тех, кто сражается за свою свободу; несправедливая же война - это война захватническая. Так, например, захватническая война, которую остров Парос вел против фракийских туземцев в конце VI века до н.э., была, по мнению Тойнби, несправедливой для жителей Пароса⁸⁴. Подобным образом порабощение Самоса афинянами в 438 году до н.э. было, с точки зрения английского историка, несправедливым для афинян, а борьба самосцев за свободу была справедливой⁸⁵. Проявился пацифизм также и в отношении Тойнби к рабству. Так, по мнению британского античника, "рабство, узаконенное обращение человеческих существ в движимые имущества, является в высшей степени бесчеловечным институтом"⁸⁶.

Между тем, "нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано... Нет ничего легче, как раздражаться целым потоком общих фраз по поводу рабст-

ва и т.п., изливая свой высоконравственный гнев на такие позорные явления... При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства. Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставались теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже жарили и поедали"⁸⁷.

Несмотря на отдельные элементы гуманизма, эклектическая методология Арнольда Тойнби является в целом крайне враждебной интересам подлинной науки, интересам рационального познания действительных закономерностей общественного развития.

Среди обширной историко-философской литературы, посвященной анализу историософии Арнольда Тойнби, явно недостаточно вскрыта методика и техника его исследовательской работы. Метод Тойнби — комплексный. В нем отразился двоякий подход этого буржуазного ученого к изучению истории в целом и истории античности, в частности. С одной стороны, — это подход историка-теоретика, создавшего грандиозную схему параллельно существующих и бесследно гибнущих цивилизаций; с другой стороны, — это подход историка-исследователя конкретных проблем дорийского вторжения и этногенеза древнегреческих племен, а также проблем социальной истории древней Спарты и древнего Рима. Изучая конкретные проблемы древнегреческой и древнеримской истории, Тойнби использует сопоставительный анализ литературы и источников в качестве метода исторического исследования. И, наоборот, занимаясь теоретической работой, английский ученый прибегает к откровенной

фигции и историческим аналогиям; причем образцом для сравнения, как он сам признается в письме к академику Конраду, является у него классическая античность⁸⁸. "Рассматривая возникновение, подъем и падение, а также вырождение 21 цивилизации, — пишет голландский профессор W. den Boer, — Тойнби заимствует для 20 других свои первые и самые замечательные аналогии из того, что он называет эллинской цивилизацией"⁸⁹.

Широкое использование аналогии явилось у Тойнби следствием его своеобразного "эмпиризма", ибо сравнительный метод у английского историка служит не в качестве действительного научного средства для установления общих закономерностей конкретных общественных образований, а лишь для предварительного построения по своему вкусу их идеальной структуры и последующего субъективного подбора иллюстративного материала с целью ее (структуры) "эмпирического" обоснования. Используя аналогию, британский ученый отождествляет XX век н.э. с I веком до н.э., Древний Рим с США, греческие полисы с западноевропейскими странами, пролетариат Рима с современным пролетариатом. Благодаря аналогиям, английский историк, по мере надобности, может свободно фальсифицировать историю, что он и делает двумя путями. Во-первых, анализируя события древней Греции и Рима, буржуазный ученый делает вид, будто сам он анализирует современные события и явления, а затем автоматически распространяет положения, выведенные им из рассмотрения древней истории, на современную действительность. Так, например, он распространяется о пролетариате в античном обществе, отождествляя его с пролетариатом вообще, и делает вывод, что пролетариат, пребывая внутри общества, не явля-

ется его составной частью. Во-вторых, метод исторических аналогий дает Тойнби возможность произвольно выпячивать одни, иногда совершенно незначительные факты и полностью замалчивать другие. Так, например, он почти ничего не говорит о значении восстания Спартака в древнем Риме. Зато такому второстепенному событию, как собрание афинских граждан в 443 г. до н.э. и принятому на нем решению о том, что фдорос, взимаемый с союзников, надлежит использовать на реконструкцию афинского акрополя, английский историк приписывает значение поворотного момента в ходе эллинской истории. "Последствиями этого решения, принятого в 443 г. до н.э., - пишет профессор, - было создание законченных афинских произведений искусства, а также упадок, брейкдаун и гибель эллинской цивилизации"⁹⁰.

К тому же аналогия у Тойнби является прикрытием его исторических фантазий и пророчеств. И в методе английского ученого, как теоретика, значительную, если не основную, роль играет фикция, явившаяся следствием его субъективизма, индетерминизма и теологии. Его предшественник Освальд Шпенглер заявлял: "Природе надо рассматривать научно, а историю надо сочинять"⁹¹. Несомненно, Тойнби, как и Шпенглер, в значительной степени сочинил свою теорию цивилизаций. "Весь ход эллинской истории, - отмечает, в частности, профессор Лейденского университета W. den Boer, - инспирирует создание схемы, в которую другие цивилизации втиснуты"⁹². Более того, одну из частей своей капитальной монографии "Some Problems of Greek History" Тойнби посвящает пространным измышлениям о том, что было бы, если бы Филипп II и Александр Македонский жили бы дольше⁹³. Причем соб -

ственное творчество английского историка является основным путем, посредством которого фикция вводится в его теоретизацию исторического процесса.

Что касается методики Арнольда Тойнби как исследователя конкретных проблем, в частности, социальной истории древней Спарты, то здесь буржуазный ученый, как отмечалось выше, использует обычный комплекс методов сопоставительного анализа литературы и источников по тому или иному конкретному вопросу. Так, например, выясняя степень законодательных полномочий спартанского народного собрания, Тойнби, прежде всего, приводит мнения известных буржуазных ученых на этот счет, в частности, альтернативные точки зрения английских историков Эндрьюса и Джоунса. Далее он скрупулезно анализирует текст загадочной "ретиры", цитируемой Плутархом, где отражен процесс законодательства в лакедемонском государстве. И, наконец, излагает сведения о митингах народного собрания, три из которых описаны Фукидидом и восемь Ксенофонт⁹⁴. Причем текстуальная интерпретация античных авторов проводится довольно тонко и имеет большую ценность.

В методике непосредственной работы Арнольда Тойнби с источником частного характера можно вычленить три момента: установление авторства того или иного источника, выяснение времени его написания, характеристика политического лица автора источника. Причем, выясняя данные моменты, английский историк опять-таки использует сопоставительный анализ литературы по тому или иному конкретному вопросу. Вышесказанное особенно наглядно иллюстрируется на примере работы Тойнби с "Лакедемонской полити-

ей" Ксенофонта. Для установления авторства данного источника и времени его написания исследуемый историк обращается к изысканиям миссис Краймз и Ф.Вёста по данному вопросу. "Многие из пунктов Вёста, — пишет Тойнби на этот счет, — являются незначительными сами по себе, но совокупный результат выразителен. Тем не менее они не составляют убедительного доказательства, что "Лакедемонская полития" была написана не в первое десятилетие IV века до н.э., но где-то между 227 годом до н.э. (годом революции Клеомена III) и 222 годом до н.э. (годом его падения). Конечно, в "Лакедемонской политии" имеются камни преткновения даже для ученых, — а они находятся все еще в большинстве, — которые признают ее в качестве подлинной работы Ксенофонта. Пресловутым затруднением является различие в тоне между критической IV-й главой и хвалебными главами I-III и V"⁹⁵. Взяв "Лакедемонскую политию" за подлинную работу Ксенофонта, Тойнби далее выясняет политическое лицо ее автора и степень достоверности сообщаемого им материала. Вот что он пишет по этому поводу: "Политическое пристрастие, по крайней мере, очевидно в одной из работ Ксенофонта "Лакедемонской политии", и, в самом деле, этого только и следует ожидать, учитывая, что Ксенофонт был изгнан из своей родины Афин, был нанят на военную службу лакедемонским правительством и служил этим чужеземным нанимателям так усердно, что они одарили его небольшим поместьем... в Трифии"⁹⁶.

Тем не менее "информация Ксенофонта о Спарте, — оговаривает оксфордский классицист, — относительно обидна, и, несмотря на его предубеждение в пользу Спарты, ее можно использовать,

так как пристрастие, которым она окрашена, не трудно обнаружить и не принимать в расчет"⁹⁷.

При работе с источником официального характера Тойнби также выясняет время составления документа, его подлинность, но затем, посредством текстуального анализа, масштаб охваченных им событий. Так, например, британский античник справедливо отмечает, что в "ликурговой" ретре, цитируемой Плутархом, помимо актов о законодательстве, другие нововведения, приписываемые автору ликурговских реформ, к сожалению, не нашли отражения. В частности, в данной ретре нет упоминания о создании общины "равных" посредством наделения всех спартиатов клерами, вырезанными из государственных земель, возделываемых илотами. Между тем раздача клеров должна была быть неотъемлемой частью конституционной реформы, "так как без клеров, - как справедливо указывает английский историк, - не могло быть ни "равных", ни общины"⁹⁸. Другим решающим нововведением, относительно которого данная ретра молчит, является передача спартиатскому демосу от царей прерогативы назначать ежегодную коллегию эфоров⁹⁹. "По-видимому, - заключает Тойнби, - эти мероприятия... были введены в закон в отдельных ретрах"¹⁰⁰, которые, однако до нас не дошли.

Что касается античного эпоса, то английского историка интересуют прежде всего "Илиада" и "Одиссея", которые, по его мнению, являются самыми подробными и самыми привлекательными источниками по эпохе социального междуцарствия¹⁰¹. Однако вместе с тем Арнольд Тойнби предупреждает историков, что "любая попытка использовать "Илиаду" и "Одиссею" в качестве исторических источников была бы сопряжена с возможными заблуждениями" (Wo-

uld be beset with pitfalls - была бы окружена ловушками - Н.С.)¹⁰². "Дело в том, - пишет Тойнби, - что эпические поэты - слишком хорошие художники для того, чтобы стать добросовестными историками. Хотя их темами являются подлинно исторические события, они прежде всего заботятся о том, чтобы овладеть вниманием слушателей; и они поэтому имеют обыкновение превращать историю в произведения искусства за счет исторической точности, а иногда даже за счет изменения ее до неузнаваемости"¹⁰³. Поэтому мифы и эпос англо-саксонский историк привлекает в совокупности с другими источниками.

На примере Тойнби отчетливо прослеживается та пропасть между противоречиями и ошибками теоретического подхода к осмыслению общественного развития и во многом ценной практикой исследовательской работы по проблемам конкретной истории, что весьма характерно для буржуазной науки на этапе ее кризиса.

Эти особенности научного творчества Тойнби отразились в его концепции эллинской цивилизации.

§3. Основные характеристики эллинской цивилизации

Толкование эллинской цивилизации или эллинизма Арнольдом Тойнби (понятия "эллинизм" и "эллинская цивилизация" для него тождественны) - своеобразно. Под эллинизмом английский историк понимает цивилизацию, "которая родилась в конце второго тысячелетия до нашей эры и сохраняла свою самобытность с тех пор вплоть до седьмого столетия христианской эры. Она впервые появилась на берегах Эгейского моря, оттуда распространилась на

берега Черного моря и Средиземноморья и, со временем, разрослась по суше на восток в Центральную Азию и Индию и на запад, вплоть до атлантического побережья Северной Африки и Европы, включая часть острова Великобритании"¹⁰⁴.

Причем, по мнению буржуазного историка, данная цивилизация не может быть отождествлена с какой-либо отдельной страной или языком¹⁰⁵. Сущность эллинизма, — заключает Тойнби, — "не географическая и не лингвистическая, а социальная и культурная ...и тот, кто приспособивался к жизни, каковой она была в эллинском городе-государстве, признавался эллином независимо от его происхождения"¹⁰⁶; причем критерием признания эллина, по мнению английского историка, был доступ принять участие в каких-либо из четырех панэллинских игр и прежде всего в олимпийских¹⁰⁷.

Характеризуя эллинскую цивилизацию подобным образом, Арнольд Тойнби выделяет прежде всего три основных ее признака, или три основных института, которые тесно связаны между собой. Это — институт городов-государств, институт войны и культ человека, или гуманизм. Данные рассуждения о сущности античного феномена противоречат марксистской концепции, согласно которой "без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи"¹⁰⁸.

С точки зрения Тойнби, господствующим институтом эллинской цивилизации было не рабство, а лишь институт городов-государств. "Эллинизм, — пишет британский историк, — это отличительный образ жизни, который был воплощен в господствующем институте городов-государств"¹⁰⁹. Конечно, в чистом виде, как это признает

сам Тойнби, данный институт не является отличительным признаком эллинского образа жизни. "Отличительным при эллинизме, — как считает английский историк, — было его (института — Н.С.) употребление, которое превратило этот институт, как средство передачи практического выражения в нечто особое во всем мире" ^{IIО}.

Это туманное определение специфики античного общества опять-таки резко отличается от марксистского определения классической древности как истории городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии: "Частный земельный собственник является в то же время городским жителем" ^{III}.

Будучи, по мнению Тойнби, прежде всего социальным остовом эллинского образа жизни ^{II2}, эллинские города-государства возникли параллельно с рождением эллинской цивилизации, в эпоху анархии и беспорядков, которые царили в Эгейском мире в XII-IX веках до н.э., вследствие уничтожения варварами "первичных" обществ, в ходе массового переселения, в ту эпоху, когда, по словам историка, шли постоянные войны между жителями долин и пастухами гор ^{II3}. Эта анархия и войны, а точнее постоянная внешняя угроза со стороны обитателей гор, и явились, по мнению Тойнби, причиной консолидации сельских общин той или иной долины в города-государства ^{II4}. Хотя данное предположение не лишено здравого смысла, мы видим однако, что Тойнби выделяет лишь внешние причины образования эллинских полисов.

Между тем, государство — историческая категория. Оно является продуктом разложения родо-племенного строя, вырастает с возникновением классов и классовых противоречий и призвано в

классовом обществе подавлять интересы угнетенных в угоду эксплуататорам. Причем различные социальные и политические формы должны быть объясняемы тем, к чему, насилие применяется, что является объектом грабежа, — продуктами и производительными силами каждой эпохи и вытекающим из них самим распределением. Так, "восточный деспотизм был основан на общей собственности, античные республики — на городах, занимавшихся также и земледелием, Римская империя — на латифундиях"^{II5}.

Почти каждый город-государство, объединяющий сельские общины той или иной долины, включал в себя, по мнению английского историка, прежде всего общую цитадель хотя бы в качестве "островка спасения", где люди данной равнины со своим рогатым скотом и движимым имуществом могли найти убежище от неприятельских набегов. Цитадель обычно становилась постоянным гражданским центром с храмами для богослужения и местами собраний для решения мирских дел, причем некоторые из них находились на открытом воздухе, другие же были крытыми... К тому же несомненно, что постоянный городской центр обычно со временем обрастал посадом и этот эмбриональный город в свою очередь мог со временем быть обнесен стеной"^{II6}. Характеристика, безусловно, наивная, но при всем этом английский историк верно замечает, что сущность городов-государств не топографическая и процесс консолидации сельских общин нельзя сводить просто к синойкизму, хотя он имел топографический аспект. "Вероятно, нельзя полагать, — пишет Тойнби, — что все население города-государства селилось за городскими стенами даже там, где территория была настолько мала, что пашня находилась неподалеку; это было невозможным,

что очевидно там, где территория была обширна"^{II7}. Города-государства, — заключает из этого буржуазный ученый, — это союз не домов, а сердец, причем прежде всего психологическое объединение, которое не могло быть создано искусственно"^{II8}. Таким образом, справедливо подмечая наличие психологического фактора в синойкизме, Арнольд Тойнби, рассматривая эллинский полис как союз сердец, крайне абсолютизирует и идеализирует его. Это отношение Тойнби к греческому полису выражается в следующих положениях.

Возникнув из анархии, чтобы сделать жизнь человека возможной, города-государства, как указывает Тойнби, даровали своим гражданам благо общественной безопасности и их становление содействовало утверждению порядка в Эгейском бассейне. В этом, по мнению Тойнби, состоит их несомненная заслуга, которая завоевала данному институту престиж и благодарность его граждан"^{II9}. Однако позитивное значение городов-государств, как социального института, имеющего свое законодательство, гораздо шире. И оно, как, видимо, считает Тойнби, заключается в освобождении ими человеческой личности от культа природы, и прежде всего, от особенно связывающих уз культа природы в форме рода, а точнее оно заключается в определенном просторе и стимуле, которые были даны этой личности для развития своих потенциальных возможностей вследствие вышеуказанного процесса. В самом деле, освободив индивидуумов от первобытного порабощения родом, закон городов-государств дал им относительный простор для развития своих творческих возможностей, ибо "родовая жизнь", — и это признает сам Тойнби, — держит человечество в зависимости от не-

человеческой природы. В кругу семьи человеческие существа с их помыслами и желаниями являются зависимыми личностями¹²⁰. Кроме того, лишив людей тесной связи между собой, города-государства "обеспечили их социальной средой, которая, — как пишет Тойнби, — побуждала их использовать свои таланты в своих интересах"¹²¹.

Степень простора и стимула, которые были даны индивидуумам эллинскими городами-государствами в период их наивысшего расцвета, т.е. в эпоху роста эллинской цивилизации, измеряется, как справедливо отмечает британский историк, достижениями личностей в эту эпоху в самых различных областях их деятельности, которые действительно были настолько велики, что эллины, по словам Тойнби, стали боготворить данный политический и социальный институт, сделавший их возможными¹²², а следовательно, боготворить и свою коллективную душу. Подобная величина простора и стимула, видимо, и обеспечила исключительность эллинской разновидности в институте городов-государств, если о таковой можно говорить.

Тем не менее локальная эллинская община, — утверждает сам Тойнби¹²³, — не могла дать простор наивысшим способностям личности и побудить ее максимально использовать свой талант в своих интересах. В этой связи буржуазный ученый указывает прежде всего на то, что города-государства освободили личности от древнего порабощения родом ценой нового порабощения городом — государством. "Они, — пишет Тойнби, — требовали повиновения местным законам, подчинения военному воспитанию и дисциплине, а также готовности рисковать своей жизнью в интересах государства в битве с его врагами"¹²⁴. Более того, города-государства

имели два недостатка, которые, по мнению буржуазного ученого, сделали их несоответствующими не только в качестве объектов поклонения, но и в качестве социального остова эллинского образа жизни, что явилось предпосылкой для существования на протяжении всей истории эллинской цивилизации многочисленных дополнительных институтов, которые в той или иной мере компенсировали эти недостатки¹²⁵. Один из недостатков эллинских городов-государств Тойнби видит в том, "что простор и стимул, которые они дали своим гражданам, полностью использовала лишь одна небольшая часть общества: а именно граждане мужского пола"¹²⁶. Женщины же и рабы оставались политически бесправными и естественно нуждались в психологической компенсации. Политическое неравноправие женщин и мужчин Арнольд Тойнби объясняет двумя причинами, первая из которых весьма научнообразна, вторая же более чем сомнительна. Во-первых, подобное явление он объясняет той ролью, которую граждане мужского пола стали играть в жизни эллинского общества, а именно: мужчины в отличие от женщин, указывает Тойнби, "проводили время на базарной площади, где свершалась торговля (Where public business was transact - Н.С.), а также на полях и в мастерских, где добывались средства для жизни общества"¹²⁷. Во-вторых, создавшееся положение английский ученый объясняет тем, что "...социальное становление города-государства дало жизни мужчин так много нового, что их матери, жены и дочери не были более равны им в умственном отношении"¹²⁸. Однако основной недостаток эллинских городов-государств английский историк видит не в том, что они давали простор и стимул лишь гражданам мужского пола, но в том, что их было много, а

не один, ибо такое явление содействовало постоянным войнам между ними, которые подобно городам-государствам стали основным институтом эллинского образа жизни¹²⁹. Причем подобно институту городов-государств институт войны, разумеется, не был свойствен лишь эллинизму. Отличало же эллинский союз войны от цивилизации, видимо, то, что он был использован для решения самых ранних проблем, поставленных перед эллинским обществом, и прежде всего для создания эллинского порядка, благодаря победе жителей долин над пастухами гор. Это, по мнению английского историка, значительно содействовало культивированию данного обычая, его использованию для решения последующих проблем¹³⁰. Причины же постоянных войн между эллинскими городами-государствами, а также их войн с соседними обществами Тойнби видит в их стремлении разрешить внутреннее напряжение, создавшееся в каждом из них, а также во всем эллинском мире, главным образом, вследствие количественного роста населения, а также строгости географической среды, за счет своих соседей¹³¹. Так, например, внутреннее напряжение заставило Спарту воевать с Мессенией, а остальные эллинские города-государства - силой оружия захватывать плодородные земли за морем и, кроме того, воевать за свою добычу с другими конкурирующими левантийскими обществами¹³². Разумеется, войны, особенно внутри эллинского общества, были губительными, но обуздать их, видимо, возможно было лишь в рамках панэллинской общности, в наличии которой все классы эллинских городов-государств и нуждались¹³³.

Третьей характерной чертой эллинизма Тойнби, как указывалось выше, считает культ человека. "Эллины, - пишет он, - виде-

ли в человеке центр мироздания и поклонялись ему как богу"¹³⁴. Однако подобно двум другим основным институтам гуманизм не был свойствен исключительно эллинскому образу жизни. По мнению Тойнби, "он был характерной религией человека во все времена и во всех местах"¹³⁵. Однако эллинскую разновидность в гуманизме, как считает английский историк, отличало то, что она была самой искренней и самой бескомпромиссной практикой в истории поклонения человеку¹³⁶. Данное положение Арнольд Тойнби объясняет, видимо, двумя следующими причинами: во-первых, тем, что еще посредством технических изобретений первичных цивилизаций была достигнута власть человека над нечеловеческой природой¹³⁷, последние, однако, не стали поклоняться человеку, так как в отличие от эллинской цивилизации они находились еще под бременем предшествующих эпох и, кроме того, не овладели важнейшим элементом в природе, а именно: родом, причем человеческие существа оставались у него в зависимости¹³⁸. Вторая причина, видимо, заключалась в том, что эллинская цивилизация в отличие от последующих цивилизаций, а также своих современниц в течение значительного периода времени не знала ни ужасных бедствий, ни горечи, ни разочарований, которые могли бы надломить моральный дух эллинов и убедить их на горьком опыте, что они не являются хозяевами над собой¹³⁹. Поклонение человеку эллины, по мнению ученого, непосредственно унаследовали от своих варварских предков, разрушивших первичные левантийские общества. "Эллинская цивилизация, - пишет Арнольд Тойнби, - должна была начать свою жизнь на средства двух наследий варваров: эпических поэм, приписываемых Гомеру..., а также пантеона богов, которые были симво-

лами таинственных превратностей природы, но были сотворены в образе человека, точнее варвара или в образе всех людей"^{I40}. Однако олимпийский пантеон, по мнению историка, был недостойным объектом поклонения, ибо человеческая сущность варвара, проявившаяся в нем с мучительным реализмом, особенно непоучительна, и поэтому этот пантеон быстро дискредитировал себя в глазах эллинского общественного мнения^{I41}. Тем не менее, он как бы явился переходным этапом от культа природы к гуманизму. Гуманизм же, по словам английского ученого, проявлялся в эпоху эллинской цивилизации в двух основных альтернативных формах, "которые были менее отвратительны, чем культ обожествленных варварских воинов и сварливых женщин"^{I42}. Одной из двух альтернатив был культ коллективной власти человека, проявившийся, как указывает британский историк, первоначально в локальных городах-государствах, а затем, естественно, в единой Римской империи^{I43}, которая, по его же словам, была построена из клеточек, "составленных (эллинскими - Н.С.) городами-государствами"^{I44}. В самом деле, "истинной религией" древних был культ их собственной "национальности", их "государства"^{I45}.

Города-государства, по мнению Тойнби, были более достойны поклонения своих граждан, ибо содействовали становлению эллинского порядка, который и был на них основан, а также дали личностям простор и стимул для развития своих возможностей, что, как указывалось выше, и явилось непосредственной предпосылкой для боготворения данного института. Однако, как справедливо указывает английский историк, граждане поклонялись своим городам-государствам под видом прежних божеств, отдельные из кото-

рых были олимпийского, а другие еще более древнего происхождения, причем большинство городов-государств было представлено покровительствующими богинями. "Богиня-покровительница, - как отмечает Арнольд Тойнби, - символизировала коллективную власть граждан мужского пола. Поклоняясь ей, они поклонялись своей коллективной душе"¹⁴⁶. И данное положение не лишено основания, если исходить из того фактора, что эллинские города-государства и их закон были созданы самими эллинами. Второй альтернативной формой поклонения человеку, характерной, видимо, лишь для эпохи дезинтеграции, был, по мнению Тойнби, культ отдельной человеческой личности. "Были и сицилийский тиран, - пишет буржуазный историк, - и македонский царь, и римский император, которые представляли себя спасителями общества; далее, были и стоический мудрец и эпикурейский, которые, как казалось, собственным примером могли спасти другие личности, так как они, по-видимому, спасли себя посредством суровых усилий над собой"¹⁴⁷. Тем не менее эллины, по мнению историка, никогда не чувствовали себя свободно в практике поклонения человеку, даже в его менее позорных формах, ибо постепенно узнавали, что человек не может обожествлять себя безнаказанно. "Причиной их тревоги, - пишет Тойнби, - был страх стать виновными в "гибридах", точнее в самонадеянной гордости, которая навлекает на человеческое существо, поддавшееся ей, негодование и возмездие богов"¹⁴⁸. Поэтому на протяжении всего хода эллинской цивилизации эллины, по мнению английского историка, находились в поисках религиозного познания и удовлетворения¹⁴⁹, о чем свидетельствует целый ряд дополнительных, большей частью заимствованных

ими в различное время, институтов, которые были призваны, чтобы удовлетворить их духовные запросы. Но от поклонения человеку они избавились лишь на самом последнем этапе своей жизни.

К.Марксу приходилось много раз выступать против идеалистической теории о том, что существование государств и цивилизаций связано с существованием религий, определяющих судьбу этих государств и цивилизаций. Убедительными примерами из истории античности Маркс доказывает несостоятельность этой теории. Так высочайшим внутренним и внешним расцветом Греции являются эпохи Перикла и Александра Македонского. Но и для той и для другой характерен упадок религии: "В эпоху Перикла софисты, Сократ, ...искусство и риторика вытеснили религию. Эпоха Александра была эпохой Аристотеля, который отверг вечность "индивидуального" духа и бога позитивных религий"¹⁵⁰. Такие же примеры Маркс приводит и в отношении древнего Рима, неопровержимо доказывая, что расцвету цивилизации соответствовал в истории упадок религии. Маркс вправе был сказать, что "не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий"¹⁵¹. Эти положения, высказанные за сто лет до Тойнби, целиком опровергают его концепции "гуманистической религии" греческих полисов.

В период роста эллинской цивилизации на протяжении УШ-УП вв. до н.э. существовало около десятка дополнительных институтов, которые, по словам Тойнби, удовлетворяли лишь две потребности эллинов¹⁵². Так, например, на потребности женщин и рабов разбогатели и в значительной степени удовлетворяли ее местные

элевсинские таинства и ввезенный извне культ фракийского бога Диониса^{I53}, ибо эти две религии, по словам Арнольда Тойнби, "давали господствующую роль женщине, а также обеспечивали выход наружу неразумных страстей из подсознательных глубин Психеи"^{I54}.

По мнению английского историка, имелись также дополнительные институты, которые показывали стремление эллинов к панэллинской общности, обеспечивали чувства панэллинской солидарности.

Так в качестве панэллинского наставника в этот период выступал храм Аполлона в Дельфах, действительная миссия которого, как указывал Тойнби, "заключалась не в сомнительном гадании, а в том, чтобы дать мудрый совет"^{I55}. Стремление к панэллинской общности выражали и панэллинские спортивные фестивали, став критерием признания эллина. "Они, - пишет историк, - были основным выражением сознания коллективной принадлежности к эллинской цивилизации"^{I56}. Далее, все эллины имели другое общественное достояние в поэмах Гомера, которые, по словам буржуазного ученого, явились для них тем, чем библия является для христиан или коран для мусульман^{I57}. "И вот особенность эллинизма, - пишет Тойнби, - заключалась в том, что ему суждено было преуспеть в выражении сознания коллективной принадлежности (к данной цивилизации - Н.С.) не только в политике или в религии, но и в поэзии, и в спорте"^{I58}. Видимо, содействовал воспитанию чувства панэллинской солидарности, по словам Тойнби, и такой институт, как улучшенный эллинами вариант финикийского алфавита. Он явился их основным лингвистическим средством

выражения коллективной принадлежности к данной цивилизации¹⁵⁹.

Необходимо также отметить, что в период роста эллинской цивилизации имели место и такие институты, к которым эллины обратились в поисках религиозного познания и удовлетворения, а также в поисках панэллинской "церкви" (выражение Тойнби - Н.С.). В этой связи Тойнби обращает внимание на орфические обряды и учения, а также на философскую систему Пифагора, которые, по его словам, были противоположными вариантами одной религии, пришедшей в эллинский мир откуда-то извне и до сих пор еще существующей в Северной Азии¹⁶⁰. Однако этой религии не суждено было не только не удовлетворить религиозные запросы эллинского общества, но и стать его панэллинской "церковью"; и это Тойнби объясняет субъективными факторами.

"Пророки Эллады во второй четверти последнего тысячелетия до н.э., - пишет он, - не были духовно равны своим великим современникам в Ханаане и Индии. В отличие от них Пифагор и Эмпедокл сочетали роль пророка с ролью философа и естественно - ка"¹⁶¹, а также "они сочетали эту роль с ролью первобытного чародея"¹⁶². Далее, отмечает Тойнби, "знатоки орфизма пользовались дурной славой за то, что опустились до этого первобытного уровня, и за то, что зарабатывали на доверчивости своих клиентов"¹⁶³.

В роли панэллинской "церкви" в этот период, по словам Тойнби, выступал храм в Дельфах, причем буржуазный историк заостряет внимание на том, что "данный оракул черпал свое вдохновение из местного союза трех видов божества: божества природы, олицетворенного в образе Геи, божественной силы, управляю-

щей Вселенной, представленной Аполлоном, и демонического божества подсознательной Психеи, которое проявилось в образе Диониса"¹⁶⁴. Однако данному институту также не суждено было отвлечь эллинов от поклонения человеку и удовлетворить их религиозные запросы.

Итак, в отличие от многих буржуазных ученых Тойнби мыслит эллинскую цивилизацию не только как категорию культуры, но прежде всего как социальную категорию, выразившуюся в господствующем институте городов-государств, и в этом его несомненная заслуга. Однако социальное начало у буржуазного ученого представит все же лишь как "союз сердец", т.е. в социальном у него на первый план выступает духовное. То же самое можно сказать и о других компонентах "эллинской цивилизации", производных от главного. Если внимательно присмотреться к этим утверждениям Тойнби, то они восходят по своей сути к идеалистическим построениям старых циклистов, начиная с Вико и кончая Данилевским и проч. Много общего в идеях Тойнби с философской теорией Гегеля, который употреблял применительно к эллинам понятие "принцип" в том аспекте, в котором Тойнби использует категорию "компоненты цивилизации". Восходя от общего к частному, Тойнби, как и Гегель, внес немало в теоретическую разработку эллинской истории, поэтому далеко не все из приведенных тойнбианских положений следует отвергать. Они во многом вполне применимы для характеристики эллинской культуры, психологии, идеологии. Однако марксистская философско-историческая мысль отвергает существо построений Тойнби. Главный "принцип" эллинской цивилизации с марксистско-ленинской точки зрения - рабство. Известно, какое

значение Маркс придавал изучению структуры античной гражданской общины; но все же базой этой общины Маркс, Энгельс, Ленин считали рабовладельческие отношения, без которых трудно мыслить и полис, и гражданские свободы, и "культ человека" и т.д.

Итак, при всей разработанности и последовательности теория эллинской цивилизации Тойнби ложна в своих предпосылках; очевидно, тем более важно ознакомиться с анализом развития этой цивилизации у Тойнби, поскольку искусственность упомянутых предпосылок усугубляется у английского историкософа новыми компонентами.

§4. Этапы становления, развития и гибели эллинской цивилизации

Проблема становления, развития и гибели эллинской цивилизации занимает одно из важнейших мест в научном творчестве Арнольда Тойнби. Именно по греко-римскому образцу развиваются у него все цивилизации прошлого^{I65}.

Известно, что по мнению Тойнби, возможны два пути возникновения локальных цивилизаций: непосредственно из первобытного строя и на развалинах предшествующей цивилизации.

Рождение эллинской цивилизации у английского историка, очевидно, шло по второму пути. Она зародилась на развалинах минойско-микенского порядка. Именно бежавшие от дорийских захватчиков в Малую Азию ионийские и эолийские греки, которые в свое время были блюстителями минойских традиций и обладателями Ахейской морской державы^{I66}, основали, как отмечает Тойнби, эллин-

ские города-государства¹⁶⁷. "В эллинском мире, - пишет буржуазный ученый, - города-государства... впервые появились на Азиатском побережье Эгейского моря и оттуда распространились в Европейскую Грецию"¹⁶⁸.

Однако в своем анализе пути возникновения эллинской цивилизации Арнольд Тойнби обнаруживает известную противоречивость. С одной стороны, он неустанно повторяет, что эллинская цивилизация была дочерней по отношению к минойской цивилизации, погибшей в результате массового переселения варваров; с другой - указывает на то, что осколки погибшего общества были затоплены кровью варварского вторжения и следы прошлого были стерты настолько, что в эллинском фольклоре едва ли сохранилось какое-либо воспоминание о предшествующей цивилизации¹⁶⁹. "Эллинская цивилизация, - заключает историк, - должна была начать свою жизнь на средства двух наследий варваров: эпических поэм, приписываемых Гомеру, которые стали для эллинов тем, чем библия является для христиан и коран для мусульман, а также пантеона богов, которые были символами таинственных превратностей природы, но были сотворены в образе человека, точнее варвара..."¹⁷⁰

Марксистская точка зрения на этот счет совсем иная: "Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, изготовление растительного масла и виноделие, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города, окруженные зубчатыми стенами с башнями, гомеровский эпос и вся мифология - вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в

цивилизацию"¹⁷¹.

Само возникновение цивилизаций, как отмечают советские ученые (и эллинская в этом смысле не является исключением), Тойнби стремится изобразить как чудо, однако он дает условия для его свершения. И первым таким условием, которое несомненно имело место и в Эгейском бассейне, является строгость географической среды не слишком суровой, но и не щедрой.

С одной стороны, Тойнби указывает на то, что эгейский образец нарушенного ландшафта, где цепи гор разрывают долины, обеспечивает своих обитателей пахотной землей, которая превосходит по качеству. "Крутизна гор, - пишет английский историк, - заставляет почву собираться в лощинах подобно каше в чашке. Глубина почвы здесь велика, и поверхность ровная"¹⁷². Далее он справедливо отмечает, что эгейский район обеспечивает превосходное морское сообщение. "В тех местах на побережье, где равнины сходятся с горами, имеются во многих случаях удобные естественные гавани, и учение кораблевождению обусловлено наличием вереницы островов"¹⁷³.

С другой стороны, Тойнби указывает на то, что географическая среда Эгейского района не является слишком щедрой. Так превосходная пахотная земля строго ограничена по количеству, причем, он особо обращает внимание на невозможность расширить ее посредством устройства более низких склонов гор в виде террас. "...В эгейском бассейне, - пишет историк, - климат слишком сух и горные склоны слишком голы для того, чтобы сделать этот громадный труд стоящим затраченного времени"¹⁷⁴. Строгость среды обуславливается, видимо, и значительными сезонными

отклонениями в климате, которые, по мнению Тойнби, здесь имеют место. "Расположенный на границе между Европой и Африкой эгейский бассейн имеет европейскую зиму и африканское лето"^{I75}.

Знакомство с крайними сезонными отклонениями, заключает Тойнби, приучало эгейских обитателей чувствовать себя как дома в широком радиусе различных физических сред^{I76}.

Следующей предпосылкой для возникновения эллинского порядка, как указывает английский историк, явился упадок минойского общества. "Исторической предпосылкой для первого этапа истории эллинизма, — пишет он, — был закат минойско-микенской цивилизации, которая предшествовала эллинизму в эгейском бассейне"^{I77}.

Упадок минойского общества фактически обеспечил здесь, по мнению Тойнби, социальный вакуум, в который отовсюду были втянуты варвары, сокрушившие окончательно старый порядок и принесшие с собой анархию и бесконечные войны^{I78}, т.е. ту социальную, с точки зрения британского историка, среду, которая была, видимо, необходима для становления нового порядка. И эту непрерывную войну, которая велась в Эгейском районе между жителями долин и пастухами гор вплоть до третьей четверти VIII века до н.э., Тойнби рассматривает как непосредственный толчок к возникновению новой цивилизации^{I79}. Само возникновение эллинских городов-государств, что, по его мнению, явилось шагом к построению новой цивилизации, мыслится им как ответ жителей долин на постоянную внешнюю угрозу с гор. "Город-государство возник, — восклицает он вслед за Аристотелем, — чтобы сделать жизнь возможной"^{I80}. Причем победа жителей долин над обитателями гор почти повсюду в Элладе привела, в свою очередь, к восстановлению

в Эгейском бассейне закона и порядка¹⁸¹. Хотя данное утверждение отчасти и справедливо, тем не менее становление эллинского классового общества Тойнби объясняет в основном внешними, в частности, политическими факторами. Цивилизация у него родилась из войны. Социальную же несправедливость он считает лишь следствием, а не причиной данного процесса. "Все, что дорого стоит, - пишет он, - должно покупаться по дорогой цене. Частью цены за восстановление порядка в Эгейском бассейне явилось создание социальной несправедливости"¹⁸².

Вслед за возникновением эллинской цивилизации, по мнению буржуазного историка, наступает стадия ее развития, длившаяся до рокового 431 года до н.э. Причем, первым этапом в росте эллинской цивилизации была эпоха морской колонизации эллинизма, длившаяся немногим более двух сотен лет, начиная с третьей четверти VIII века до н.э. и до последней четверти VI века до н.э.¹⁸³ Данная эпоха, как считает английский историк, имела место почти у всех эллинских народов, за исключением спартанцев¹⁸⁴; причем, колонизация за море явилась их ответом на создавшееся в начале VIII века до н.э. внутреннее напряжение в результате действия двух факторов, а именно: роста населения, что явилось следствием становления порядка и блага общественной безопасности¹⁸⁵, а также недостатка пахотной земли в Элладе вследствие строгости ее географической среды. Таким образом, "в VIII веке до н.э., - заключает Тойнби, - они (эллины - Н.С.) были поставлены перед выбором: либо умереть от голода, либо вывезти избыточное население за море"¹⁸⁶; причем, вплоть до VI века до н.э. основная цель эллинской колонизации, как отмечает британский

историк, состояла в том, чтобы приобрести как можно больше сельскохозяйственной земли¹⁸⁷. Нетрудно видеть, что эта характеристика причин колонизации у Тойнби весьма расплывчата. Маркс дал четкое и последовательное определение колонизации, указав, что в Греции и Риме вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. "Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации. Но почему это было так? Потому что этим государствам было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства. Чтобы сохранить свою цивилизацию, их граждане должны были оставаться немногочисленными. В противном случае им грозило подчинение игу того изнурительного физического труда, который превращал тогда свободного гражданина в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция"¹⁸⁸.

Основными направлениями эллинской морской колонизации, как известно, были западное по Средиземному морю и северо-восточное через проливы в Черное море. Тойнби справедливо объясняет это тем, что "в обоих этих направлениях местные народы были менее цивилизованными, чем эллины и поэтому не представляли для них серьезных противников"¹⁸⁹. Единственными серьезными конкурентами эллинов здесь, по мнению буржуазного ученого, были пионеры других левантийских обществ, а именно: финикийцы и эт-

русски.

Среди эллинских народов ведущую роль в организации морской колонизации играли, по утверждению Тойнби, локрийцы, коринфяне, мегаряне и халкидяне, а также милесийцы и фokeйцы, причем последние участвовали только в морской колонизации на восток, а последние — только на запад. Почти никакого участия в этом движении не принимали спартанцы. И английский ученый объясняет это их специфическим решением общеэллинской проблемы перенаселения. Они предпочли завоевывать земли не за морем, а у своих ближайших соседей в Пелопоннесе. Однако последовательно проводить такое решение оказалось, как справедливо отмечает буржуазный ученый, намного более трудным, ибо цивилизованные мессенцы в отличие от нецивилизованных туземцев берегов Черного моря и западного Средиземноморья не получили никакой выгоды из того, что были покорены Спартой. И в свою очередь ответом на такое решение явилось, по мнению Тойнби, установление так называемой ликурговой системы и окончательное окаменение спартанского варианта в эллинской цивилизации к концу VI века до н.э.¹⁹⁰ "Она (ликургова система — Н.С.), — пишет Тойнби, — была результатом вынужденного приспособления спартанской жизни к обязательным условиям власти Спарты над Мессенией"¹⁹¹.

Однако прекращение развития спартанского варианта в эллинской цивилизации, как постоянно подчеркивает Тойнби, было преждевременным¹⁹². В целом же эллинская цивилизация продолжала развиваться, и следующим этапом в ее росте была эпоха экономической революции и социальных потрясений, причем социальные изменения были в известной степени обусловлены изменениями эко-

номическими.

Экономическую революцию буржуазный историк, в духе всех модернизаторов древности, мыслит как "переход от экономического строя, основанного на обработке земли для непосредственного внутреннего пропитания, к экономическому строю, основанному на специализированном производстве индустриальной, а также сельскохозяйственной продукции на экспорт в обмен на импорт продуктов питания и сырья"¹⁹³. В каждом отдельном городе-государстве эта общая экономическая революция имела, по мнению Тойнби, свое специфическое проявление. Так, например, в Аттике она состояла в переходе к специализированному выращиванию винограда и олив, дающих вино и растительное масло, которые смогли быть обменены на хлебные злаки Сицилии, Египта и Украины вместо того, чтобы выращивать пшеницу для внутреннего потребления¹⁹⁴. В Коринфе "революция" заключалась в переходе к специализированному производству глиняных изделий, расписываемых в протокоринфском стиле¹⁹⁵. "Милет же, - отмечает Тойнби, - научился зарабатывать средства к жизни, обменивая предметы роскоши на украинское зерно, а также посредством прядения и ткачества фригийской шерсти"¹⁹⁶. Причем буржуазный ученый указывает, что своего полного завершения семена экономической революции достигли лишь в Афинах¹⁹⁷.

Цель экономической революции состояла в том, чтобы прокормить как можно больше ртов. Она была ответом, по мнению английского историка, на внутреннее напряжение в эллинском мире, которое создалось еще раз в конце VI века до н.э. вследствие непрекращающегося роста эллинского населения, с одной стороны, а также прекращения эллинской морской экспансии на западе, с

другой, посредством которой внутреннее напряжение и разрешалось на протяжении УШ-УІ веков до н.э. "Население эллинского мира, - пишет Тойнби, - все еще увеличивалось (оно продолжало увеличиваться вплоть до II-го века до н.э.). Замедление же и конечное прекращение эллинской экспансии без какого-либо увеличения производительности на душу населения или с одного акра земли направили давление продолжающегося роста внутрь"¹⁹⁸. Причем замедление и конечная остановка эллинской экспансии на западе были, по мнению английского историка, обусловлены лишь внешнеполитическими причинами. "В ходе УІ века однако, - пишет Тойнби, - в Западном Средиземноморье произошли политические перемены, которые вызвали изменение судеб"¹⁹⁹. Остановку эллинской морской экспансии этрусками и финикийцами он объясняет, с одной стороны, объединением сил конкурентов²⁰⁰, а с другой, заменой ассирийского и вавилонского сюзеренитета над финикийскими первичными городами в Ханаане и Сирии персидским: "Соединение с Персидской империей при условиях особой привилегии, - пишет английский историк, - давало финикийцам мощную военную, политическую и экономическую поддержку"²⁰¹. Эти два революционных изменения вместе, заключает Тойнби, нарушили равновесие не в пользу эллинов достаточно для того, чтобы остановить их морскую колонизацию к концу УІ века до н.э.²⁰²

Экономическая революция явилась, по мнению британского историка, не просто следствием внутреннего напряжения, каковыми были социально-политические потрясения, а именно: политические революции, гражданские войны и тирании²⁰³, которые, видимо, сами по себе лишь временно смягчали это напряжение. Экономическое

изменение, как указывает Тойнби, было важнейшим из всех, потому что оно разрешало экономическую проблему — "проблему обеспечения все еще растущего населения в рамках нерасширяющихся более сельскохозяйственных владений"²⁰⁴. Именно оно создало дополнительный продукт на душу населения. Однако, вместе с тем Тойнби предполагает тесную взаимосвязь экономических и социально-политических явлений, происходивших в эту эпоху. Так орудием, которое осуществило экономическое преобразование, как впрочем и политическое, явилась, по мнению буржуазного ученого, диктатура. "В большинстве общин, где подобные изменения имели место, — пишет Тойнби, — они были произведены насильственно посредством деятельности диктаторов ("тиранов")"²⁰⁵; эпидемия этих тираний началась, по его мнению, в истимийских государствах (Коринфе, Сикионе, Мегарах) и распространилась оттуда сначала на азиатские государства (Милет, Митилену), а затем на Афины²⁰⁶. С другой стороны, социально-политической отдачей экономической революции было, с точки зрения британского историка, устранение аристократии от власти в большинстве эллинских городов-государств²⁰⁷ и установление социальных режимов, соответствующих новому порядку вещей. Причем, тому или иному этапу экономической революции соответствовал тот или иной режим. Так в Афинах, где, по мнению Тойнби, процесс индустриализации продвинулся далее, чем в истимийских государствах²⁰⁸ (так что гребец и ремесленник достигли к концу VI века той командной позиции в обществе, которой примерно две сотни лет назад достиг мелкий землевладелец-гоплит)²⁰⁹, установился демократический режим, основанный на коалиции между афинскими мелкими землевла-

дельцами-гоплитами и безземельным большинством населения²¹⁰. В истимийских же государствах, где семена экономической революции не достигли своего завершения, "установились консервативные (или олигархические) режимы, основанные на дружественном соглашении между мелкими землевладельцами-гоплитами и деловыми людьми"²¹¹. Здесь "коммерсанты и мелкие землевладельцы были все еще способны не допускать индустриальных рабочих к власти"²¹².

Интересно, что в этих "обмолвках" Тойнби относительно "индустриальных рабочих" и "коммерсантов" обнаруживается неспособность даже такого крупного "историкософа", как Тойнби, оторваться от буржуазной "модели" эволюции общества. Подлинной моделью для Тойнби в оценке мировой истории является не античная цивилизация сама по себе, а ее капиталистический первообраз.

Обусловленность социально-политических процессов экономическими у Тойнби лишь кажущаяся; ибо сама экономическая революция явилась у него следствием внешнеполитических факторов, а именно: прекращения эллинской морской колонизации.

Вслед за эпохой экономической революции, по мнению Тойнби, в истории роста эллинской цивилизации наступает "золотое пятидесятилетие" (с 478 по 432 год до н.э.), которое и завершает собой данную стадию. Сущность данной эпохи, как считает английский историк, заключается в расцвете искусств в Элладе²¹³. И данный расцвет он рассматривает как ответ на вызов персидской агрессии с востока, как результат победы эллинов над персами. "Их (искусства - Н.С.) привело к внезапному расцвету, - пишет он, - вдохновляющее впечатление явно сверхъестественной победы, которая вырвала эллинов из пасти самой смертельной опасности,

с которой они когда-либо встречались"²¹⁴.

С подобной постановкой вопроса вряд ли можно согласиться. Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры²¹⁵. Тем не менее все эллинские народы, которые сражались с персами, почувствовали стимул, причем этот "стимул, — как отмечает Тойнби, — был тем больше у того или иного народа, чем больше был его вклад в общую победу"²¹⁶. И наивысших достижений в области искусств, естественно, достигли афиняне, которые, по мнению буржуазного ученого, "внесли самые большие пожертвования в общее дело"²¹⁷. В самом деле, аттическая драма, архитектура и скульптура в течение золотого пятидесятилетия, если о таковом можно говорить, не только достигли своей высшей точки, но и затмили достижения других эллинских народов. Однако самым прекрасным цветком Афин, с точки зрения Тойнби, была не статуя, строение или пьеса, а душа человека, причем она достигла своего наивысшего выражения в образе Сократа. "Душа, скрывающаяся за этой фигурой, не была душой обычного смертного"²¹⁸. Вслед за дельфийским оракулом Тойнби объявляет консервативного философа-идеалиста Сократа самой умной личностью, которую когда-либо породил эллинизм, характеризуя его при этом как в высшей степени положительного человека. В частности, историк отмечает, что в своих личных знакомствах Сократ якобы игнорировал национальную и социальную вражду. "Он, — пишет Тойнби, — имел друзей среди всех классов в Афинах, а также во многих государствах, включая, например, Фивы, кото-

рые в общественной жизни находились в плохих отношениях с Афинами во время жизни Сократа²¹⁹. Вместе с тем, как постоянно подчеркивает английский историкософ, Сократ "был щепетильным до мелочей в исполнении воинских и других обязанностей, возложенных на него аттическим законом"²²⁰. Тойнби указывает и на вклад Сократа в изучение человеческих мыслей и человеческого поведения, на его умелое использование искусства диалектики²²¹. Однако он все же критикует греческого мыслителя за его тезис о том, что преступление обусловлено не злым намерением, а невежеством²²², указывая, однако, при этом, что это мнение было типично эллинским в результате склонности греков объяснять нравственные вопросы не относящимися к вопросам морали терминами.

В жизни всякой цивилизации, однако, вслед за стадией роста наступает, с точки зрения Тойнби, брейкдаун, т.е. поломка, и эллинская цивилизация в этом смысле не явилась исключением.

Нет, здесь не сказывается биологический закон или действие природных сил; лишения людей достигли рубежа. Творческая прослойка разрушила "гибрид" и потеряла право на самоопределение; она не могла якобы найти силы, которые бы рассеяли революционный разряд. После того, как экономическая революция в VI веке до н.э. сделала локальные общины эллинского мира экономически взаимосвязанными, эллины, как указывает британский историк, потерпели неудачу в достижении политического единства, которое теперь требовали новые экономические обстоятельства²²³. Причем брейкдаун эллинизма ознаменовала собой Пелопоннесская война, которая и явилась Немезидой вышеуказанной неудачи. "Полувековой расцвет эллинизма после победы над персами, — пишет

Тойнби, — был внезапно прерван в 431 году до н.э. началом губительной войны между афинянами и пелопоннесцами... Остальной мир был втянут в эту борьбу, и эллинская цивилизация лишь частично и временно оправилась после этой самой себе нанесенной раны²²⁴. Данная война бросила эллинский мир в дезинтеграцию. Она явилась началом постоянных войн народов данной цивилизации между собой, их войн с другими обществами, революций и гражданских войн, которые длились с временными передышками в течение четырех веков вплоть до 31 года до н.э.²²⁵ и знаменовали собой эпоху "смутного времени", т.е. первый этап разложения эллинского мира.

Пелопоннесская война, вызвавшая "поломку" эллинской цивилизации и длившаяся, по своеобразному мнению Тойнби, вплоть до 338 года до н.э.²²⁶, была обусловлена, с его точки зрения, лишь политическими предпосылками. "Данное бедствие, — пишет он, — имело свои источники в политической и военной истории предшествующего пятидесятилетия... Семена разногласия были (уже — Н.С.) посеяны в ходе тех самых лет, когда пелопоннесцы и афиняне сражались плечом к плечу против персидских захватчиков европейской Греции²²⁷, но главным было "прогрессивное изменение к худшему" в отношениях Афин с их союзниками. "Спарта (в 431 году до н.э. — Н.С.), — пишет Тойнби, — с неохотой решила поддержать союзный ей Коринф... главным образом потому что прогрессивное превращение Делосской конфедерации в Афинскую империю до известной степени увеличивало могущество Афин, что, как казалось, угрожало свободе эллинского мира в целом"²²⁸.

Данная война, как справедливо отмечает буржуазный историк,

была войной гражданской между соперниками противоборствующих политических идеологий внутри каждого города-государства, одновременно будучи войной международной²²⁹. Однако Тойнби в духе своей идеалистической концепции отмечает, что "ущерб, нанесенный войной, которая опустошала сердце эллинского мира в течение девяноста трех лет, не должен измеряться с материальной точки зрения. Духовный вред был более серьезным"²³⁰. Он заключался в отвращении эллинских сердец от городов-государств, причем решающим событием в этом плане, с точки зрения буржуазного историка, был нравственный конфликт между Сократом и Афинами²³¹.

"Ничто не сделало так много, - пишет историк, - как узаконенное убийство Сократа, чтобы отвратить эллинские сердца от всех городов-государств. Ибо Афины возвысились до положения образца, каким каждому эллинскому государству следовало быть"²³², а Сократ, как указывалось выше, был душой эллинизма. "Заставив Афины выбирать между уважением его совести и лишением его жизни, он (Сократ - Н.С.) нанес им поражение более позорное, чем их поражение от Спарты пятью годами ранее"²³³. В самом деле, если разгром Афин Лисандром, Филиппом II и Антигоном Гонатом были военными, то их развенчание Сократом было духовным.

Международная столетняя война, происходившая в 431-338 годах до н.э., как указывает Тойнби, выдвигала на передний план то Спарту, то Фивы, то Фокиду, но завершилась установлением македонской гегемонии в Греции и пятнадцатилетним внутренним миром, причем успех Филиппа Тойнби объясняет двумя субъективными факторами: во-первых, его характером, во-вторых, преднамеренным восприятием цивилизации эллинского мира македонским ца-

рем²³⁴.

Однако успех Филиппа в деле объединения Эллады под руко - водством Македонии оказался, по мнению Тойнби, эфемерным. "Смертоносная братоубийственная война в эллинском мире, - пишет он, - которая велась в масштабе городов-государств в течение девяноста трех лет (431-338 годы до н.э.) и затем была пресечена на пятнадцать лет (338-323 годы до н.э.), теперь вспыхнула вновь после смерти Александра в значительно большем масштабе"²³⁵. И это Тойнби объясняет "социальным" фактором, а именно социальной отсталостью структуры Македонского государства, объединившего на мгновение эллинский мир. "...Эллинизация, - пишет он, - не возместила закоснелой слабости Македонии. Ее монархическое устройство ставило судьбу Македонии в зависимость от прихотей и жизней личностей, которые были подвержены ошибкам и были смертными"²³⁶; причем успех Филиппа был уже сведен на нет деятельностью Александра. "Жизнь и смерть Александра, - отмечает он, - уничтожили сделанное его отцом Филиппом сначала своим расширением эллинского мира до громадного размера и затем своим расколом его в политическом отношении на большое количество противоборствующих государств, которые постоянно находились в состоянии войны друг с другом..."²³⁷ Войны, вспыхнувшие вновь, велись со всей беспорядочностью, которая была культурным наследием македонской аристократии от варварской эпохи анархии²³⁸.

Это были войны между государствами, политические структуры которых выглядели как многообещающие решения общей проблемы эллинского мира в деле изобретения конституций для большего государства; причем из трех эллинских преемниц эфемерной миро-

вой державы Александра: Македонии, Египта и государства Селевкидов; монархия Селевкидов, по мнению буржуазного историка, обнаружила самую большую политическую оригинальность²³⁹. "Селевкидам, - отмечает Тойнби, - удалось создать эффективные политические рамки, и это в очень большом масштабе, в котором могло вместиться множество несuverенных колониальных городов"²⁴⁰. Селевкиды установили такие отношения с эллинскими городами в пределах своих границ, которые удовлетворяли обе стороны. "Если бы монархия Селевкидов, - заключает британский историк, - не была преждевременно выведена из строя, она бы эволюционизировала в союз городов-государств, держащихся вместе благодаря общей принадлежности короне"²⁴¹. Еще более многообещающим, потому что потенциально более устойчивым средством достижения органического союза между городами-государствами были, с точки зрения Тойнби, Ахейская и Этолийская федерации²⁴², где, как известно, применялся институт дуалистического гражданства. "Центром каждого из этих новых союзов, - пишет он, - была ранее отсталая область, где не было воспоминаний о древней местной славе, которая бы отпугнула обладающие законодательной властью кантоны или города-государства от слияния своих отдельных суверенитетов и позволения гражданину делить свою преданность между его родным городом или кантоном и большим государственным объединением, в которое тот город вступил"²⁴³.

Но будущее, по мнению Тойнби, было за новым государством к западу от пролива Отранто²⁴⁴, выход которого на международную арену, с точки зрения буржуазного историка, не был преднамеренным²⁴⁵. При этом Тойнби справедливо отмечает, что "струк-

тура нового Римского государства была разнородной и большинство ее черт имело эллинские прецеденты"²⁴⁶.

В конце III века до н.э. локальные войны между эллинскими государствами переросли, с точки зрения Тойнби, в общеэллинскую войну, в эпоху агонии, длившуюся до 31 года до н.э. "Локальным пожарам, - пишет он, - суждено было слиться в панэллинское пожарище"²⁴⁷. Причем в течение первых семидесяти трех лет этой международной войны с 218 по 146 годы до н.э. Рим победил все другие державы, которые вступили в состязание с ним. Окончательные победы Рима над Ганнибалом, македонянами, Селевкидами и другими эллинскими народами Тойнби объясняет лишь психосоциальными, политическими и военными причинами. Что касается психосоциальных причин, то здесь британский историк прежде всего указывает на неукротимый дух римского сената и народа и на непоколебимую преданность Риму большинства его граждан и союзников²⁴⁸. Что же касается политических причин победы Рима над другими государствами, то буржуазный ученый имеет в виду его специфику в политике натурализации чужеземцев. "В своей политике предоставления права участвовать в выборах чужеземцам, - пишет Тойнби, - Рим был более великодушным, чем любая держава, которая до этого выступала на арену эллинской международной политики... В результате этого Рим стал обладать таким запасом военных ресурсов, которому не мог ничего противопоставить ни один из его противников"²⁴⁹. Говоря о военных причинах победы Рима, буржуазный историк указывает на преимущество строя и вооружения римских солдат. В частности, "римляне были более удачливыми, чем македоняне даже в лучшие дни македонской фаланги, в сочетании

массы с мобильностью"²⁵⁰. Тяжелая римская пехота, как известно, распределялась по "группам", причем каждая численностью в 120 человек, и эти "группы" выстраивались тремя волнами. "Этот тактический порядок, - пишет буржуазный ученый, - был шагом в направлении сдерживания резервов, чтобы бросить их в бой в решающий момент. Таким образом римская армия могла предпринять в бою много маневров, прежде чем смириться с поражением, и ее возможности были широки, тогда как судьба (фаланги, которую большинство эллинистических государств использовало в качестве строя для своих армий - Н.С.) зависела от исхода единственной атаки, предпринятой одной единицей"²⁵¹. Что касается вооружения римского солдата, то оба его наступательных оружия были эффективными, и они были вдвойне таковыми, потому что употреблялись согласованно, причем предварительный град дротиков был предназначен для того, чтобы ослабить сопротивление врага, прежде чем атаковать его мечом врукопашную²⁵².

Всеобщая война между эллинскими государствами в эпоху агонии, в которой победу одержал Рим, сопровождалась также гражданскими войнами, которые, по мнению Тойнби, и были вызваны ею через посредство взаимообусловленных и взаимозависимых социально-экономических факторов, а именно: обезлюдивания сельской местности, роста городов, экономической революции II-го века до н.э., изменения социального состава римской армии и других, которым эта международная война и дала толчок.

В частности, международная война, которую Тойнби и здесь считает причиной экономического развития, обезлюдилась якобы сельскую местность всего эллинского мира, причем особенно основа-

тельно Южную Италию и Сицилию. "Из многих театров военных действий, - пишет Тойнби, - южно-италийский и сицилийский были опустошены наиболее основательно"²⁵³. Опустошение сельской местности, в свою очередь, вызвало рост городов. "Перемещенные лица из сельской местности, - пишет историк, - стекались в города в поисках безопасности, подачек и удобств"²⁵⁴. Чрезмерный же рост городов ценой обезлюдения сельской местности открыл, как указывает Тойнби, дорогу экономической революции второго века²⁵⁵, сущность которой в отличие от экономической революции VI века до н.э. заключалась в замене крестьянских хозяйств "капиталистическими" ранчо и плантациями, где применялся труд рабов. "В экономической революции шестого века, - пишет английский историк, - свободное крестьянство было собственниками бенефиций. Возросшая прибыль, полученная от земли, стекалась в их карманы. Революция второго века оставила крестьян без дела, представив работу рабской рабочей силе"²⁵⁶, причем "она проводилась местными капиталистами"²⁵⁷. Что касается труда рабов, то он, как известно, имел преимущество над трудом свободных в том, что ему можно было не давать ни отдыха, ни срока, а также в том, что он был более дешевым. Вследствие этого крестьянство, как отмечает Тойнби, отстранялось от земли, которую предки обрабатывали с незапамятных времен.

Анализируя причины вытеснения мелких крестьянских хозяйств рабовладельческими латифундиями, Тойнби, наряду с коренной модернизацией всего процесса, игнорирует немаловажную деталь, а именно: роль ростовщичества римских патрициев в этом процессе. Между тем лишь "когда ростовщичество римских патрициев оконча-

тельно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое²⁵⁸.

Естественно, такое положение вещей повлекло за собой изменение социального состава римской армии. Из ассоциации земельных собственников она, как указывает Тойнби, употребляя термины из британской аграрной истории, превратилась в тред-юнион лишенных собственности фригольдеров в поисках новых владений, что имело своим следствием превращение военных полководцев в политических боссов, которые покупали вооруженную поддержку своих войск для ведения гражданской войны со своими противниками, обещая при этом дать солдатам наделы экспроприированной италийской земли в качестве награды за одержанные победы над своими соотечественниками²⁵⁹.

Эпоха агонии, длившаяся до 31 года до н.э., "обнаружила себя, - как утверждает Тойнби, - не только в гражданских войнах среди свободных граждан Римского государства, но также и мятежах рабов, восстаниях подвластных восточных народов и во вторжениях варваров"²⁶⁰. Данное утверждение носит однако декларативный характер, ибо анализу вышеуказанных явлений английский историкософ уделяет слишком мало внимания. Более подробно он говорит о восстании рабов под предводительством Спартака, характеристика которого дана в следующих трех фразах: "...В 73 году до н.э. банда гладиаторов (жертв ужасного этрусского спорта) убежала из тюрьмы в Капуе под предводительством Спартака... и беспрепятственно скиталась в течение трех лет по италийской сельской местности, собирая подкрепление из рабских хижин на

плантациях. Ужас, который они вселили, отразился, после того, как они были пойманы, в жестокости, с которой оставшиеся в живых были наказаны. 6000 крестов, на которых они были распяты, тянулись на всем пути из Рима в Капую...²⁶¹ Между тем, Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов. "В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию"²⁶².

Международные гражданские войны, мятежи рабов и восстания восточных подвластных народов, которые, как указывалось выше, знаменовали первый этап в истории разложения эллинской цивилизации: эпоху "смутного времени", завершились, по мнению Тойнби, установлением в 31 году до н.э. августовского мира и порядка, который характеризовал собой второй этап в дезинтеграции эллинского общества: эпоху "универсального" государства или принципата. Английский историк не дает предпосылок становления единого эллинского порядка и рисует наступление мира Августа внезапным. "К 31 году до н.э. — пишет он, — эллинский мир был в агонии в течение 188 лет, и общество, как казалось, было при последнем издыхании, когда внезапное наступление августовского мира дало эллинизму неожиданную передышку"²⁶³. Между тем, если мы прибегнем к терминологии Арнольда Тойнби, то вынуждены будем признать, что важнейшей предпосылкой принципата и дальнейших социально-политических перемен явилась "экономическая революция" II-го века до н.э. В частности, Ф.Энгельс в работе "Про-

исхождение семьи, частной собственности и государства" акцентирует внимание на том положении, что крупные землевладельцы и денежные магнаты, которые постепенно поглотили всю земельную собственность разоренных войной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные имения при помощи рабов, обезлюдили Италию и тем самым проложили дорогу не только императорской власти, но и ее преемникам - германским варварам²⁶⁴.

"Порядок" Августа просуществовал, по мнению Тойнби, 265 лет (с 31 года до н.э. по 235 год н.э.)²⁶⁵ и был основан на четырех ведущих институтах, причем опорой принципата был эллинский средний класс²⁶⁶. "Новый порядок, - пишет английский историк, - был основан на четырех институтах: обожествленном царь-спасителе, обожествленном мировом государстве, в котором местные города-государства составляли ячейки государства; профессиональной армии; профессиональной государственной гражданской службы"²⁶⁷.

Новые институты, симпровизированные Августом и улучшенные его преемниками, действительно дали возможность принципату принять в Средиземноморском бассейне и прилегающих к нему районах миссию эллинизма от Александра Великого и довести ее до конца. Однако "эти достижения, - с точки зрения Тойнби, - не принесли с собой омоложение, которое было жизненной необходимостью для эллинского мира"²⁶⁸. Дело в том, что "в эпоху агонии эллинские души, - по мнению буржуазного историка, - осознали то, что находятся во власти разрушительных сил в обществе и в самих себе, которыми они не знали, как управлять"²⁶⁹. Это повлекло за собой банкротство поклонения человеку в двух его формах. "Оно,-

пишет Тойнби, - дискредитировало идеал царя-спасителя²⁷⁰, а также идеал обожествленного мирового государства²⁷¹. Вследствие этого "при августовском мире они (эллина - Н.С.) жили в духовном вакууме. Они, отмечает английский историк, потеряли предыдущие объекты поклонения и не нашли ничего, чтобы заменить их..."²⁷² Более того, безвкусию жизни в эпоху принципата способствовали, с точки зрения английского историка, благоденствия, дарованные миром Августа, которыми явилось отсутствие войны, революций и т.д. "Эти облегчения, - пишет он, - не принесли с собой никакого позитивного простора или стимула для деятельности, так что эллины избежали... агонии только для того, чтобы быть огорченными скукой"²⁷³. Монотонность жизни при принципате отразилась, как считает Тойнби, в тогдашней моде на "архаизмы". "Люди, - указывает историк, - не находили творческого вдохновения в жизни своего времени, поэтому они искали новизну в при-творном подражании прошлому"²⁷⁴. Причем более земные души были привлечены, начиная со II-го века до н.э. и далее псевдонаукой астрологией²⁷⁵.

Августовский мир, главным признаком которого, по мнению Тойнби, была скука, оказался, с точки зрения буржуазного историкософа, политически непрочным. "...Эта четверть тысячелетия, - пишет он, - была (лишь - Н.С.) долгосрочной передышкой..."²⁷⁶ И далее: "...В 235 году эллинский мир вновь впал в беспорядки, сравнимые по своей суровости и продолжительности с беспорядками, от которых Август спас его"²⁷⁷. Каждый из четырех ведущих институтов, на которых новый порядок был основан, имел дефекты, которые в конечном счете и обусловили постепенное создание по-

литического напряжения, переросшего в политический кризис, в ходе которого, по мнению Тойнби, эллинская цивилизация и погибла.

Растущее напряжение, с точки зрения Тойнби, было совокупным. Это было давление на крестьянство, чтобы поддерживать паразитическое города; это было давление на гражданскую службу, чтобы принять работу от правительств упавших городов-государств в дополнение к своей собственной; это было давление на налогоплательщика, чтобы поддерживать растущую гражданскую службу, а также растущую армию. И все это разразилось во всеобщую катастрофу, причем, римское мировое государство растворилось в анархии, в ходе которой эллинизм, по словам Тойнби, фактически перестал существовать²⁷⁸. "Гибель эллинизма в ту эпоху анархии, - пишет английский историкософ, - очевидна..."²⁷⁹ "Когда...впадение эллинского мира в анархию в III веке разорило эллинский средний класс, эллинская цивилизация погибла вместе с ним"²⁸⁰. И она погибла "в результате собственной неудачи эллинов ответить на вызов, с которым они столкнулись в V веке до н.э."²⁸¹ Запоздалое же "учреждение эллинского мирового государства было не лекарством для болезни эллинизма, а просто временным паллиативом"²⁸².

Тойнби рисует пессимистическую картину того, как голодные эллинские души, жившие при августовском мире в духовном вакууме, который был слишком велик, чтобы быть заполненным либо мистикой, либо астрологией, обратились к многочисленным миссионерским религиям, конкурирующим между собой, из которых христианство имело наибольшую привлекательность²⁸³. Привлекательность

христианства объединяла в себе привлекательность каждой из других соперничающих религий. "Бог христианства, — пишет Тойнби, — был всемогущим единственным истинным богом иудаизма и зороастризма, и в этом всееляющем благоговейный страх виде данное божество могло казаться почти недоступным. Тем не менее для христиан еврейский бог справедливости был также богом — любящим отцом, и в боге солнца данное божество пожимало руки своим поклонникам в человеческом образе Иисуса"²⁸⁴. Таким смещением с некой синоптической точкой зрения вида божества в эллинском политеизме с его видом в еврейском монотеизме христианство не отразимо привлекло к себе эллинские души²⁸⁵. Причем непостижимый образ бога, воплощенный в Иисусе, дал христианству движущую силу, которая, возможно, была полезной, чтобы обеспечить его победу²⁸⁶.

Более того, чтобы преуспеть в деле обращения эллинов в свою веру, христианство, подобно соперничающим с ним религиям, как указывает Тойнби, представилось в эллинском одеянии²⁸⁷. Подобно другим миссионерским религиям, оно выразило себя в эллинском стиле наглядного искусства. Так, "самые ранние известные картины Иисуса, выполненные христианскими художниками, — пишет историк, — изображают его под видом легендарного эллинского пророка, поэта и музыканта Орфея"²⁸⁸. Далее, подобно большинству своих соперниц, христианство стало "использовать греческий и латинский язык для своих литургий, священных писаний, пропаганды вероучений и толкований теологии"²⁸⁹. Однако уступки христианства эллинизму были еще более радикальными. Так, в отличие от других миссионерских религий, христианская церковь

базировала свою структуру на структуре эллинского мирового государства. В противоположность культам Кибелы, Изида, и Митры христианство, по определению Тойнби, было единственным в постройке для себя мировой административной организации вместо того, чтобы разрешить каждой локальной группе идти своим собственным путем²⁹⁰. Причем местные общины христиан были автономными, не будучи суверенными²⁹¹.

Классики марксизма-ленинизма, определяя роль христианства в гибели античного мира, указывали, что когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Однако причины данного процесса отнюдь не были связаны с непостижимым образом бога, воплощенным в Иисусе, и эллинским одеянием новой религии. Дело в том, что с помощью христианства "был найден выход, который вел страждущих и обездоленных из нашей земной доли в вечный рай"³⁹². Первоначальное христианство выступало прежде всего как религия рабов, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака. С другой стороны, социальные принципы христианства оправдывали античное рабство. "Христианство, - а в силу исторических предпосылок иначе и не могло быть, - хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в "тысячелетнем царстве", которое должно-де наступить в недалеком будущем..."²⁹³

Между тем, Тойнби утверждает, что в то время, как христианство распростерло свои объятия достаточно широко для эллинизма, чтобы соблазнить голодные эллинские души искать духовную пищу в лоне церкви, церковь показала неослабленную еврейскую

непримиримость, отвергая все в эллинском образе жизни, что она не считала достойным усвоения. "Христианство, — пишет Тойнби, — было настолько вредным для эллинизма, насколько оно было заманчивым для эллинов"²⁹⁴. Причем "греческий христианский мир порвал с традициями эллинизма, сделав радикальные нововведения в большом количестве областей"²⁹⁵. И к седьмому веку н.э. христианство окончательно вытеснило эллинизм.

Однако христианство, на наш взгляд, не было основным фактором постепенного отмирания античных рабовладельческих порядков. Гибель античного общества предопределяется особенностью характера труда в ту эпоху, ибо рабский труд ставит предел развитию производительных сил. "Рабство — там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т.е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем, как с другой стороны, для более развитого производства рабство является помехой, устранение которой становится настоятельной необходимостью. Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его совершается в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока, наконец (Рим), не происходит завоевания таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства"²⁹⁶. В этих

замечательных словах Ф.Энгельса дан не только научный анализ основной причины гибели античного мира, но и марксистская схема эволюции эллинской цивилизации, противоположная схеме А.Д. Тойнби.

Глава II

СПАРТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ
ЭЛЛИНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

§I. Генезис

Как уже упоминалось в диссертации, особое место в научном творчестве Тойнби, в течение всей его жизни, занимала проблема спартанского общества. Еще в своей статье "The Growth of Sparta" Арнольд Тойнби выделял три родовых кризиса в становлении спартанского города-государства. Первым великим кризисом, с его точки зрения, является синойкизм²⁹⁷, т.е. объединение сельских общин в город-государство. Что касается Спарты, то она, как указывает буржуазный ученый в своей монографии "Some Problems of Greek History", первоначально состояла из четырех поселений: Питан, Лимн, Киносур и Месои²⁹⁸; причем Питаны и Лимны были первостепенной парой. "Эти две общины, - пишет Тойнби, - объединились друг с другом добровольно на условиях равноправия"²⁹⁹. В самом деле, только это объяснило бы непрерывное существование их соответственных царских домов в качестве соединенных на равном основании династий спартанского государства как единого целого; причем, как указывает английский историк, царским домом питанатов были Агиады, а лимнатов - Эврипонтиды³⁰⁰. Данная гипотеза ученого подтверждается сведениями, дошедшими до нас от Павсания; последний, в частности, отмечал, что могилы Агиадов находились в Кротанах³⁰¹, которые являлись частью Питан, а могилы Эврипонтидов имели место в Лимнах³⁰². Между тем утверж-

дение Арнольда Тойнби о том, что два спартанских царских дома имели одинаковый удельный вес, оспаривается Форрестом, который замечает, что Агиады классифицировались в качестве старшего из двух царских домов³⁰³. Точка зрения Форреста находит свое подтверждение в "Истории" Геродота. Последний, в частности, отмечает, описывая соперничество между спартанским царем Клеоменом I из рода Агиадов и Демаратом из рода Эврипontiдов, что "Демарат также был царем спартанцев, но происходил из менее значительного дома; в общем, дом этот не был ниже другого, так как оба происходили от одного и того же предка, но большим почетом пользуется потомство (агиадского - Н.С.) Еврисфена по праву первородства"³⁰⁴.

В определении даты основания Спартанского города-государства посредством этого союза между Агиадами и Эврипontiдами взгляды Арнольда Тойнби претерпели известную эволюцию. Так, в своей статье "The Growth of Sparta", вышедшей в свет в 1913 году, английский историк отмечал, что существование города-государства Спарты начинается с момента совместного завоевания этими двумя кланами Эгины (района вокруг водораздела Эвроты и Алфея). Данное событие он датирует здесь 790-760 годами до н.э., т.е. началом VIII века до н.э.³⁰⁵ В другой своей работе "Some Problems of Greek History", опубликованной, как указывалось выше, в 1969 году, Тойнби, как кажется, считает, что синойкизм агиадской и эврипontiдской общины предшествовал завоеванию Эгины, т.е. имел место в конце IX века до н.э.³⁰⁶ "Синойкизм, - недвусмысленно пишет здесь английский историк, - должен был предшествовать завоеванию Эгины"³⁰⁷. И далее: "Завоевание Спар-

той Эгины предполагает, что она завоевала ранее город-государство Пеллану, территория которого расположена по обе стороны верхней долины Эвроты"³⁰⁸. С другой стороны, ученый отмечает, что дата слияния эврипонтидской и агиадской общины, т.е. дата слияния Питан с Лимнами, должна быть позднее, чем начало IX века до н.э., ибо самые ранние останки геометрической эпохи на данном месте не могут быть датированы ранее начала IX века до н.э.³⁰⁹ В отношении двух других поселений, а именно: Мессои и Киносур, — буржуазный историк признается в полном неведении относительно даты их включения в первичное ядро города Спарты. "Мы не знаем, — пишет он, — была ли Месоа уже связана с Питанами, а Киносур с Лимнами до синойкизма агиадской и эврипонтидской общины друг с другом, или же эти два поселения были последующими дополнениями к первоначальной паре"³¹⁰.

Что касается этнических источников любой из первых четырех общин, составляющих спартанское государство, то, как полагает Арнольд Тойнби, "значительная доля первоначальной спартиатской гражданской массы должна была происходить от переселенцев, говорящих на северо-западном греческом диалекте, которые поселились в Лаконии во время после микенского массового переселения"³¹¹. Причем, перед началом спартанских завоеваний большей частью этих северо-западных греческих обитателей Нижнего Лакедемона были, конечно, граждане неспартанских городов-государств, которые, вероятно, были синойкизирваны, примерно, в то же время, что и Спарта, т.е. в то время, когда институт городов-государств распространялся из азиатской в европейскую часть эллинского мира³¹².

Что касается причины процесса синойкизма сельских общин в города-государства, то ею, с точки зрения английского античника, как отмечалось в первой главе нашего исследования, явилось не их социальное расслоение, а необходимость борьбы с внешними врагами и друг с другом. Еще в своей статье "The Growth of Sparta" Арнольд Тойнби по этому поводу писал: переселенцы "разграбили город Менелая, но они не унаследовали его царства ... Обитатели были оставлены без центральной власти, чтобы принуждать или защищать их. Каждое село должно заботиться о себе и рассчитывать на безопасность своих соотнесенных стен: самопомощь порождает самоуправление, и последовала борьба за существование между этими многочисленными политическими центрами, которые внезапно выросли на поверхности земли, и среди которых две общины, вновь явившихся в передней части (лаконской -Н.С.) равнины, - Тойнби здесь имеет в виду агиадскую и эврипонтидскую общины, - не имели первоначально господствующего положения. Свое конечное господство они завоевали в результате нескольких столетий борьбы, в которой они показали себя самыми достойными для того, чтобы уцелеть"³¹³. Таким образом, хотя английский историк и говорит здесь о том, что одна из функций центральной власти состоит в принуждении граждан, в политическом синойкизме спартанского города-государства он выделяет в первую очередь внешнюю сторону. Более того, в монографии "Some Problems of Greek History" генезис спартанского полиса Тойнби ставит в прямую зависимость от завоевания Спартой Лаконии и Мессении. "Нет никакого свидетельства, - пишет ученый на этот счет, - о том, что существовало какое-то различие в языке или националь-

ности между этими тремя политическими категориями (т.е. спартиатами, илотами и перизками - Н.С.) в рамках Лакедемонского государства, которое спартанские завоевания породили³¹⁴ (подчеркнуто мною - Н.С.). Причем, с точки зрения Тойнби, Спарта, как кажется, завоевала Лаконию и Мессению в ходе восьмого века до н.э.³¹⁵ Между тем некоторые греческие авторитеты, интерпретируемые отдельными современными учеными, смешивали этот эпизод в истории южных двух-пятых Пелопоннеса с массовым переселением северо-западных греческих варваров в Лаконию около 1200 года до н.э. В частности, известный немецкий античник Нойман в одной из своих работ цитирует "Законы" Платона ради мнения о том, что клеры и другие земельные владения, которые спартанские "равные" имели в своих руках к VI в. до н.э., были розданы их предкам во время массового переселения³¹⁶. Подобную точку зрения отстаивает также и небезызвестный французский историк Кавеньяк, который в своей монографии "Sparte" утверждает, что оба спартанских царских дома происходили от вождей двух военных банд эпохи массового переселения³¹⁷. Что касается Арнольда Тойнби, то он по этому поводу писал: "Смешивать спартанские завоевания VIII в. до н.э. с массовым переселением приблизительно 1200 г. до н.э. является грубой хронологической и исторической ошибкой"³¹⁸. И далее: "Спартанские завоевания в VIII в. до н.э. не начались вплоть до даты, которая имела место примерно на 400 лет позднее, чем время массового переселения"³¹⁹.

В завоевании Спартой Лаконии и Мессении Тойнби вычленяет ряд этапов. Первым этапом, как отмечалось выше, явилось завоевание ею Пелланы и Эгины в конце IX - начале VIII веков до н.э.;

причем "Спарта навязала этим завоеванным общинам статус периэков, т.е. автономных, хотя и подчиненных государств под ее сюзеренитетом"³¹⁰. Следующее поколение (760-730 годы до н.э.) видело покорение Амикл, Фариса и Геранфра, полисов среднего бассейна Эвроты³²¹. Причем, с точки зрения английского историка, "завоевание и включение Амикл в состав спартанского государства было, возможно, самым решающим событием в истории Спарты. Оно принесло в собственность Спарты ранее неспартанскую большую часть Нижнего Лакедемона; и это открыло путь для того, чтобы Спарта, в конце концов, стала равной, а затем и превосходящей Аргос по военному и политическому могуществу"³²². Далее Тойнби справедливо отмечает, что "Амиклы сопротивлялись более упорно, чем либо Фарис, либо Геранфр"³²³. В самом деле, данная гипотеза подтверждается сведениями, дошедшими до нас от Павсания. Павсаний, в частности, пишет: "...Жители Фариса и Геранфра, испугавшись нашествия дорян, согласились уйти из Пелопоннеса на определенных условиях... Амиклийцы оказали им упорное сопротивление и совершили не бесславные подвиги"³²⁴. Причем Спарта, как утверждает буржуазный историк, обеспечила себе победу, лишь продолжая процесс синойкизма, включив в свое государство общину несеверо-западного греческого происхождения, а именно миниев, обитавших в горах Тайгета³²⁵. Согласно рассказу Геродота, племя миниев, обитавших в горах Тайгета, попросило лакедемонян (т.е. спартанцев) на каком-то этапе в истории Спарты, который Геродот не датирует, включить их в состав лакедемонского государства и дать им долю в правительстве и земле. "Лакедемоняне, - пишет Геродот, - согласились принять

миниев на тех условиях, какие были ими предложены... Принявши миниев, лакедемоняне отвели им землю во владение и разделили их на колена. Немедленно после этого минии стали жениться на лакедемонянках, а своих женщин выдавали за лакедемонян"³²⁶.

Анализируя причины включения миниев в спартанское государство, Тойнби отмечает, что "спартанцы нуждались в этом подкреплении, чтобы преодолеть сопротивление Амикл"³²⁷. "Их оружие, - пишет он, - склонило чашу весов"³²⁸. Эта гипотеза буржуазного историка находит свое подтверждение у Аристотеля. Последний, в частности, сообщает нам, что Тимомах, вождь конечной победоносной спартанской атаки на Амиклы был Агиадом, т.е. членом верховной семьи тайгетских миниев³²⁹. Причем, согласно Павсанию, Амиклы, в конце концов, были взяты спартанцами посредством штурма³³⁰. С другой стороны, согласно Страбону, Амиклы были преданы захватчикам предателем по имени Филоном³³¹. После того, как Амиклы были завоеваны, с ними, как отмечает Тойнби, обошлись более мягко, чем с двумя другими покоренными городами-государствами, т.е. с Фарисом и Геранфром. Так, в своей статье "The Growth of Sparta" английский историк отмечал, что Амиклы были оставлены "во владении их прежних обитателей"³³². Однако в своей монографии "Some Problems of Greek History" Тойнби придерживается несколько иной точки зрения на этот счет. Вот что он пишет: "Так как представитель Агиадов сыграл ведущую роль в завоевании Амикл, и так как Агиады, как кажется, с этого времени председательствовали на гиакинтиях в Амиклах, то кажется вероятным, что независимо от того, были ли некоторые или же все обитатели Амикл эпохи до завоевания изгнаны и лишены своих земель, тай -

гетским миниям, которым только что было дано спартанское гражданство, вероятно, было дано оно как членам новой общины, расположенной в Амиклах, и они, вероятно, были наделены землей не за счет членом четырех ранее существующих общин, но за счет покоренных амиклиан"³³³. Далее Тойнби конкретизирует: "В то же самое время мы имеем один ключ, который говорит о том, что некоторые, во всяком случае из покоренных амиклиан, возможно клика предателя Филонома, если Филоном является исторической личностью, были также приняты в спартанскую гражданскую массу на этом основании"³³⁴. Как бы то ни было, но после завоевания Амикл, Фариса и Геранфра ни одной покоренной общины, как справедливо отмечает Арнольд Тойнби, на любой стадии экспансии Спарты не было даровано спартанское гражданство"³³⁵. Это, в первую очередь, относится к обитателям нижнего бассейна Эвроты, которые были покорены на следующем этапе в ходе завоевания Спартой Лаконии и Мессении. "Нижний бассейн Эвроты, — пишет Тойнби на этот счет, — был присоединен прямо к территории государства самой Спарты; и здесь имело место роковое нововведение в обращении с местным населением... Покоренному населению... был дан статус "военнопленных" или "пленников" (heilotēs). Эти пленники были фактически обращены в рабов. Им позволили при молчаливом согласии продолжать возделывать свою наследственную землю; но сами они и продукты их труда находились в распоряжении спартанского государства"³³⁶. Далее статус илотов был также предоставлен обитателям Эпитидского царства в Мессении в результате первой Спартано-Мессенской войны, которая, с точки зрения Тойнби, имела место в 740-720 годы до н.э."³³⁷

"Эта война, — пишет, в частности, Арнольд Тойнби, — завершилась спартанской победой... По мирному урегулированию Спарта присоединила равнину Стениклер, которая была сердцем Эпитидского царства, к территории спартанского города-государства и низвела данных обитателей, как она низвела обитателей нижнего бассейна Эврота до статуса "пленников" (heilotēs)" ³³⁸. Между тем, перед первой Мессенской войной, как отмечает британский историк, Спарта также должна была обратить в перизков не только общины тенаронского полуострова, но и более значительные и более богатые города-государства юго-восточной Мессении ³³⁹. В противном случае она бросила бы юго-восточных мессенцев в объятия Эпитидов. Как бы то ни было, но к 720 г. до н.э. Спарта имела в своих руках всю Мессению вплоть до побережья на западе и устья реки Неды на севере ³⁴⁰. В самом деле, вторая Мессенская война представлена в наших источниках как война между спартацами и их мессенскими подданными, которые восстали против власти Спарты. Она велась, с точки зрения буржуазного античника, в средние десятилетия VII в. до н.э., причем власть спартацев над Мессенией была подтверждена ³⁴¹. В ходе первой половины VII в. до н.э. Спарта предпринимает две попытки завоевать Тегеатиду; данные попытки, с точки зрения Тойнби, потерпели неудачу. Это предположение английского историкософа находит свое подтверждение в "Истории" Геродота. Последний, в частности, писал: "Лакедемоняне были побеждены в сражении, а попавшиеся живыми в плен, меряли шнуром тегейское поле с цепями на ногах и обрабатывали землю" ³⁴². Однако вскоре после середины VI в. до н.э. Спарта, как указывает английский античник, нанесла неожиданное

поражение Аргосу; причем поражение Аргоса спартанцами при Фирее лишило Аргос Фиреатиды, а также всех колоний Аргоса к югу от нее. "Спарта, — пишет английский историк, — присоединила Фиреатиду к своей собственной территории и сделала ее частью своего общественного владения. Остальные кинурийские города-государства теперь стали периекскими колониями Спарты"³⁴³. Эти прибыли за счет Аргоса завершили приобретение Спартой двух пятых Пелопоннеса, которые она имела в своей собственности во время Пелопоннесской войны³⁴⁴. Причем с этого времени и далее Спарта стремилась расширяться посредством заключения союзов с другими государствами на великодушных условиях на основе общих интересов вместо того, чтобы пытаться осуществлять дальнейшие аннексии силой³⁴⁵.

Вторым родовым кризисом в эволюции города-государства Спарты явился, по мнению Тойнби, "переход от родового права к праву, основанному на собственности"³⁴⁶. Этот переход был осуществлен в ходе ликурговских реформ, которые, с его точки зрения, знаменовали собой третий великий кризис в генезисе лакедемонского полиса³⁴⁷.

У нас нет однозначного отчета о дате, когда так называемый ликургов режим был введен. Так, например, Фукидид датирует ликурговские реформы концом IX века до н.э. Вот что он пишет по этому поводу: "В течение немногим более четырех столетий, считая в обратном направлении от конца настоящей войны (Фукидид здесь имеет в виду Пелопоннесскую войну 431-404 годов до н.э. — Н.С.), лакедемоняне живут при настоящей конституции"³⁴⁸. Большинство греческих хронологов, однако, датировали ликурговские реформы на-

чалом того же столетия. Геродот, в частности, датировал Ликурга следующим поколением после Агиса I, эпонима Агиадского царского дома³⁴⁹. С другой стороны, Аристотель датировал Ликурга поколением основания олимпийских игр, традиционной датой которого был 776 г. до н.э. Аристотель принял эту дату на основании наличия имени "Ликург" очевидно в связи с именем "Ифит" на диске, хранившемся в Олимпии³⁵⁰. Отсутствие согласия среди наших греческих источников отражается в соответствующем разнообразии мнений среди известных современных английских ученых. Так, например, Хэммонд считает, что традиционное греческое датирование Ликурга IX веком до н.э. является исторически точным³⁵¹. Форрест в своей статье "The Dating of Lycurgan Reforms" датирует ликургову реформу примерно концом первой четверти VII в. до н.э., возможно 676/675 г. до н.э., который был началом спартанской истории³⁵². Подобным образом Джоунз определенно увязывает начало Спарты с введением ликурговой реформы³⁵³. Эндрьюс датировал законодательство Ликурга окончанием третьей Спартано-Мессенской войны, т.е. второго Мессенского восстания. Так, в своей статье "Eunomia" он писал: "Приблизительно до 600 г. до н.э. Спарта не была управляема при ликурговой системе или при чем-нибудь, что походило бы на нее". И далее: "Все указывает на то, что период около 600 г. до н.э. был периодом возможного изменения, и ошеломляющая вероятность заключается в том, что классическая спартанская система была учреждена в этот период"³⁵⁴. Что касается Арнольда Тойнби, то он не отрицает гипотезы Эндрьюса. "Второе Мессенское восстание, восстание, возглавляемое Аристоменом, — пишет он, — возможно дало спартанскому реформаторскому движению

его конечный импульс"³⁵⁵. Однако большее предпочтение Тойнби отдает концу первого Мессенского восстания в качестве даты ликурговой реформы³⁵⁶. Причем данную гипотезу он пытается отстоять посредством доказательства, вытекающего, как он говорит, из существа дела. Единственным, заслуживающим доверие родом доказательств для датирования введения "ликургова" режима, как отмечает Тойнби, является доказательство, вытекающее из существа дела... Узловым пунктом в ликурговой реформе явилось практическое признание ее важнейшей значимости гоплитской фаланги. При этой конституции, каковой мы застаем ее в V веке до н.э. и позднее, спартанские гоплиты были наделены наделами (клерами) и владели совокупно верховной властью в спартанском государстве. То, что мы знаем об истории развития гоплитского вооружения и гоплитской фаланги в эллинском мире, в общем, и в Спарте, в частности, указывает на то, что не похоже, чтобы в Спарте гоплитская фаланга завоевала политические полномочия, дарованные в "ликурговой" конституции спартиатскому демосу до завершения второй Спартано-Мессенской войны, т.е. первого Мессенского восстания³⁵⁷. Причем вывод о появлении гоплитской фаланги в Спарте в середине VII в. до н.э. Арнольд Тойнби заимствует у известного английского античника Снодграсса³⁵⁸. Данный вывод опровергается, однако, их британским коллегой Г.Л.Лоример. "Совместное свидетельство литературы и археологии, - пишет, в частности, Г.Л. Лоример, - подтверждает вывод о том, что щит с металлической лентой, который подразумевает гоплитскую тактику, был принят Коринфом и Афинами в самом начале VII в. до н.э., Спартой в пределах его первой четверти..."³⁵⁹ Причем, с ее точки зрения, гоп-

литское вооружение и тактика — все образуют единое целое и не могли быть введены в употребление по частям³⁶⁰. В отличие от Лоример, Снодграсс считает, что принятие в эллинском мире различных компонентов гоплитских доспехов и принятие фалангитской тактики не были одновременны друг другу. Его даты для принятия частей вооружения являются более ранними, чем даты Лоример, но его дата для принятия фалангитской тактики более поздняя, чем дата Лоример. "Существенные компоненты гоплитского вооружения, — пишет, в частности, Снодграсс, — все известны Эгейскому миру до 700 г. до н.э.; и их соединение друг с другом впервые изображено примерно двадцатью пятью годами позднее; полное поколение проходит прежде, чем мы имеем достаточно археологических свидетельств о принятии гоплитской тактики"³⁶¹. "Археологические и литературные свидетельства, — резюмирует, в свою очередь, Тойнби, — последовательно указывают, что дата этого события была не раньше середины VII века до н.э., и учреждение гоплитской фаланги в Спарте является подразумеваемым в "ликурговых" реформах"³⁶². Причем "ликургов" режим, с точки зрения Тойнби, оставался в силе вплоть до 227 г. до н.э., когда царь Клеомен III сделал в нем первую брешь, сломив могущество эфората, совершив таким образом "революцию", которую Клеомен оправдывал в качестве восстановления "ликургова" режима в его первоначальной форме. "Между 227 и 146 годами до н.э. имела место серия дальнейших революционных изменений, которая имела совокупным следствием почти полный демонтаж "ликургова" режима"³⁶³.

Что касается авторства так называемой ликурговой реформы, то еще Геланник приписывал учреждение спартанской конституции

У в. до н.э. и образа жизни царям Еврисфену и Проклу³⁶⁴. Более широко распространенная точка зрения однако заключалась в том, что данный режим был введен более поздним законодателем, который, если давать ему имя, был назван Ликургом. Между тем еще в своей статье "The Growth of Sparta" Арнольд Тойнби отрицал историчность Ликурга. Вот что он писал по этому поводу: "Что касается Ликурга, то он никогда не жил ни в каком поколении людей"³⁶⁵. Данную точку зрения английский историк развивает далее в своей монографии "Some Problems of Greek History". "Не было места для исторического Ликурга, — утверждает он, — в пределах периода, для которого имелось даже смутное знание о подлинном ходе событий"³⁶⁶. Вслед за известным немецким античником Эдуардом Мейером Арнольд Тойнби видит в культе Ликурга, как и в культах Гелена, Диоскуров, Менелая и Агамемнона, "пласт лаконийской религии эпохи домассового переселения, который пережил массовое переселение, и в конце концов, был перенят потомками незваных гостей, говоривших на северо-западном греческом диалекте"³⁶⁷. Причем спартанские рационализаторы, которые опустили бога Ликурга на землю, были, по мнению Тойнби, "преждевременными предвестниками Евгемера. Нет никакой записи их имен, и возможно они нарочито придумали эту анонимность, заменив себя богами в качестве фиктивных авторов собственных актов"³⁶⁸. Как бывший бог, — пишет далее английский античник, — Ликург был "выше борьбы между человеческими соперничающими фракциями, на которые спартанское государство расколосось; и хотя трудно трансформировать бога в человеческое существо без депотенцирования его данным актом, он все еще сохранит достаточную эманацию сво-

ей божественности, чтобы дать своему человеческому воплощению сверхчеловеческий престиж, который укрепит человеческие государственные акты, которые теперь были фиктивно приписаны ему"³⁶⁹.

Между тем дата превращения бога Ликурга в смертного человека, с точки зрения Тойнби, вероятно, имела место после эпохи Тиртея, который не упоминает Ликурга ни в одном из уцелевших фрагментов своей поэзии, но до эпохи Геродота³⁷⁰, в историческом труде которого Ликург уже появляется в качестве человеческого автора почти каждого спартанского института³⁷¹. Причем данная трансформация, по мнению буржуазного античника, была осуществлена ближе к поколению Тиртея, чем к поколению Геродота. "Тиртей, — пишет Тойнби, — возможно жил в то время, когда "ликургова" конституция вводилась в силу; и если это было политической подлинного человеческого автора или авторов этой конституции отречься от авторства, то он или они не могли долго откладывать обеспечение фиктивного человеческого родителя для исторического государственного акта"³⁷².

Что касается предпосылок так называемых "ликурговых" реформ, то Арнольд Тойнби рисует данные мероприятия прежде всего как средство для урегулирования внутренних социальных распрей в среде спартанского гражданского общества, которые возникли в результате ряда военно-политических и социально-экономических факторов. "Очевидно, одна из целей авторов "ликурговой" конституции, — пишет буржуазный античник, — заключалась в том, чтобы изменить внутреннее политическое равновесие Спарты до такой степени, которая положила бы конец внутренним распрям, от которых Спарта страдала со времени включения тайгетских миниев в сос-

тав спартанского государства и последующего расширения владений Спарты вследствие ряда завоеваний"³⁷³. Наличие беспорядков в Спарте в "доликургову" эпоху подтверждают наши источники. Так Геродот в своей "Истории" писал: "Ранее этого они (т.е. лакедемоняне - Н.С.) управлялись законами, менее совершенными, чем у каких-нибудь других эллинов"³⁷⁴. Далее Фукидид сообщает нам о том, что Лакедемон после своего основания настоящими обитателями... прошел через более длительную вспышку внутренних беспорядков, чем любое другое государство, о котором мы знаем³⁷⁵. Эти беспорядки, с точки зрения Тойнби, были обусловлены двумя событиями в истории Спарты, которые были тесно связаны друг с другом. "Первым из этих событий, - пишет английский историк, - было включение тайгетских миниев, возглавляемых агиадским домом, в спартанское государство; вторым событием явилось завоевание Спартой, благодаря этому подкреплению, Амикл, Фариса и Геранфра - решающий успех, который сопровождался завоеванием нижнего бассейна Эвроты и последующим завоеванием Мессении"³⁷⁶. Эти военные триумфы, по мнению Тойнби, добавили к спартанской территории значительное приращение, а именно: дополнительные территории, обрабатываемые трудом илотов, которые были приговорены сдавать половину своей ежегодной продукции спартанскому государству. Именно за этот приз разгорелась борьба между соперничающими фракциями спартанской гражданской массы³⁷⁷. Тойнби, вслед за Форрестом, восклицает: "И за заговором Partheniai (так, с точки зрения Тойнби, назывались в Спарте те тайгетские минии, которые были вынуждены мигрировать в результате провала данного заговора на Италийский полуостров, где они основали го-

род Тарент), и за "ликурговой" реформой лежали те же самые спорные вопросы: статус и земля, и эти спорные вопросы были созданы нажимами, оказанными на спартанскую экономику и спартанское общество в результате аннексии Мессении"³⁷⁸. Внутреннее напряжение в спартанском государстве через посредство деления политической и экономической добычи завоеваний в VIII в. до н.э., сообщает далее исследуемый автор, должно было быть труднопреодолимым, ибо имеются указания, что недовольство не было ограничено Агиадами и их минойскими последователями. Разногласия между новыми гражданами и старыми гражданами, как кажется, были осложнены разногласием между аристократами и простолюдинами, или, говоря языком экономических терминов, между землевладельцами и безземельными, которое разрезало поперек в пределах местности разногласия между различными общинами, из которых спартанское государство было составлено. Имеются указания, что дело простолюдинов без различия местности защищал агиадский царь Полидор, который царствовал во время и после первой Спартано-Мессенской войны... Полидор стоял за раздачу спартанским гражданам в наделах (клерах) завоеванной мессенской земли, и он пострадал за эту политику, будучи предательски убит. О нем говорили, что, когда его спросили, какова его цель нападения на Мессению, то он ответил, что ею является нераспределенная земля³⁷⁹. Данные распри, по мнению Арнольда Тойнби, достигли критической стадии первый раз после окончания первой Спартано-Мессенской войны³⁸⁰. Это заключение английского ученого подтверждается сведениями Геродота. Изложив подробно включение тайгетских миниев в спартанское государство, Геродот повествует да-

лее: "Немного времени спустя минии возгордились, требовали для себя долю участия в царской власти и совершили различные нечестивые деяния. Тогда лакедемоняне решили перебить их..."³⁸¹

"...И хотя в том случае, — констатирует Тойнби, — Спарта успешно избежала гражданской войны, просто обеспечив отдушину для изголодавшихся по земле спартиатов посредством эмиграции, требования безземельного большинства, которое по-прежнему оставалось на родине, не были удовлетворены. Когда, следовательно, продолжавшиеся распри достигли критической ситуации вновь после окончания первого или, возможно, второго Мессенского восстания, то реформаторы в этом случае, наконец, дали изголодавшемуся по земле и до тех пор политически неимущему большинству спартиатов реальное удовлетворение"³⁸². Ибо хотя требование простолюдинов относительно статуса и земли после второй Спартано-Мессенской войны было тем же самым, что и после первой Спартано-Мессенской войны, ситуация, как специально оговаривает английский античник, была другой. "Со времени поражения Полидора и *ερευνακται* (с точки зрения Тойнби — это еще одно прозвище тайгетских миниев, которое дали им их сограждане "дорийского" происхождения — Н.С.) законным интересом спартанской аристократии Спарта испытала сокрушительное поражение от Аргоса в 669 г. до н.э. при Гиссии; это сопровождалось всеобщим восстанием мессенских илотов; и конечное подавление этого восстания стоило Спарте второй войны с мессенцами, которая была по крайней мере такой же трудной для Спарты, как и первоначальная война. Завоеванной мессенской территорией, в конце концов, вновь овладели. Но урок для Спарты... был ясен. В эпоху, когда фалан-

гитская тактика заменяла дальнобойное сражение открытым строем, Спарта не могла надеяться сохранить свою власть, только что восстановленную с такой трудностью над двумя пятими Пелопоннеса, если бы она теперь не приняла искренне фалангитскую тактику; и она не смогла бы сделать это, если бы она не предоставила средства и досуг для вооружения и тренировки в качестве гоплитских фалангитов большинству спартиатской гражданской массы, которое было вынуждено вследствие нищеты сражаться в качестве относительно неэффективных легковооруженных стрелков"³⁸³. Некоторые из самых плодородных частей завоеванной территории в Нижнем бассейне Эвроты и на равнине Стениклер были теперь розданы спартиатам (простолюдинам, а также аристократам) в наделах, и с этого времени держатель надела получал дань с поработенных местных крестьян (илотов)³⁸⁴. Раздача государственной земли в клерах людям незнатного происхождения в огромном количестве, как считает Арнольд Тойнби, превратила этих обеспеченных постоянным доходом простолюдинов в сущности в эквивалент знати и, наоборот, передача клеров бывшим нобилям, а также бывшим простолюдинам низвела бывшую знать, в сущности, до равенства с обеспеченными постоянным доходом и избирательными правами, бывшими простолюдинами³⁸⁵. Причем "слияние бывшей знати и бывших простолюдинов в единую общину было отмечено в их новом титуле. На основании того, что все они были держателями клеров, они были теперь все "равными"³⁸⁶.

Гипотезу Тойнби об антиаристократическом характере ликурговских реформ разделяет в советской исторической науке Ю.В.Андреев. Последний, в частности, пишет: "Независимо от того, кто

был автором "ликурговых законов" - аристократ или выходец из народа, их антиаристократическая направленность не вызывает у нас сомнений. Жизненный уклад демоса, его привычки и вкусы приобрели в Спарте силу закона. Аристократия, хотя и сохранила, по-видимому, некоторые из своих привилегий, была... нивелирована и растворена среди массы граждан"³⁸⁷.

Между тем сам Тойнби подчеркивает, что "раздача клеров не создала равенства земельной собственности... Бывшие нобили, которые теперь стали "равными", не перестали быть богаче, чем их сотоварищи из среды бывших простолюдинов, ибо последние не имели никаких источников дохода помимо своих клеров, тогда как бывшая знать получила клеры, не потеряв право на свои наследственные фригольды в первичном ядре территории города-государства Спарты, которое не было заселено и не обрабатывалось покоренными и порабощенными илотами"³⁸⁸. Тем не менее, клер бывшего простолюдина, по мнению английского античника, был достаточен, по крайней мере, в начальный период "ликургова" режима, чтобы позволить ему вести точно такую же жизнь, как и бывшему нобилю в пределах границ, наложенных их общей повседневной профессиональной военной карьерой"³⁸⁹. "Таким образом, - заключает английский историк, - во владениях Спарты, над которыми Спарта восстановила и подтвердила свою власть, в конце концов одержав победу во второй Спартано-Мессенской войне, оказалось осуществимым излечить внутренние распри в рамках спартиатской гражданской массы, предоставив реальное экономическое удовлетворение большинству, не причинив экономического ущерба меньшинству до такой степени, который бы отпугнул данное меньшинство от при-

мирения с новым урегулированием"³⁹⁰. Это было осуществимым, потому что было сделано за счет илотов. "Ликургово" урегулирование на некоторое время достигло своей цели создать "внутреннюю гармонию" в рамках спартанского государства; режим оставался стабильным, покуда новая община повседневных профессиональных гоплитских "равных" была способной держать илотов в подчинении³⁹¹.

Воссоздав сложную и оригинальную картину генезиса спартанского общества и государства, Тойнби, как специалист, находит много интересных и новых деталей в этом процессе. Но основы его исторической концепции, выраженной в стремлении привязать историю Спарты к схеме эволюции античной цивилизации, приводят Тойнби к противоречиям. Он то находит слишком много общего в развитии Спарты с развитием большинства греческих полисов, видя в Спарте демократию, либо, наоборот, слишком отдаляет Спарту от генерального пути античной цивилизации, полагая, что Спарта — окаменелая ее форма. Эти противоречия крупного специалиста-спартановеда и вместе с тем философа истории представляются вполне закономерными. Игнорируя тщательный анализ илотии как специфического варианта рабства, Тойнби не в состоянии понять и предпосылки тех политических переворотов, которые Спарта испытала на рубеже первобытно-общинного и рабовладельческого строя. В этих вопросах философ истории Тойнби всецело разделяет иллюзии и ошибки своих "собратьев по перу", "узких специалистов" по истории Спарты.

§2. Политическая конституция

В своих изысканиях по истории лакедемонского полиса Арнольд Тойнби уделяет первостепенное внимание изучению элементов "ликургова" режима, т.е. его структуры. С точки зрения английского историка, в "ликурговом" режиме... мы можем различить три момента: политическую конституцию, социальную систему и военную организацию³⁹². Причем, конституция или, по крайней мере, та ее часть, которая обеспечивала ревизию конституционных отношений между царями, герусией, демосом и илотами, должна была быть учреждена одним государственным актом..., т.е. в ходе "ликурговых" реформ.

Узловой пункт в "ликурговой" конституции состоял, с точки зрения исследуемого ученого, в том, что она наделяла спартиатский демос, т.е. общину, составленную из спартиатских "равных", верховной властью над спартанским государством. Ценз для того, чтобы стать "равным", заключался в том, чтобы быть кооптированным в качестве члена одной из сисситий (воинских трапез), которые были самыми маленькими постоянными единицами в спартиатской военной организации на протяжении всех фаз, через которые она прошла со времени введения "ликурговой" конституции и далее³⁹³. "Ценз для того, чтобы продолжать оставаться "равным", - развивает свою мысль английский историк, - состоял в том, чтобы непременно делать взнос в припасы трапезы, что требовалось от каждого члена, и обязательно исполнять суровые воинские обязанности "равных". Эти воинские обязанности "равного" несли с собой право принимать участие в работе народного собрания..."³⁹⁴

Гипотеза Тойнби о необходимости взносов со стороны спартиатов в припасы сисситии подтверждается источниками. В частности, Аристотель ясно указывает в своей "Политике" на то, что если член трапезы прекращал свои платежи, то он терял свое членство в трапезе, а с ним и статус равного, и гражданство в смысле голоса в собрании³⁹⁵.

Демос спартиатских "равных", с точки зрения Тойнби, был подлинным демосом, а не аристократией³⁹⁶. Более того, в монографии "Hellenism", рисуя ликургову систему окаменелой, английский историк вместе с тем характеризует ее устройство, как демократическое; такая постановка вопроса весьма своеобразна. "Спарта, - в частности, пишет он, - была первым эллинским городом-государством, которое стало демократическим"³⁹⁷. Причем Тойнби недвусмысленно ссылается на Исократа, который, как известно, в своей "Панафинее" отмечал, что спартиатцы установили между собой равноправие и демократию...³⁹⁸

Этой точки зрения придерживается, как отмечено выше, советский историк Ю.В.Андреев, который считает, что "общественно-политический строй, сложившийся в Спарте в результате переворота VI века до н.э. (т.е. ликурговой реформы - Н.С.), напоминает "гоплитскую политику", т.е. крестьянскую демократию, возникшую в Афинах после реформ Солона и Клисфена"³⁹⁹. Между тем это утверждение звучит в резонанс с известным заявлением Аристотеля о том, что конституции данного типа, которые "мы теперь называем *πολιτείας* (т.е. умеренными олигархиями - Н.С.)" имели обыкновение в прошлом именоваться демократиями⁴⁰⁰. Впрочем, Арнольд Тойнби не может не отметить специфичность спартиатского

демоса, если данный термин, конечно, употребим по отношению к общине "равных". "Он (т.е. спартиатский демос - Н.С.), - пишет буржуазный античник, - был специфичен в том, что включал лишь крупницу общего взрослого населения мужского пола территории спартианского города-государства"⁴⁰¹. Спартиатский демос, отмечает далее английский историк, был также специфичен в том, что состоял целиком из гоплитов⁴⁰², в то время как в афинском полисе гоплиты, как известно, составляли не более, чем меньшинство общей гражданской массы, наделенной избирательными правами. Третья особенность спартиатского гоплитского демоса, с точки зрения Тойнби, заключалась в том, что эти гоплиты не были гоплитами обычного рода. Вместо необходимости зарабатывать себе на жизнь какой-либо прибыльной гражданской профессией, им категорически запрещалось заниматься хорошо оплачиваемым трудом⁴⁰³. Данное заключение подтверждается сведениями, дошедшими до нас от Плутарха, который хвалит Ликурга за то, что он обеспечил "равных" изобилием досуга, наложив абсолютное вето на необходимость занятия простыми ремеслами⁴⁰⁴. Спартиатские гоплиты, по мнению Тойнби, были "профессиональными солдатами, живущими за счет натуральных налогов с местных сельских рабов"⁴⁰⁵.

Между тем, несмотря на специфику, демос спартиатских "равных", с точки зрения английского историка, "был в состоянии исполнять свои политические функции, так как в отличие от демоса в греческих городах-государствах, в которых имело место обладавшее избирательными правами сельское население, спартиатский демос был полностью расквартирован в городе Спарта, где проводились народные собрания..."⁴⁰⁶. Причем народное собрание,

по его мнению, обладало верховной законодательной властью⁴⁰⁷, что отчасти подтверждает "ликургова" ретра, изложенная беотийским историком Плутархом в его биографии Ликурга, и которая, по словам Арнольда Тойнби, "имеет целью быть хартией, в которой "ликургова" конституция была олицетворена"⁴⁰⁸. Действительно, первые два изречения ретры делают демос верховным законодателем в лакедемонском государстве, причем они уполномочивают апеллу критиковать законопроекты, предложенные геронтами, и оставляют за ней последнее слово⁴⁰⁹. Третье изречение, однако, которое Тойнби вслед за Плутархом считает более поздним дополнением к оригинальному тексту⁴¹⁰, уменьшает степень полномочий народного собрания спартиатов в пользу герусии. Оно, в частности, разрешает герусии игнорировать контрпредложения апеллы, которые она не одобряет⁴¹¹. Однако и здесь нет прямого свидетельства, что герусия была уполномочена ратифицировать свой собственный первоначальный законопроект, который собрание исправляло или отвергало. Справедливость сведений ретры относительно прерогатив народного собрания спартиатов подвергается, однако, сомнению и критике со стороны Аристотеля. Во второй книге своей "Политики" он, в частности, утверждает, что полномочиями, изложенными в ретре, владело карфагенское, а не спартанское собрание⁴¹². Согласно Аристотелю, мнение спартанского собрания было ограничено выбором без предварительных дебатов между альтернативными ответами "да" или "нет" на предложения герусии⁴¹³. Эту точку зрения греческого философа разделяет известный английский историк Джоунз. Хотя в своей работе "The Lycurgan Rhetra" Джо-

унз допускает возможность дебатов в народном собрании, он утверждает, что участниками споров были не обычные "равные", а лишь геронты или эфоры⁴¹⁴. В другой своей работе "Sparta" Джонс уже недвусмысленно пишет: "Аристотель, как кажется, прав, подразумевая, что народное собрание могло только голосовать "за" или "против"⁴¹⁵. Тем не менее критика Аристотеля сведений ретры относительно законодательных прерогатив спартиатского демоса опровергается другим, не менее известным английским ученым Эндрьюсом, для которого "совершенно ясно, что имелись значительные дебаты в собрании"⁴¹⁶. Что касается Арнольда Тойнби, то он не делает далеко идущих выводов на этот счет, хотя с вышеуказанными замечаниями Аристотеля в отношении ретры он, безусловно, знаком.

Между тем Тойнби утверждает, что по меньшей мере в одном случае, а именно в 432 г. до н.э., когда в Спарте решался вопрос об объявлении войны Афинам, собранию было позволено принять свободное решение⁴¹⁷. В самом деле, эта гипотеза английского ученого подтверждается сведениями Фукидида. В частности, в первой книге своей "Истории" Фукидид отмечает, что в упомянутом случае к собранию обратились по очереди коринфская депутация, представляющая пелопоннесских союзников, афинское посольство, царь Архидам и один из эфоров. Этот эфор также взял слово, и после того, как собрание проголосовало обычным своим способом посредством шумного одобрения, он заставил его членов разделиться, чтобы стал ясен вне всякого сомнения результат голосования⁴¹⁸. Так или иначе, но это свидетельство Фукидида, безусловно, подтверждает и вышеуказанную гипотезу Тойнби и, в ка-

кой-то мере, соответствие положений "ликурговой" ретры относительно прерогатив спартанского демоса реальной действительности. Между тем, "прямые полномочия спартанского собрания, хотя они, возможно, и были относительно небольшими, были подлинными; и собрание также давало о себе знать, и, возможно, более ощути-мо косвенным путем. Собрание заполняло посредством выборов вакансии в герусии, вызванные смертью, и оно также теперь избирало ежегодную коллегию пяти эфоров, которые первоначально назначались царями"⁴¹⁹.

Что касается герусии, то она, по мнению Тойнби, являлась небольшим советом, который имел монополию представлять законопроекты на рассмотрение народного собрания, "сохранив или получив кроме того юрисдикцию в важных случаях"⁴²⁰. И хотя эфоры, как отмечает английский ученый, также приобрели прерогативу представлять "законопроект", они никогда не были в состоянии обойти герусию⁴²¹. В самом деле, Плутарх сообщает нам о том, что законопроект эфора Лисандра, воплощающий программу реформ Агиса IV, был провален, когда он был отвергнут в герусии большинством в один голос⁴²². До "ликурговой" реформы герусия, по мнению Тойнби, представляла аристократические дома, причем "независимо от того, назначались ли члены герусии номинально коронной или нет, на практике места заполнялись представителями аристократических домов по праву рождения"⁴²³. К V веку до н.э. герусия, как считает Тойнби, стала в отношении двадцати восьми из тридцати мест в ней выборной организацией и прерогатива выбирать геронтов перешла от царей к демосу⁴²⁴. Однако, "в заполнении вакансий в герусии, - сообщает нам далее историк, - выбор

собрания был ограничен кандидатами старше шестидесяти лет, которые имели специальные избирательные цензы⁴²⁵, причем ограничительным цензом являлось теперь богатство вместо рождения⁴²⁶. Данную гипотезу Арнольд Тойнби, безусловно, позаимствовал у известного английского спартановеда Форреста, который в своей монографии " A History of Sparta" писал о том, что после ликурговой реформы богатство стало фактическим условием для избрания в герусию⁴²⁷. Метод избрания геронтов, как впрочем и эфоров, Тойнби вслед за Аристотелем называет "детским"⁴²⁸. "...Кандидаты, — пишет историк, — должны были появляться по очереди перед собранием; собрание выражало свои желания криком, и комиссия известных своей честностью людей, заключенная в пределах слышимости в помещении без окон, должна была объявить, которые из следующих друг за другом криков были, по их мнению, громче. Если оценка, полученная таким образом и не была непогрешимой, она была, во всяком случае, непредубежденной, так как слушающие не были в состоянии увидеть какой кандидат вызывал какие из криков, которые они слышали"⁴²⁹. В другом контексте данной работы Тойнби придерживается несколько иной точки зрения на этот счет. Вот что он пишет: "Очевидно, избирательные цензы для кандидатуры и выбор, сделанный избирателями между пригодными кандидатами, подтасовывались до известной степени, что делало "ликургову" герусию подобно "доликурговой" заповедником для ограниченной категории спартиатской гражданской массы"⁴³⁰.

Однако, если герусия оставалась заповедником для благородных, в коллегию эфоров, которая, как считает английский ученый, была полновластна в делах, имевших первостепенное значение, "лю-

бой "равный" мог быть избран с тем следствием, что люди, которые были крайне бедны, часто избирались"⁴³¹. Эта гипотеза буржуазного ученого отчасти подтверждается источниками. Так, Аристотель сообщает, что из двух самых важных государственных должностей одна избиралась демосом, в то время как для другой сам демос был желателен (члены демоса избирают геронтов и сами могут быть избраны в эфорат)⁴³². Также вслед за Аристотелем английский историк утверждает, что эфорат был эквивалентом и фактически заменителем диктатуры, что чрезмерность полномочий эфората превратила режим в Спарте из аристократии в демократию⁴³³. Подобной точки зрения придерживается и Ю.В.Андреев. Вот что он пишет: "Почти тираническая по своему характеру власть эфоров была наглядным выражением той "деспотии закона", которой, по словам Геродота, были подчинены все граждане Спарты"⁴³⁴. Однако это утверждение идет вразрез с данными, сообщаемыми Плутархом. Последний, в частности, отмечал, что институт эфората не принес с собой для спартанского народа смягчения режима; напротив, он подчеркнул суровость режима. На вид он был шагом в пользу демоса; на самом деле его действие состояло в том, что делало данный режим более аристократическим⁴³⁵. Между тем, говоря о назначении эфората, Тойнби приходит к заключению, что данный институт "был не только орудием, посредством которого спартиатский демос осуществлял труднопреодолимую косвенную власть; он был цементирующим звеном "ликурговой" конституции Спарты"⁴³⁶. Данный вывод не лишен основания в свете фактов, изложенных Аристотелем в его "Политике". Последний, в частности, утверждал, что эфорат является институтом, который цементирует спартанскую кон-

ституцию. Демос сохраняет спокойствие, потому что он имеет доступ к должности, которая является самой высокой из всех; и это политически целесообразно, независимо от того, случилось ли это преднамеренно или просто случайно. Это целесообразно, потому что необходимое условие выживания конституции заключается в том, чтобы ее существования желали непосредственно все части общества. В Спарте цари верны конституции из-за своих привилегий при ней; знать верна ей из-за герусии, должности, которая является наградой за заслуги, в то время как демос верен конституции из-за эфората, должности, на которую любой представитель демоса мог быть избран⁴³⁷. Необходимо отметить, что с точки зрения английского историка, эфорат был доликурговым творением короны, причем вслед за Эратосфеном и Аполлодором Тойнби считает, что датой его создания был 755/4 год до н.э.⁴³⁸ В наших источниках, однако, нет единства мнений по вопросу о создателе коллегии эфоров. В частности, учреждение эфората приписывается Феопомпу Платоном⁴³⁹, Аристотелем⁴⁴⁰ и Плутархом⁴⁴¹. Оно приписывается Ликургу Геродотом⁴⁴², Ксенофонтом⁴⁴³, Исократом⁴⁴⁴. Диоген Лаэртский приписывает создание эфората Хилону⁴⁴⁵. Как считает Тойнби, эфоры были созданы первоначально царями, чтобы служить в качестве их помощников⁴⁴⁶. "Эта новая должность, с точки зрения английского историка, была введена, чтобы справиться с внезапным увеличением количества государственных дел, что должно было быть одним из последствий завоевания и аннексии Спартой Амикл, Фариса и Геранфра"⁴⁴⁷. Причем, когда коллегия эфоров была утверждена, то количество членов было установлено в пять человек, чтобы обеспечить одного "надзирателя" для

каждой из пяти об⁴⁴⁸. "Мы не знаем, - пишет далее Тойнби, - как много царских полномочий было передано эфорам первоначально, когда эфорат был впервые учрежден для того, чтобы "наблюдать" за администрацией государственных дел от имени царей. Мы не знаем также, когда прерогатива назначения эфоров была передана от царей демосу. Мы можем догадываться, что прерогатива демоса избирать эфоров и геронтов восходит к введению "ликурговой" конституции и являлась ее неотъемлемой частью"⁴⁴⁹. Между тем "... передача этой прерогативы демосу от царей, вероятно, была решающим изменением, на котором эфорат разбогател, и которое поставило его на дорогу, приведшую в конце концов к тому, что эфорат сделал себя почти абсолютным господином спартанского правительства"⁴⁵⁰. Причем с течением времени эфоры сумели сконцентрировать в своих руках труднопреодолимое множество полномочий и, прежде всего, гражданских⁴⁵¹. "Они, как кажется, - пишет Арнольд Тойнби, - захватили у герусии полномочие проявлять инициативу в собрании"⁴⁵². В самом деле, известный английский историк Джоунз отмечал, что, согласно нашей уцелевшей информации, не цари или геронты, но всегда эфоры созывают собрание, председательствуют на нем и представляют предложения на его рассмотрение⁴⁵³. Более того, с точки зрения Тойнби, эфоры "захватили полномочие проявлять инициативу в собственной "пробулевтической" деятельности герусии, хотя они не были членами герусии и, следовательно, по-видимому, не имели конституционного права принимать какое-либо участие в заседаниях герусии"⁴⁵⁴. Далее, "подобно герусии, - пишет английский историк, - эфоры имели важные судебские функции, и так как в Спарте не было письменных зако-

нов, эффоры были свободны выносить приговоры по своему собственному произвольному личному усмотрению. Эффоры фактически были в состоянии призывать к ответу лиц, занимающих все другие государственные должности. Не ожидая, пока сроки пребывания в должности у этих других чиновников истекнут, эффоры могли сместить их, заключить в тюрьму и угрожать им смертным приговором. Эффоры могли также штрафовать, кого хотели, и могли требовать уплаты штрафа немедленно"⁴⁵⁵. Причем царь, с точки зрения Тойнби, подобно любому другому спартиату, был подвластен судебному преследованию и разбирательству в суде эффоров из-за своих прошлых поступков, включая поступки, совершенные им в то время, как он был за границей и был, следовательно, в то время вне юрисдикции эффоров⁴⁵⁶. Данное заявление Арнольда Тойнби подтверждается источниками. В частности, Геродот в VI книге своей "Истории" сообщает нам о том, что царь Клеомен I преследовался в суде эффоров по обвинению в том, что ему дали взятку, чтобы он воздержался от оккупации Аргоса после победы над аргивянами при Сепии⁴⁵⁷. Далее "отец истории" сообщает нам о том, что коллега Клеомена I царь Леотихид был признан виновным в том, что дал себя подкупить фессалийцам во время своего похода в Фессалию, в результате чего он должен был бежать в Тегею⁴⁵⁸.

С течением времени, отмечает Тойнби, коллегия эффоров предпринимает посягательства на царскую прерогативу в военной сфере, которую "ликургова" конституция оставила нетронутой⁴⁵⁹. В частности, к концу VI века до н.э. лакедемоняне, представленные, несомненно, эффорами, взяли в собственные руки решение объявлять войну чужеземному государству, причем поводом для этого послу-

жило неудачное вторжение армий Клеомена I в Аттику⁴⁶⁰. К моменту публикации "Лакедемонской политики" Ксенофонта эфорат, с точки зрения английского историка, вырвал из рук царей прерогативу издавать приказ о мобилизации и решать в каждом случае, как много возрастных классов должны быть призваны⁴⁶¹. Более того, эфорат в это время предпринимает посягательства на свободное осуществление военного командования в походе за пределами границ Спарты, что было незыблемой прерогативой царей⁴⁶². В самом деле, Ксенофонт сообщает нам о том, что спартанского царя в ходе кампании сопровождали два эфора⁴⁶³. "В любом случае десять советников, которые были навязаны на будущее царю Агису III... были, — с точки зрения английского ученого, — определенно предназначены для того, чтобы вмешиваться в руководство Агисом боевыми операциями"⁴⁶⁴. И далее: "Когда Агесилай был послан принять командование лакедемонскими войсками в западной Анатолии зимой 398/7 г. до н.э., его сопровождала делегация из тридцати спартиатских "сторожевых псов"⁴⁶⁵. Отозвав Агесилая в 394 г. до н.э. и поручив ему вторгнуться в Беотию, эфоры, по утверждению Тойнби, предприняли последний шаг по узурпации первоначальной прерогативы царей иметь свободу рук в походе⁴⁶⁶. Кроме того, ассоциируя свою духовную деятельность с оракулом Ино-Пасифаи в Таламах, эфоры ставили себя на один уровень с царями и в религиозной сфере⁴⁶⁷. Если эфоры во время созерцания звезд в пророческом храме богини замечали метеор, то "они присваивали себе право предавать царей суду и временно отстраняли их от должности в ожидании получения оправдательного оракула из Дельф или Олимпии"⁴⁶⁸.

Между тем самая сильная оппозиция прогрессирующим посягательствам эфората на традиционные полномочия других государственных властей, по словам буржуазного ученого, пришла со стороны царей⁴⁶⁹. "Сопrotивление короны действительно препятствовало прогрессу эфората в направлении того, чтобы стать диктатурой, в чем Аристотель обвиняет его"⁴⁷⁰. Дуалистическая монархия, по мнению Тойнби, была самым древним из всех спартанских институтов⁴⁷¹, причем "ликургова" конституция низвела царскую прерогативу в гражданских делах до незначительности⁴⁷². "Коль скоро речь зашла о гражданской власти царей внутри границ владений Спарты, - пишет Арнольд Тойнби, - то в противоположность их военной власти за пределами данных границ в ходе кампании, цари теперь были низведены до состояния простых членов герусии, положение которых отличалось от положения их коллег только тем, что принадлежало им по должности, а не благодаря избранию... Единственными другими функциями гражданской администрации, которые они сохранили, были ответственность за ремонт дорог, а также контроль над усыновлениями и выдачей замуж наследниц. Эти две функции были, однако, более значительными, чем они могли бы показаться на первый взгляд"⁴⁷³. Что касается военной стороны дела, то "ликургова" реформа оставила прерогативы царей нетронутыми в данной области. Никто в Спарте, как отмечает английский античник, не имел юридического основания вмешиваться в военные распоряжения царя, либо в политические решения в международной сфере, которые иногда случалось царю принимать в качестве естественного следствия его военного командования⁴⁷⁴.

Выше отмечалось, что именно военные и религиозные полномо-

чия царей были объектом посягательств коллегии эфоров. И "конфликт между короной и эфорами был фактором в спартанской политике..., причем корона постепенно уступала свои позиции..."⁴⁷⁵ Слабость спартанской монархии, по мнению Тойнби, — заключалась в ее двойственности. Единственная возможность двух царских домов сохранять свои позиции против эфората, когда он стал орудием демоса, состояла в том, чтобы являть собой объединенный фронт⁴⁷⁶. Это заявление буржуазного ученого имеет аналогии в источниках. Плутарх, в частности, сообщает нам о том, что могущество эфората проистекает из разногласия между царями...; когда цари единомыслны, их власть не может юридически быть отвергнута⁴⁷⁷. "Более часто, однако, царствующие представители двух царских домов продолжали ссориться друг с другом, и это давало эфорам благоприятную возможность расширять свою власть"⁴⁷⁸. Тем не менее, "исход их конфликта с короной висел на волоске, пока царь Клеомен I оставался жив... Он был в состоянии бороться с эфорами на равных"⁴⁷⁹. В самом деле, Клеомен I в течение своей длительной и изменчивой карьеры сумел сохранить руководство внешней политикой. "Даже после смерти Клеомена I, — пишет Тойнби, — эфоры нашли его посмертно все еще настолько страшным, что они умышленно стремились принизить его значение, взяв установку в вопиющем противоречии с хорошо известными фактами на то, что царствование этого грозного царя было коротким"⁴⁸⁰. Волевые цари, по мнению Тойнби, бросали вызов эфорату и, "именно царь Клеомен III низверг эфорат, в конце концов"⁴⁸¹. Однако 227 год до н.э., т.е. год упразднения эфората, явился, так или иначе, временем затмения "ликурговой" конституции в целом.

Говоря о значении спартанской конституции, Арнольд Тойнби акцентирует внимание на том, что данная конституция была огромным политическим достижением. "Хотя от нее, - пишет буржуазный ученый, - выгадало лишь незначительное меньшинство общего населения спартанской территории, "ликургова" конституция была предтечей и возможно фактически также моделью типа конституции, который впоследствии стал стандартом в эллинском мире в целом, как в "демократиях", так и "олигархиях", когда эллинские города-государства вышли из предыдущих взрывов диктатуры, через которые прошли самые зрелые из них. Как в "демократических", так и в "олигархических" конституциях послетиранической эпохи в эллинском мире двумя существенными элементами были верховное народное собрание (с более широким или более узким правом участвовать в выборах) и относительно небольшой совет, который имел монополию представлять законопроекты на рассмотрение собрания"⁴⁸². Вслед за известным английским античником Эндрьюсом Арнольд Тойнби считает, что самые ранние следы этой системы конституционной формы правления должны быть найдены в "ликурговой" ретре⁴⁸³, которая, по его словам, являлась хартией классической спартанской конституции⁴⁸⁴.

Несомненно, что эта концепция Тойнби, согласно которой конституции демократических полисов явились слепком с более ранней конституции Ликурга, противоречит действительности в двух отношениях: а) во-первых, с теоретической точки зрения, поскольку известное сходство политических мероприятий в греческих полисах не обязательно следует объяснять подражанием; напротив, сходство реальных общественных условий порождало и некоторые

общие тенденции в политике ; б) во-вторых, источники ничего нам не говорят о стремлениях Солона или других крупных эллинских законодателей взять "ликургову" конституцию за образец.

Эти аргументы еще раз свидетельствуют в пользу того, что Спарта, при всех родственных с прочими полисами условиях, не может считаться демократическим полисом ; аристократический элемент в строе этого государства явно преобладал, тогда как "черты демократии", о которых говорит Тойнби, были чисто формальными. Совершенным противоречием принципу историзма являются утверждения Тойнби о том, что эфорат выражал интересы демоса. Переворот Клеомена III, направленный на утверждение подлинных интересов демоса, прежде всего был связан со свержением власти эфоров, которые явились злейшими врагами спартиатской массы.

§3. Социальная система

Вторым элементом в структуре "ликургова" режима, с точки зрения Тойнби, являлась, как отмечалось выше, социальная система, которую буржуазный ученый склонен отождествлять с образом жизни спартиатских "равных". Между тем, английский историк оговаривает, что в данной системе "имеются элементы, которые выглядят как древние обычаи, которые могли бы выйти из употребления, если бы спартанские государственные власти не взяли их под свой пристрастный контроль для того, чтобы заставить их служить целям политической конституции "Ликурга". Имеются другие элементы, которые выглядят как следствия (возможно, неожиданные и не-намеренные) давления "ликурговой" конституции на частное поведение "равных", составляющих общину, вызванную к жизни данной

конституцией" Причем эволюция социальной системы, должно быть, была делом времени⁴⁸⁵.

Еще в своей статье "The Growth of Sparta", опубликованной, как отмечалось выше, в 1913 г., Арнольд Тойнби отмечал, что спартанский "образ жизни ($\alpha\upsilon\omega\gamma\eta$) начинался с семилетнего возраста, когда мальчика забирали из-под присмотра матери и помещали под контроль $\piαιδωνόμος$ или директора общественного воспитания"⁴⁸⁶. Причем, годы отсчитывались, начиная с официального года, в пределах которого мальчик был рожден, а не с его дня рождения⁴⁸⁷. "Каждый мальчик, - пишет Тойнби в данной статье, - уже был членом обы или фило, к которой принадлежал его отец, и старейшины которой признавали его после его дня рождения. Он был отобран в $\beta\omicron\upsilon\alpha$ ($=\alpha\upsilon\epsilon\lambda\eta$) и $\iota\lambda\eta$ младенцев, принадлежащую соответственно к его особой обе и филе... По истечению двенадцатого года мальчик становился книсром и перемещался в соответствующую $\beta\omicron\upsilon\alpha$ и $\iota\lambda\eta$ этого класса; его теперь подвергали суровым физическим испытаниям, и он должен был оказывать услуги своему префекту... Дисциплина становилась все более и более суровой, по мере того, как он рос..., вероятно, достигнув своей кульминации на восемнадцатом году жизни. По истечению этого года... лакейская часть дисциплины отбрасывалась, и его поощряли быть ловким и находчивым. Вероятно, из этого класса отбирались члены криптои... Наконец, по истечению двадцатого года он... был пригоден для кооптации в сисситию"⁴⁸⁸. Эти лишь отдельные положения относительно "ликургова" образа жизни, высказанные им в 1913 году, Тойнби досконально развивает в 1969 году, причем английский античник ис-

следует данный вопрос и вглубь и вширь, в результате чего критике подвергается всеобъемлющая картина социальных (в понимании Тойнби - Н.С.) следствий "ликурговой" реформы. "Спартиат муж - ского пола, которому удавалось стать "равным", будучи кооптированным в трапезу после прохождения через спартанскую воспитательную систему с честью, - пишет, в частности, Тойнби в своей капитальной монографии "Some Problems of Greek History", - должен был провести пятьдесят три года своей жизни, начиная с восьмого года вплоть до окончания шестидесятого (если он жил так долго) в распоряжении спартанского государства, и хотя, достигнув шестидесяти лет, он номинально становился хозяином над самим собой..., от него ожидали, что в свои шестьдесят лет он будет продолжать считать себя физически пригодным, проводя время на охоте"⁴⁸⁹. Спартиаты, которые подвергались спартанскому воспитанию в качестве мальчиков или подростков, или которые несли в течение сорока лет военную службу в качестве взрослых, были, по мнению буржуазного ученого, тщательно рассортированы и сгруппированы. Пятьдесят три года, начиная с восьмого по шестидесятый включительно, были разделены на три последовательные серии возрастных классов (одна серия для каждого из трех возрастов жизни). В рамках каждой из трех серий мальчики, подростки или взрослые соответственно были сгруппированы в большое количество хронологически параллельных ассоциаций, каждая из которых включала представителей всех возрастных классов в той серии, какой бы из данных трех серий она ни была⁴⁹⁰. Например, "каждая из трапез, являвшихся основными постоянными единицами, в которых "равные" были сгруппированы, - поясняет свою мысль

Арнольд Тойнби, — оказывается, содержала представителей каждого из восьми комплектов по пять годовых классов каждый, между которыми мужчины призывного возраста были распределены"⁴⁹¹.

Данная гипотеза английского античника подтверждается сведениями, дошедшими до нас от Ксенофонта, который в своей "Лакедемонской политике" отмечал, что Ликург смешал старых и молодых так, чтобы молодые тщательно учились на опыте старших. Спартанский обычай состоял в том, чтобы хвалебные подвиги любого гражданина были предметами разговора в фιλитии⁴⁹². Агелы ("стада"), в которые мальчики были зачислены, были, по мнению историка, организованы по точно такому же образцу. "Каждая агела и каждый из "эскадронов" (ἑσκαδρών), в которые агелы были объединены, — пишет Тойнби, — включали группы мальчиков от восьми лет до тринадцати лет включительно. В то же время каждая агела была также подразделена посредством возрастных классов на гурты (βοῦα), каждый из которых состоял исключительно из мальчиков одного особенного возрастного класса. Это перекрестное деление и подразделение организации мальчиков учитывало факты человеческой природы"⁴⁹³. Подобным образом возрастные группы взрослых, с точки зрения Тойнби, имели надобность быть отличными друг от друга, потому что они также были обременены ношами различного веса⁴⁹⁴. Вслед за известным буржуазным античиком Нильсоном, на которого английский историк в данном случае ссылается, Арнольд Тойнби констатирует, что имеются аналогии между спартанскими институтами (сисситиями, т.е. трапезами для взрослых, агелами, гуртами и т.д.) и институтами первобытных народов, и что эти аналогии являются слишком многочисленными для

того, чтобы полагать, что они были случайными. В Спарте, однако, как оговаривает Тойнби, эти первобытные институты были нарочито и умело приспособлены служить цели, а именно: цели спартанского государства отстаивать власть "равных" над "опустившимися", илотами и периэками, и это выглядит, как если бы это было сознательным и преднамеренным делом какого-то одного организующего ума или соединения умов, которые сходились во взглядах⁴⁹⁵. Между тем, если "ликурговы" сисситии, агелы, гурты и другие серии ассоциаций были поистине "доликурговыми" институтами, которые были переняты "ликурговым" спартанским государством, то это объяснило бы разделение контроля над ними в "поликургову" эпоху между государственными властями и членами самих ассоциаций⁴⁹⁶. В самом деле сисситии, будучи при "ликурговом" режиме основными постоянными единицами, из которых спартанское крыло лакедемонской армии было построено, как известно, находились под властью полемархов. "В то же самое время, — отмечает Тойнби, — отбор новых рекрутов для сисситий (решение, от которого качество фаланги "равных" в конечном счете зависело) был оставлен в руках существующих членов каждой сисситии, и одного враждебного голоса было достаточно, чтобы исключить кандидата..."⁴⁹⁷ Причем тот аспект сисситии, в котором она была первоначально частным клубом, был отпечатан на каждом вновь принятом члене, когда его предостерегали, что все разговоры в пределах помещения клуба являются строго секретными. Интересно отметить, что автономию сисситии буржуазный ученый объясняет посылками материального порядка. "Санкция для автономии сисситии, — пишет, в частности, он, — была экономической. Ее порции обеспе-

чивались членами, а не государством, и эта экономическая самостоятельность была оплотом против наложения полного государственного контроля"⁴⁹⁸. Естественно, не было соответствующей автономии для ассоциаций эфебов⁴⁹⁹ и мальчиков. За подростками, с точки зрения Тойнби, наблюдала коллегия государственных служащих, титулованных "надзирателей", а за мальчиками - *παιδονόμος*, которому помогал полицейский наряд подростков. Рационы, получаемые мальчиками, выдавались им командирами агел, так что, по видимому, они поставлялись государством. Они были преднамеренно недостаточными, причем цель, по мнению Тойнби, состояла в том, чтобы заставить мальчиков в "учебном" упражнении (учебным для разыскивания продовольствия в ходе кампании) компенсировать недостаток воровством под страхом, если поймают, беспощадного наказания и не за их преступность, но за их неумелость⁵⁰⁰. Таким образом, в структуре "поликургова" спартанского общества, с точки зрения английского античника, имел место действующий компромисс между полномочиями, принятыми на себя государством над ассоциациями, которые были первоначально частными, и правами корпоративного самоуправления, которые члены этих ассоциаций все еще сохраняли. "С другой стороны, - как указывает английский историк, - имела место неразрешенная натянутость между претензиями мужского клуба и казарменной жизни и противоречащими им претензиями дома и семейной жизни на преданность и аффектацию "равных"⁵⁰¹. Данная гипотеза подтверждается источниками. В частности, Плутарх сообщает нам о том, что члены трапезы ни перед чем не останавливались в непреклонности, с которой они поддерживали обязанность обедать вместе. Вот случай с царем Аги -

сом П. Он только что вернулся из кампании, в ходе которой он поставил Афины на колени. Он хотел бы пообедать со своей женой; поэтому послал в сисситию за своими порциями. Полемархи отказались прислать их. Агис был настолько рассержен, что на следующее утро отказался выполнить жертвоприношение, что было его долгом. Власти тогда оштрафовали его⁵⁰².

Более того, вслед за Ксенофонтom Тойнби утверждает, что в течение первых десяти лет взрослой жизни, визиты "равного" к жене должны были быть редкими и тайными⁵⁰³. Размышляя о предположках данного фактора Тойнби приходит к заключению, что он был обусловлен причинами военно-психологического порядка. Вот что он пишет на этот счет: "Имела место важная военная причина для того, чтобы настаивать на том, чтобы преданность "равного" его сисситии превосходила его преданность своему дому. Сисситии были основными единицами, из которых спартанское крыло лакедемонской армии было построено. При "ликурговом" режиме эта армия была организована как гоплитская фаланга. Эффективность фаланги в качестве боевой машины зависела от солидарности фалангитов друг с другом в психологическом, а также в духовном смысле. Их первостепенная преданность должна была быть отдана их товариществу друг с другом; и корпоративная жизнь членов сисситии была механизмом для создания этого чувства солидарности и для поддержания его"⁵⁰⁴. Указание Тойнби на военно-психологические причины этого обстоятельства, конечно, недостаточно. Непрочность брачных обязательств в Спарте марксистские исследователи давно объяснили пережитками первобытно-общинного строя. Известно, что в Спарте существовали элементы матриархата; в

такой же степени могли сохраниться и остатки парного брака и даже дислокальных отношений между супругами.

Общественная жизнь сисситии, которая брала в плен "равно - го", начиная с двадцатилетнего возраста, на всю остальную его жизнь, была, как считает Тойнби, частью его пожизненного воспитания, которому спартиат подвергался. Воспитание, однако, оговаривает буржуазный античник, является слишком хорошим словом для того, чтобы описать то, что делалось по отношению к спартиату, начиная с семилетнего возраста и далее⁵⁰⁵. Еще в одном из экскурсов третьего тома своего монументального сочинения "A Study of History", опубликованного в 1934 году, Тойнби, проводя одно из своих антиисторических сравнений, отмечал, что "в спартанской системе, как и в оттоманской, выдающейся чертой (чертой, которая объясняет изумляющую эффективность системы и ее роковую жестокость, и ее логически последовательный упадок) было ее грандиозное игнорирование человеческой природы"⁵⁰⁶. Два основных предположения, как считает буржуазный ученый, лежащие в основе данных двух систем, были одинаковыми; причем первое предположение состояло в том, что натура может быть побеждена в процессе обучения человеческих существ, как она может быть побеждена в процессе дрессировки животных и птиц. Второе предположение состояло в том, что в случае с человеческими существами самым эффективным стимулом для преодоления природы является амбиция, которой дан размах конкуренцией⁵⁰⁷. Между тем, "когда мы сравниваем данные две системы с этой точки зрения, мы находим, - пишет Тойнби в третьем томе "A Study of History", - что в то время как в некоторых отношениях "ликургов" образ жизни пренебрегал

человеческой натурой скорее менее грубо, чем оттоманская подневольная семья в других отношениях, он бросал ей вызов еще более провокационно⁵⁰⁸. Спартанский "равный", хотя и свободный по закону, был якобы рабом психологически. Тойнби приводит в пример Геродота, который в 7-й книге своей "Истории" заставляет свергнутого и сосланного спартанского царя Демарата сказать персидскому императору Ксерксу: "Дело в том, что, будучи свободны, они (т.е. спартиатские "равные" - Н.С.) свободны, однако, не во всех отношениях: над ними есть владыка, закон; они боятся его гораздо больше, нежели твои подданные боятся тебя"⁵⁰⁹. Однако эта апелляция Тойнби к Геродоту неправомерна. Подчинение спартиатов закону вовсе не адекватно тому, что Тойнби называет "психологическим рабством". "Спартанская система, - пишет Тойнби в своей монографии "Some Problems of Greek History", - не выдерживает сравнения с оттоманской. Она была более грубой, более жестокой, менее интеллектуальной и менее разумной. Главная цель оттоманской системы состояла в том, чтобы создать искусных администраторов; ее производство дисциплинированных солдат было побочным продуктом этого. Спартанская система имела в виду создание исключительно солдат; и ее практиканты, как оказалось, были совершенно непригодными для службы в качестве администраторов, когда в течение и после Декелейской войны спартанское правительство должно было переводить "равных" из военного строя на непривычную задачу служить в качестве гармостов. В оттоманском курсе обучения мальчикам, которые были правомочными для того, чтобы быть принятыми в ряды кандидатов на административные посты, давалось первоклассное литературное образо-

вание; те же самые льготы продолжали быть в их распоряжении после того, как они были зачислены в общество янычаров; и всех практикантов, включая мальчика, который мог бы в конце концов стать падишахом, учили какому-либо ручному ремеслу. Спартанских мальчиков учили начаткам чтения и письма, но это было постольку, поскольку дело касалось их интеллектуального образования... Не было ничего в оттоманской системе, что соответствовало бы даже отдаленно нарочитой спартанской политике содержать мальчиков недостаточно одетыми с намерением закалить их тело; и недостаточно накормленными с намерением научить их воровать. И не было ничего соответствующего организованным дракам между противопоставленными шайками, которые в Спарте были... излюбленным методом "улучшения" не только юношей, но также и взрослых в возрастных классах от двадцати до тридцати лет"⁵¹⁰. В Спарте, как известно, имели место две ежегодные драки между подростками и одна драка между мужчинами призывного возраста. Павсаний сообщает нам о том, что участники этих специально организованных драк дерутся на кулаках, лягаются, кусаются и вырывают глаза⁵¹¹. "Оттоманский метод воспитания, — заключает Арнольд Тойнби, — был намного лучше рассчитан, чем спартанский, чтобы произвести тот же самый результат, на который обе системы нацеливались"⁵¹².

Сравнивая обе системы, Тойнби не видит ничего, кроме формального сходства и различий между ними. Однако важны именно существенные, генетические различия. Янычарская система сложилась в условиях развитого феодализма на базе развития социально-этнических противоречий в громадной Турецкой империи. В этом смысле она была во многом искусственной конструкцией, созданной на

потребу развивавшейся султанской деспотической власти. Спартакское же "военное воспитание" сформировалось из недр первобытно-общинного строя, многие черты этого первобытного воспитания были присущи Спарте уже и на стадии рабовладельческого общества. Такие особенности "воспитания", как разделение воспитуемых на "возрастные" классы, чрезмерный аскетизм и "закаливание" подростков, наконец, "драки", о которых пишут античные авторы, - все это не что иное, как пережитки первобытных форм "педагогики", стихийно сложившихся обычаев, которые столь же стихийно отмирали.

Самый непривлекательный, по мнению Тойнби, хотя, возможно, самый эффективный из всех путей, которыми спартак мужского пола любого возраста держали на должной высоте, заключался в громадном давлении общественного мнения, "Для спартак, который нарушал спартакские стандарты поведения, особенно если проступком, в котором его признавали виновным, была трусость, - пишет английский античник, - жизнь становилась невыносимой. Его, бывало, бойкотировали, оскорбляли и унижали на каждом шагу"⁵¹³. Данное утверждение английского историка подтверждается сведениями, дошедшими до нас, в частности, от Геродота. Последний, между прочим, приводит классический пример этой одиозной спартакской практики по отношению к "беглому" Аристодему, который не погиб в битве при Фермопилах в отличие от своих товарищей, потому что был выведен из строя офтальмией и был отправлен в тыл. "По возвращении в Лакедемон, - повествует Геродот, - позор и бесчестие постигли Аристодема. Бесчестие состояло в том, что никто из спартакцев не давал ему огня, никто не говорил с ним,

а позор — что он был назван Аристодемом Трусом⁵¹⁴. "Рассказывают еще и о другом лице, уцелевшем из этих трехсот человек, — пишет далее "отец истории", — благодаря тому, что оно было послано вестником в Фессалию; имя его Пангита; говорят, что по возвращению в Спарту он подвергся бесчестию и через то повесился"⁵¹⁵. Тойнби указывает, что "в Спарте общественное мнение было более могущественной силой "улучшения", чем деспотическая власть эфоров. Тем не менее, — продолжает он, — имела место другая сила, которая была еще более мощной, и это была собственная неумолимая совесть эффективно "улучшенного" равного"⁵¹⁶.

Буржуазный ученый, впрочем, постоянно повторяет, что не было ничего аномального в спартанском человеческом характере⁵¹⁷, хотя стало очевидным задолго до революционного для Спарты 227 года до н.э., что Спарта шла не в ногу с остальным эллинским миром... Аномалия Спарты, по мнению Тойнби, была несомненной к тому времени, когда она вышла из кризиса, в который была ввергнута землетрясением приблизительно 466 или 464 г. до н.э. и последующим Мессенским восстанием. Эта аномалия, должно быть, развивалась постепенно в ходе предыдущего века или полутора веков⁵¹⁸. Причем правительство хорошо сознавало специфичность, искусственность и хрупкость спартанского образа жизни. "Оно, — пишет английский ученый, — показало свою осведомленность в этом посредством мероприятий, которые оно предприняло, чтобы свести до минимума сношения спартанской общины с остальным эллинским миром... Было сделано незаконным для спартанского гражданина путешествовать за границей без разрешения спартанского правительства, которое сохраняло за собой право изгнать любых чужезем-

ных посетителей в любой момент"⁵¹⁹. Кроме того, Спарта, с точки зрения английского историка, стремилась избегать быть втянутой в военные авантюры⁵²⁰. Причем, середина VI в. до н.э. была примерно той датой, когда Спарта перешла от программы завоеваний к политике союзов, — новой политике, которой она продолжала следовать, несмотря на свою блестящую победу над Аргосом при Фирее, приблизительно, в 544 г. до н.э. "Эта резкая перемена, — пишет Тойнби, — является свидетельством того, что уже к этому времени деформация строя Спарты стала достаточно сильной..."⁵²¹. В этом расположении духа, как считает английский историк, спартанцы неоднократно уклонялись от вызова принять на себя руководство Элладой, который им предоставила ахеменидская опасность... И, покрыв себя славой против воли, при Фермопилах и Платеях, они отказались от верховного командования силами освобождения в 479-478 г. до н.э. Таким образом, спартанцы открыли дверь для того, чтобы угроза эллинским свободам возвратилась в форме афинской опасности. Более того, английский историк считает, что Спарта вступила в войну с Афинами 431-404 года до н.э. с великой неохотой⁵²². Между тем, изоляционистские административные мероприятия спартанского правительства, по мнению Тойнби, были усилены автоматическим изолятором, который, возможно, не был изобретен первоначально, чтобы служить новой политике, но который был бережно храним даже после того, как опыт показал, что он способствовал изоляции. Этим автоматическим изолятором, с точки зрения буржуазного ученого, была спартанская форма денежного обращения, которая была специфичной, потому что оставалась старомодной. "Когда спартанские государ-

ственные власти осознали это изолирующее следствие их автоматического денежного консерватизма, — пишет Арнольд Тойнби, — то они, вероятно, поняли, что он способствует изоляционизму, который теперь стал их политикой..."⁵²³. Это сочетание изолирующих факторов, как указывает историк, было мощным⁵²⁴.

Эти рассуждения Тойнби об "изоляционизме" Спарты смешивают истинное с ложным, действительное с надуманным. Идеализируя спартанскую внешнюю политику, Тойнби целиком отвергает ее агрессивность чуть ли не с середины VI в. до н.э. и даже для времени Пелопоннесской войны.⁵²⁵ Это, конечно, не соответствует историческим реалиям. При всем отсталом, натурально-хозяйственном типе своей экономики Спарта была прежде всего военно-рабовладельческим полисом, решавшим свои внутренние проблемы (особенно же проблему "перенаселения" и обнищания мелких свободных владельцев земли) путем завоеваний. Поэтому видимость Тойнби принимает за действительность, "миролюбивые" заявления спартанских правителей за их реальную политику. Следовательно, и в этом вопросе Тойнби разделяет иллюзии, свойственные другим буржуазным античникам, которые были склонны искать "неагрессивных" правителей даже среди эллинистических монархов и римских консулов. Тарн, например, полагал, что Македония при Антигонадах вовсе не хотела завоевать Грецию⁵²⁶, а М.Олло предпочитал думать, что "римский империализм" был вынужденным, что римляне с большой "неохотой" вели войны в восточном Средиземноморье⁵²⁷.

Рассуждая о поведении спартанцев за границей, Тойнби полагает, что это поведение было склонно являть собой трагическую противоположность их поведению дома. "В неспартанской социаль-

ной и моральной среде, — пишет буржуазный ученый, — спартанское поведение становится полной противоположностью того, что было "спартанским" в специфическом "последеликурговом" значении, которое слово "спартанский", приобрело к тому времени... Спарта-нец за границей, конечно, не возвращался к обычному состоянию, он просто ненормально противодействовал аномальным тискам спартанской жизни дома" . Причем патологическую предрасположенность спартанского правительства к консерватизму и ксенофобии, которые стали пресловутыми со времени землетрясения 466 или 464 г. до н.э., Тойнби считает одним из симптомов усиливающейся деформации, от которой Спарта страдала при "ликурговом" режиме⁵²⁸. Другим симптомом аномалии Спарты была, с точки зрения английского античника, эксцентричность, склонность к строгости и аскетизм, которые становились характерной чертой спартанской жизни во всех ее аспектах⁵²⁹. Данная гипотеза английского историка подтверждается источниками. В частности, согласно Аристотелю, в Спарте не видно, кто богат, а кто беден. Пища является одинаковой для всех в сисситии, и богатые одеваются в таком смысле, в котором любой бедный человек в состоянии позволить себе⁵³⁰. Фукидид сообщает, что лакедемоняне первыми должны были носить простую одежду, и именно в Спарте вообще богатые поставили себя более или менее на один уровень с бедными в своем образе жизни⁵³¹. Плутарх доводит до нашего сведения, что имело место запрещение в Лакедемонсе на гравирование на надгробной плите имени покойного за исключением того случая, когда мужчина погибал в бою, а женщина была жрицей⁵³². Однако, вопрос Ксенофонта о том, какой побудительный мотив в Спарте мог иметь место для желания быть

богатым, учитывая, что не было никаких возможностей для того, чтобы тратиться на пищу, одежду или предметы роскоши, буржуазный ученый называет риторическим и ханжеским. "Ксенофонт, — пишет Тойнби, — должен был знать так же хорошо, как в более позднее поколение Аристотель, что богатств страстно жаждали в Спарте. Он должен был в равной степени сознавать мотивы этого. Негативным мотивом был страх быть лишенным, вследствие нищеты, статуса "равного". Позитивным мотивом была жажда социального и политического влияния, которое богатство несло с собой в Спарте, как и в любом другом месте"⁵³³. Более того, вслед за ведущим американским античником, профессором Калифорнийского университета Томасом Аффрикой, Арнольд Тойнби в противоречии с другими своими утверждениями считает, что жадность, наряду с консерватизмом и показной склонностью к простоте, была роковой слабостью спартиата, а также симптомом аномалии его образа жизни⁵³⁴. Действительно, мы знаем, что Аристотель клеймит как эфоров, так и геронтов, за их склонность использовать свою власть для извлечения собственных выгод⁵³⁵. Далее греческий философ сообщает, что "равные" были неохотными налогоплательщиками и, так как большая часть земли является их собственностью, они потворствуют уклонениям от налогов друг друга⁵³⁶.

Что касается причин аномалии спартиатского образа жизни, то Арнольд Тойнби вычленил, видимо, ряд посылок. Главную из них он указал еще в III томе своего двенадцатитомного труда "A Study of History". Ею, с его позиций, явилась вторая Мессенская война и господство спартиатов над мессенскими илотами. Вот что он здесь пишет на этот счет: "С точки зрения конечной истины

мессенские инсургенты обеспечили свою месть Спарте в том смысле, в котором Ганнибалу суждено было взять реванш у Рима. Вторая Мессено-Спартанская война изменила весь ритм спартанской жизни и отклонила в сторону весь ход спартанской истории. Это была одна из тех войн, когда оковы входят в души уцелевших. Она явилась настолько ужасным испытанием, что оставила спартанскую жизнь крепко привязанной к страданию и оковам, и она "перевела" спартанскую эволюцию на тупиковый путь. И так как спартанцы никогда не сумели забыть то, что они испытали, они никогда не были в состоянии расслабиться и, следовательно, выпутать себя из тупика своей послевоенной реакции... Спартанцы, завоевав Мессению в первой войне, чтобы жить для себя, вынуждены во второй и с тех пор отдавать свои жизни задаче удержать Мессению. Они живут, как покорные слуги своей собственной власти над Мессенией с этого времени и навеки"⁵³⁷. Тойнби, следовательно, не может не видеть, что силой, которая "погубила" Спарту (и которая сообщила ей специфический путь развития), явилась илотия, т.е. особая форма рабства. Однако самое илотию Тойнби, в духе своих предпочтений внешнему фактору, выводит из обстоятельств Мессенских войн. В этом смысле илотия становится как бы случайным фактором, которого при желании можно было бы избежать, если не допустить упомянутых войн. Иллюзия буржуазно-либерального толка, свойственная здесь Тойнби, сводится им, таким образом, к морализаторской критике рабства, без понимания закономерного характера этого способа производства. Известно, что не один Тойнби стоял на такой позиции. Классическим типом подобного понимания античного рабства является, например, творчество А.Валлона. Эн-

гельс не случайно подверг суровой критике тех историков, которые произносят немало гневных фраз по поводу рабства, но не понимают его подлинного места во всемирной истории.

Впрочем, Тойнби выделял и другие причины специфики спартиатского образа жизни. В частности, в своей капитальной монографии "Some Problems of Greek History" он писал следующее: "В общине спартиатских "равных", которая была вызвана к жизни "ликурговой" реформой, обычная человеческая натура была "улучшена" прогрессивно следующими друг за другом ответами на последовательные вызовы, представленные на рассмотрение Спарте последующими испытаниями. Некоторые из этих ответов были стихийными и бессознательными; другие были сознательными и умышленными; и из умышленных решений некоторые были приняты "равными" как частными лицами, чтобы служить тому, что, как они полагали, явилось их собственными частными интересами, в то время как другие были приняты спартанским государством, чтобы служить тому, что, как оно полагало, являлось общественным интересом спартанского государства. Перетягивание на канате между общественным и частным интересами в Спарте постепенно породило специфический спартанский дух, в котором образ жизни был отражен"⁵³⁸. Тиски, которые в Спарте клеймили человеческую натуру этим специфическим штампом, становились, по мнению английского античника, все более и более жесткими по мере того, как положение Спарты в рамках ее собственных владений и за границей становилось все более и более трудным. "При "ликурговом" режиме, - поясняет свою мысль английский историк, - Спарта обнаружила, что должна отвечать на усиливающееся закручивание уменьшающимся запасом военных люд-

ских ресурсов. Сводить концы с концами оказалось все более трудным для нее. Ее ответ состоял в том, чтобы взвинтить натянутость "ликургова" образа жизни, т.е. образа жизни спартиатских "равных"⁵³⁹. Причину постоянного сокращения количества "равных", как считает буржуазный ученый, следует искать в условиях самого "ликургова" урегулирования. Причем, "условия, на которых клеры были дарованы их держателям, как можно разглядеть в ретроспективе, были непредусмотрены. Также можно разглядеть в более детальной ретроспективе, что эти непредусмотренные условия были последствием реакции спартиатских простолюдинов на их предыдущую борьбу с аристократами за владение завоеванными землями Спарты, возделываемыми илотами"⁵⁴⁰. Еще в своей статье "The Growth of Sparta" (1913) Тойнби отмечал, что "клер не был частной собственностью держателя; он был неотчуждаемым леном, обычно передаваемым от отца к сыну, но возвращающимся к государству, если держателю не удавалось извлекать из него свою долю пищи, вина и масла для сисситии, или, если он умирал, не оставив взрослого потомка мужского пола"⁵⁴¹. Причем запрещение покупать или продавать клеры создало в равной степени эффективное предубеждение против продажи частной собственности. Плюралистическое владение и подразделение клеров были также незаконными⁵⁴². Примерно того же взгляда Тойнби придерживается и в монографии "Some Problems of Greek History" (1969). "Насколько мы знаем, - пишет он в данной работе, - клер, однажды распределенный, мог быть приобретен в Спарте первоначально только посредством наследования. После введения в силу ретры Эпитадея клер мог быть приобретен альтернативно посредством дара или по-

средством завещания, сделанного настоящим держателем"⁵⁴³. Между тем, в интересах спартанского правительства точно так же, как и в интересах оттоманского правительства двумя тысячелетиями позднее, с точки зрения английского античника, было то, чтобы заставить клеры содержать максимальное количество солдат самого высокого качества; и "этот важный государственный интерес, - как полагает английский историк, - не мог быть гарантирован, если бы государство разрешило первому держателю завещать клер, однажды ассигнованный ему, как если бы он был его фри - гольдерской собственностью"⁵⁴⁴. Однако, даже если бы спартанское правительство владело административным оборудованием для того, чтобы держать контроль над своими клерами в соответственно небольшом масштабе лакедемонского государства, то кажется невероятным, по утверждению буржуазного ученого, чтобы урегу - лирование было достигнуто при политических обстоятельствах того времени, когда "ликургов" режим был введен, на той основе, что клеры были бы дарованы их держателям на пожизненный срок владения, а затем, по смерти каждого следующего друг за другом держателя, передавались бы государством любому претенденту на него, который мог бы показаться самым подходящим с точки зрения государственных интересов"⁵⁴⁵. "Спартанских простолюдинов, которых переделывали в "равных", - разъясняет свою мысль Ар - нольд Тойнби, - обманывали к тому времени относительно доли в завоеванных землях так долго, что они стали подозрительными. К этому времени они, вероятно, настаивали, чтобы клеры были розданы им раз и навсегда на единственном условии, что держатель клера был обязан нести повседневную воинскую службу. Если бы

было оговорено, что клер держателя-простолюдина должен был переходить к государству в момент его смерти, то он заподозрил бы, что это условие является хитростью, чтобы позволить государству вручить его клер назад аристократам... Простолюдины, вероятно, хотели, чтобы максимальное количество клеров было распределено с минимальным количеством ограничений на права держателя клера на его клер"⁵⁴⁶. Таким образом, условия, на которых клеры были предоставлены спартиатам, были, с точки зрения Тойнби, predetermined мотивами лишь социально-психологического порядка. Между тем неизбежным результатом урегулирования в соответствии с этими установками было, по мнению английского античника, то, что снабжение трапез должно было производиться не государством, но самими сотрапезниками из продукции их соответственных клеров. Причем обязанность, которая была таким образом неизбежно навязана индивидуальному члену трапезы, должна была строго проводиться в жизнь. "Сохранение всех трапез, - пишет английский историк, - стало военной необходимостью; нельзя было допустить, чтобы дальнейшее существование трапезы было поставлено под угрозу невыполнением членом своих обязанностей, и, следовательно, наказание на невыполнение должно было быть суровым. Прекративший платежи член терял право на членство, чтобы дать дорогу для кооптации нового члена, который, как казалось более вероятным, окажется платежеспособным. Бывший сотрапезник, теряя свое место в трапезе, также терял свой статус "равного" и с ним голос в собрании демоса"⁵⁴⁷. Клер спартиатского "равного", как и рассчитывали, содержал, как отмечает Тойнби, одного гоплита в качестве повседневного профессионального солдата. "Мы

можем догадываться, однако, что налоги, причитающиеся держателю клера с илотских возделывателей его клера, не могли обеспечить потребности более одного рантье, который должен был платить взносы в трапезу, и, кроме того, содержать жену и детей; и спартиатский держатель клера не имел никаких средств увеличить свой доход"⁵⁴⁸. В самом деле, в целях необходимой гарантии эффективной военной защиты, государство установило потолок для налога илотов владельцам клеров; и держателю клера было также запрещено тратить время не на военную муштру, а на то, чтобы увеличивать свой доход, лично занявшись прибыльным делом⁵⁴⁹. Это жесткое ограничение дохода держателя клера, с точки зрения Арнольда Тойнби, находилось в действии вместе с жестким требованием платежа взносов в трапезу, чтобы поставить его в затруднительное положение; ибо, "хотя его доход с клера... был достаточен для его собственных нужд..., рано или поздно был достигнут момент, когда продукции семейного клера было бы недостаточно, чтобы позволить всем взрослым и полностью правомочным мужским членам семьи стать и оставаться "равными", платя взносы "равного" в трапезу. В этом случае некоторые из потомков настоящего держателя клера были бы доведены (не вследствие личного дефекта, но просто непоправимой нищетой) до того, что должны были бы проводить свою жизнь в качестве "опустившихся"⁵⁵⁰. Это был незавидный статус, и "возможность того, что некоторые из потомков "равного", владеющего клером, могли бы быть приговорены к нему вследствие не своего собственного дефекта, вызвала беспокойство держателей клера"⁵⁵¹. Это беспокойство, как считает Тойнби, обычно было постоянным стимулом для держателя кле-

ра из среды простолюдинов (а простолюдинов должно быть было большое количество) в принятии двух предосторожностей, которые обе противоречили государственному интересу. "Держатель клера, - пишет он, - бывало, был искушен в том, чтобы ограничивать количество своих детей, и он обычно был настороже в смысле возможности увеличить свой клер приобретением других клеров (или частей клера) либо приобретением фригольдов"⁵⁵². В частности, Арнольд Тойнби считает, что кроме дара и завещания, незаконного или узаконенного, имелось, по крайней мере, три других способа, посредством которых собственность могла быть передана от одной семьи к другой. Одним способом, с его точки зрения, было усыновление⁵⁵³. Второй способ заключался в женитьбе на женщине, которая была наследницей своего отца, потому что либо совсем не имела братьев, либо же не имела живых братьев. Причем Тойнби указывает, что "богатство имеет тенденцию жениться на богатстве, и это ведет к концентрации собственности в руках меньшинства"⁵⁵⁴. Третье средство передачи собственности из одной семьи в другую составляло, по мнению английского античника, в том, чтобы дать приданое⁵⁵⁵. Между тем, "озабоченность приобретением собственности создала, - с точки зрения Тойнби, - даже более крайнее неравенство в распределении собственности среди "равных", не говоря уже об их бедных сотоварищах, "опустившихся"⁵⁵⁶. Данная гипотеза английского историка подтверждается источниками. В частности, согласно Аристотелю, неравенство в распределении собственности является одной из предосудительных черт спартанской жизни. Некоторые спартанцы чрезмерно богаты, другие являются чрезмерно бедными. В результате страна попала в руки не-

значительного меньшинства⁵⁵⁷. Причем, "введение в силу... ретры (Эпитадея - Н.С.), - по мнению Тойнби, - привело к тому, что концентрация собственности в Спарте в незначительном количестве рук пошла "как по маслу"⁵⁵⁸. В самом деле, Плутарх сообщает, что могущественные люди делали прибавления к своей собственности необузданно, изгоняя других людей с наследств, которые принадлежали им по праву, с тем результатом, что богатству довелось быстро стать сконцентрированным в руках немногих за счет обнищания гражданской массы в целом⁵⁵⁹. Отказ от запрета дарить или завещать землю, как считает Арнольд Тойнби, не имел бы смысла, если бы не было реальным получить в обмен либо субсидии, либо влияние. Субсидии были бы компенсацией для бедных людей за то, что они отдали свою землю, влияние было бы соответствующей компенсацией для богатых⁵⁶⁰. "Разрешение, данное введением в силу ретры Эпитадея, - оговаривает Тойнби, - могло бы быть обоюдоострым. Оно могло бы действовать против концентрации земли в уменьшающемся количестве рук, позволяя крупным землевладельцам расставаться с излишней землей для того, чтобы увеличить свой фонд влияния. Наоборот, оно могло бы действовать в пользу концентрации земельных владений, позволяя бедным отдавать недостаточные владения крупным землевладельцам в обмен на то, чтобы иметь свои взносы в сисситию гарантированными. Спартанское правительство, возможно, представило ретру на рассмотрение спартанскому демосу в надежде, что ее действие могло бы задержать прогресс концентрации земельных владений; "равные", возможно, ввели ретру в силу в надежде, что она будет служить их разным интересам. Бедные "равные", возможно, видели в ней

перспективу сделать свои взносы в сисситию гарантированными богатыми "равными"; богатые "равные", возможно, видели в ней перспективу расширить свои владения недвижимости или же увеличить свое влияние. Конечный результата данного закона состоял в том, чтобы способствовать долгосрочным интересам богатых "равных" за счет как кратковременных интересов бедных "равных", так и долгосрочных интересов спартанского государства; и, в конечном счете, это было губительным для всех спартанских интересов одинаково"⁵⁶¹. В результате этого "проблемы, которые стояли перед Спартой III века до н.э., - нищета и неравенство, - восклицает Тойнби вслед за Форрестом, - были, по существу, теми же самыми, что и проблемы, которые он ("Ликург") решил"⁵⁶².

Что касается времени введения в силу ретры Эпитадея, то еще в своей статье "The Growth of Sparta" (1913) буржуазный ученый писал по данному вопросу следующее: "Дата ретры не может быть установлена точно. Она, должно быть, имела место позднее, чем всеобщий мир, последовавший за второй Мантинеей, к которому Спарта отказалась примкнуть, потому что он повлек за собой признание Мессенского государства. С другой стороны, она не могла иметь место намного позднее, ибо, когда Аристотель писал свою "Политику" (приблизительно 325 г. до н.э.), она имела время произвести свой полный эффект. Если мы отнесем ее к 357 г. до н.э., то мы не намного ошибемся"⁵⁶³. Однако в монографии "Some Problems of Greek History" (1969) Тойнби несколько меняет свою точку зрения по данной проблеме. Вот что он здесь пишет на этот счет: "Что касается... вопроса о дате данного указа, то кажется более вероятным, что ретра была введена в силу в ту да-

ту, когда упадок в количестве "равных" уже дошел до тревожной степени, и ретра была спроектирована представителем правительства добросовестно в качестве меры задержать этот упадок, хотя в конечном счете данный указ имел как раз противоположное следствие. Это, как кажется, в целом, указывает на дату позднее 371 г. до н.э."⁵⁶⁴

Итак, с того момента, когда "ликургов" режим был введен, правило, что спартиат не мог стать или оставаться "равным", если бы он был не в состоянии платить взносы в трапезу, с точки зрения Арнольда Тойнби, привело к "перетягиванию на канате между интересом индивидуального "равного" и интересом спартанского государства". Интерес государства, согласно Тойнби, состоял в том, чтобы сохранять количество "равных" на максимальной цифре, которое при данном количестве клеров могло существовать. Интерес индивидуального "равного" состоял в том, чтобы и он, и его потомки сохранили свой статус. Индивидуальный "равный" стремился обеспечить это, ограничивая количество своих детей и увеличивая количество своей собственности, если он мог. Ограничить размер своей семьи было во власти каждого "равного". С другой стороны, борьба за гарантию для себя максимально возможной доли из ограниченного суммарного фонда сельскохозяйственной земли в рамках территории города-государства Спарты была, с точки зрения английского историка, чрезвычайно конкурентной. Причем следствием данного состязания в Спарте явилась концентрация собственности (как фригольдов, так и клеров) во все меньшем и меньшем количестве рук. Комбинированным следствием двух данных тенденций, взаимодействующих друг с другом, явилось дви-

жение цифровой численности "равных" вниз по дефектной спускающейся спирали. Меньшинство приобрело больше собственности, чем было необходимо для поддержания их статуса; и их обогащение происходило за счет обнищания большинства; это обнищание поставило данное большинство перед выбором между тем, чтобы дойти до статуса "опустившихся" и тем, чтобы задержать рост количества своих детей до минимума. Утрата "равным" его статуса не убавляла размеров тотального населения владений Спарты; ограничение количества детей "равного" действительно убавляло его; и обе альтернативы уменьшали цифровую численность самих "равных"⁵⁶⁵. Между тем, Тойнби указывает, что богатые имели один частный интерес, который действовал в незначительной степени в пользу накопления резервуара "равных", который истощали жадность богатых и ограничительные обычаи бедных. "Равный", который был достаточно богат для того, чтобы быть лишенным всякого беспокойства относительно сохранения своего и своих потомков статуса, мог бы, с точки зрения английского историка, чувствовать побуждение к помещению своего избыточного богатства в приобретение статуса "равных" для своих клиентов, которые бы затем стали его политическими сторонниками среди демоса. "Конечно, юридический акт усыновления, — оговаривает Тойнби, — вверил бы приемного отца неразрывной связи со своим приемным сыном. Исключая принятие этого имеющего большие последствия обязательства, богатый "равный" мог гарантировать будущего клиента, усыновив сына "равного" или "опустившегося" спартиата не юридически, но неофициально в качестве своего "протезе" и наемника, и на этой неофициальной альтернативной основе он был свободен

взять под свое крыло "неравного", который не был спартиатом ни со статусом "равного", ни со статусом "опустившегося". Он мог бы предпочесть илота, который мог бы или не мог бы быть его собственным незаконнорожденным сыном. Он мог бы также предпочесть свободнорожденного чужеземца"⁵⁶⁶. Между тем "в балансе количества "равных", как указывает английский историк, случайные представления избирательных прав усыновленным эксаутсайдерам были статьями, записанными на приход; но следствие, в смысле компенсации постоянных потерь, было незначительным"⁵⁶⁷. Так Тойнби объясняет причины уменьшения численности населения Спарты. Вместо исследования антагонизмов между классами он изучает антагонизм между личностью и обществом, что никак не может дать достаточно точной картины исторического процесса.

Между 480 г. до н.э. и 425 г. до н.э. проблема сокращения численности населения, с точки зрения буржуазного ученого, стала для Спарты главным беспокойством, причем критическим событием было землетрясение 466 или 464 г. до н.э., т.е. опять-таки случайное событие⁵⁶⁸. Вслед за Диодором Тойнби оценивает количество смертей в 20 000 человек, что, по его мнению, составляло, по крайней мере, половину населения города⁵⁶⁹. В самом деле, согласно Плутарху, сам город был целиком разрушен. Только пять домов уцелели...⁵⁷⁰ В своей оценке последствий землетрясения Арнольд Тойнби разделяет, видимо, и гипотезу Форреста на этот счет. По крайней мере, в своей монографии "Some Problems of Greek History" Тойнби пишет следующее: "Форрест считает, что оно (т.е. землетрясение - Н.С.) было губительным, даже принимая во внимание преувеличение в отчетах о людских потерях и о

материальном ущербе. Он справедливо утверждает, что оно не имело бы долгосрочных следствий, если бы количество "равных" уже не пошло бы на убыль в результате действия мирских социальных причин"⁵⁷¹. Упадок в количестве "равных", по мнению ученого, был тем более серьезным для Спарты, потому что подобно многим другим чертам спартанской жизни при "ликурговом" режиме он был свойствен исключительно самой Спарте⁵⁷² и являлся не только симптомом, но и одной из главных причин ее аномалии, нестабильности системы в целом и ее конечного краха. "Отравой Спарты, - восклицает Тойнби вслед за Аристотелем, - явилась малочисленность; она скорчилась под одним ударом"⁵⁷³. Еще в одном из курсов третьего тома своего труда "A Study of History" Тойнби, персонифицируя спартанские политические институты, писал: "Величайшей иронией в положении Спарты был тот факт, что, когда она пожертвовала всем, что делало жизнь достойной того, чтобы жить, ради единственной цели выковать непреодолимое военное орудие, она обнаружила, что не смеет использовать свою дорого доставшуюся силу, потому что ее социальное равновесие при "ликурговой" системе было настолько аккуратным, а ее социальная натянутость - такой высокой, что малейшее нарушение статуса - кво могло бы иметь гибельную отдачу; и это бедствие могло бы быть вызвано победой, которая бы увеличила постоянный запрос на людские ресурсы Спарты почти также быстро, как и поражение, которое бы открыло путь для вторжения на собственную территорию Спарты. В конечном счете тотальная победа 404 г. до н.э. и логически последовательное тотальное поражение 371 г. до н.э. должным образом навлекли на спартанцев несчастье, которого они

никогда не переставали страшиться..."⁵⁷⁴ Причем явно тотальная победа над Афинами в 404 г. до н.э., как указывает буржуазный ученый в своей монографии "Some Problems of Greek History", фактически нарушила "ликургов" образ жизни в двух отношениях. С одной стороны, она, с его точки зрения, положила конец денежному обособлению Спарты от внешнего мира, наводнив ее потоком золотой и серебряной монеты. Между тем, введение денежной экономики было разрушительным, потому что оно несло в своем результате неприкрытую революцию в спартанском отношении к передаче частной собственности из одних рук в другие. Концентрация собственности во все меньшем и меньшем количестве рук, отмечает Тойнби, которая случалась понемногу с момента и в результате учреждения "ликургова" строя, теперь набрала скорость, дойдя до чрезвычайной степени⁵⁷⁵. С другой стороны, ввоз драгоценных металлов в Спарту после спартанской победы в 404 г. до н.э. сопровождался экспортом из Спарты спартиатских "равных", и это другое последствие победы было губительным для Спарты в более очевидном смысле. Теперь, когда Спарта унаследовала от Афин господство над всем эллинским миром, она оказалась вынужденной выводить своих "равных" из военного строя, от которого они не могли быть благополучно избавлены, на выполнение невоенных обязанностей, которые им не могли быть благополучно вверены... Спартиат, которого "улучшали" с детства, чтобы сделать хорошим фалангитом и даже хорошим эномотархом, пентекостером, лохагом или полемархом стал невыносимым правителем для неспартанской греческой оошины..."⁵⁷⁶ Еще в III томе "A Study of History" Арнольд Тойнби написал по этому поводу следующую эпитафию "ликур-

говой" системе: "Народ, обученный в совершенстве, но исключительно для военного контакта со своими соседями, оказался внезапно вынужденным в результате исхода одной особенной войны вступить в невоенные сношения, для которых он был не только не подготовлен, но сделан решительно непригодным его специфическими институтами, привычками и характером. Эти особенности, которые спартанцы развили, чтобы разрешить предыдущую проблему и которые дали им сверхчеловеческую силу в пределах узкой среды..., теперь взяли свой реванш у этого специфического народа, сделав его нечеловечески или подчеловечески неспособным для жизни в более широком мире, в который судьбы войны, в конце концов, привели его. Сама суть их адаптации, предшествующей среде, сделала любую реадaptацию к новой окружающей среде чрезвычайно трудной для них, фактически невозможной; и те самые качества, которые были секретом их успеха в одной ситуации, стали худшими врагами, когда они оказались в другой ситуации... Спартанцы потерпели неудачу, когда в результате военной победы они должны были взять на свои плечи имперские обязанности Афин вместо того, чтобы держать их морскую и военную силу в безвыходном положении..."⁵⁷⁷

При всей справедливости утверждений Тойнби о диалектике политической эволюции Спарты, английский античник в этой длинной тираде не оставляет места анализу противоречий рабовладельческой системы исследуемого им государства. Не последствия войны или землетрясения, не изменения внешней среды (каковые, конечно, тоже нужно учитывать) были главной причиной социальной эволюции Спарты. Развитие рабства в форме илотии явилось

основным фактором социальной и имущественной дифференциации. Именно развивающееся рабство и стало той "неблагоприятной средой" для отсталой структуры спартанского полиса, которая должна была быть сломлена тем или иным путем. Тойнби не видит прогрессивной необходимости этой ломки, поэтому судьба Спарты для Тойнби состоит только в крахе, разрушении, развале системы. В действительности же это только одна, и не ведущая, сторона сложного процесса развития. Другой же стороной было становление в Спарте все более сложных рабовладельческих отношений, ее приобщение к политическому миру Греции, затем эллинизма и Рима. Тойнби, вольно или невольно, идеализирует описываемый им спартанский строй, не видя альтернативы этому строю в классической античности.

§4. Военная организация

Третьим аспектом спартанской общественной структуры Тойнби считал военную организацию, которую подробно исследовал.

Необходимо отметить, что данная организация была основана, как заметил Тойнби не без влияния марксизма, как на конституции, так и на социальной системе, но и последние "также нуждались в ней как в необходимом орудии для защиты от попыток со стороны илотов низвергнуть их силой"⁵⁷⁸. Военная организация, отмечает далее Тойнби, подобно социальной системе, подвергалась изменениям в течение периода, в ходе которого политическая конституция оставалась в силе. Причем "изменение в военной организации и конечное низвержение самой конституции в 227 г. до н.э. были ответами на проблему, которая становилась все более и бо-

лее трудной для решения ее Спартой. Это, — как еще раз специально оговаривает английский античник, — была проблема удовлетворять постоянно растущие политические и военные требования посредством постепенно уменьшающегося количества личного состава в рядах спартиатских "равных"⁵⁷⁹. И любое изменение в этом компоненте, с точки зрения английского историка, было обязано принести с собой изменение в армии в целом, включая другой ее компонент, который снабжался перизками⁵⁸⁰. Между тем, в своей капитальной монографии "Some Problems of Greek History" (1969) буржуазный ученый говорил, что само комбинирование перизков со спартиатами было одной из двух основных постоянных характерных черт "ликурговой" лакедемонской армии на протяжении всех фаз ее эволюции. "Во многих случаях, приходящихся на промежуток времени в 258 лет, включающих 479 г. до н.э. и 222 г. до н.э., — писал, в частности, Арнольд Тойнби, — присутствие перизков в лакедемонской армии точно зарегистрировано или подразумевается; и кроме тех случаев, в которых ясно отмечено, что "равные" действовали, не будучи сопровождаемыми соответствующим контингентом перизков, может быть допущено, что там, где перизки игнорируются в дошедшей до нас летописи лакедемонской военной истории, это указывает не на их отсутствие, но на недосмотр или ошибку со стороны историка"⁵⁸¹. Спартанцы, по мнению английского историка, доили своих лакедемонских перизков и других пелопоннесских союзников ради военных людских ресурсов подобно тому, как римляне доили латинян и других италийских союзников; причем перизкские воинские людские ресурсы Спарты, подобно союзным воинским ресурсам Рима, были более изобильными, чем ее собственные

людские ресурсы⁵⁸². Площадь, которая была более маленькой и более бедной, могла содержать обычных гоплитов (каковыми являлись перизки - Н.С.) в большем количестве, чем максимальное количество повседневных профессионалов, каковыми были, с точки зрения Тойнби, спартанские "равные", которых могла содержать большая и плодородная *πολιτικὴ χῶρα* Спарты⁵⁸³. Между тем политическое благоразумие, по мнению буржуазного ученого, рекомендовало спартанскому правительству, как оно рекомендовало римскому правительству, не мобилизовать войска не своих граждан в намного большем количестве, чем войска своих граждан, даже если бы этот самоотказывающийся план влек за собой сдерживание фактически существующего размера армии значительно ниже ее потенциального уровня, а также приводил к недопущению по отношению к данной гражданской массе любого облегчения от диспропорционально тяжелого груза. "С даты "ликурговой" реформы вплоть до 227 г. до н.э., - пишет Арнольд Тойнби, - ограничивающим фактором в детерминировании численности лакедемонской армии была численность спартиатского компонента армии в каждую последующую фазу лакедемонской истории. До 227 г. до н.э. спартанское правительство никогда не осмеливалось мобилизовать перизков либо эмансипировать и вербовать илотов в количествах, которые бы затопили спартиатский компонент"⁵⁸⁴.

Другой постоянной характерной чертой "ликурговой" лакедемонской армии была, как считает Тойнби, *ἐνωμοτία*, которая являлась самой маленькой тактической единицей в ее организации⁵⁸⁵. Каждая энмотия была постоянной в том смысле, что являлась собой отряд побратимов, как подразумевает ее наименование⁵⁸⁶.

Кроме того, "она, вероятно, была единообразной в техническом смысле, имея стандартную цифровую численность, стандартный состав с точки зрения составляющих ее возрастных классов и стандартный боевой порядок"⁵⁸⁷. Анализируя в этом плане труды Ксенофонта, Тойнби приходит к следующему логическому умозаключению: "Каждый из сорока возрастных классов, которые подлежали военной службе, был представлен в каждой эномотии...; каждый годовой класс был представлен в ней лишь одним человеком, или, возможно, было бы более точным сказать, каждая из восьми групп по пять возрастных классов была представлена лишь пятью людьми. При любом методе подсчета тотальная (подчеркнуто мною - Н.С.) численность эномотии, вероятно, была сорок человек"⁵⁸⁸.

Что касается социальной структуры спартиатской эномотии, то она, по мнению Тойнби, была составлена из пары сисситий. Между тем социальная конституция периекской эномотии была, как считает английский античник, собственным делом каждого периекского государства⁵⁸⁹.

Еще в своей статье "The Growth of Sparta" (1913) английский историк справедливо указывал, что самые ранние сведения об организации лакедемонской армии даны в "Истории" Геродота, а именно: в его оценке греческих войск, введенных в бой при Платеях в 479 г. до н.э. для отражения персидской агрессии⁵⁹⁰. Причем в рассматриваемый период спартиаты и периеки служили, по его мнению, в равных количествах и в отдельных континентах⁵⁹¹. Спартиатский контингент был организован в пять лохов, включающих исключительно спартиатские эномотии. Каждый лох вербовался от одной из пяти об⁵⁹². Что касается периекского контингента ла-

кедемонской армии, то он также состоял из пяти лохов, но включал исключительно периэксские эномотии⁵⁹³. Оценивая вслед за Геродотом тотальную численность десятилоховой лакедемонской армии в рассматриваемый период в 16 000 гоплитов⁵⁹⁴, Тойнби полагает, что данная армия включала 400 эномотий (200 спартиатских эномотий и 200 эномотий периэков). Причем в промежутке между эномотией и лохом имело место среднее подразделение, для обозначения которого использовался термин "пентекостис". Этот термин, по мнению английского историка, обозначает не отряд из пятидесяти человек, но пятидесятую часть отряда, который "являлся лакедемонской армией в целом скорее, чем одним из двух крыльев данной армии"⁵⁹⁵. В 479 г. до н.э. для борьбы с персидскими оккупантами средней Греции были мобилизованы, по подсчетам Тойнби, 5 000 спартиатских гоппитов (по одной тысяче гоппитов от каждой комы)⁵⁹⁶ и пять тысяч периэкских гоппитов⁵⁹⁷. Данные цифры английский историк, безусловно, позаимствовал у Геродота⁵⁹⁸. Впрочем, и его вышеизложенные рассуждения относительно структуры лакедемонской армии в рассматриваемый период, представляют собой лишь логическое обобщение разрозненных фактов, сообщаемых "отцом истории". Между тем, 5 000 периэкских гоппитов представляли из себя, по Тойнби, *corps d'elite*. 5 000 "равных" составляли лишь около пяти восьмых суммарной численности спартиатских гоппитов призывного возраста в то время⁵⁹⁹. Данная гипотеза также подтверждается сведениями Геродота, который оценивает тогдашние общие гоппитские ресурсы Спарты в 8 000 человек. Так, в своей "Истории" Геродот заставляет свергнутого Демарата сказать персидскому императору Ксерксу после битвы при Фермопи-

лах следующее: "Царь, число всех лакедемонян велико, и городов у них много... В Лакедемоне есть город Спарта с населением тысяч в восемь, и все они таковы же, как и те, что сражались в этом месте; прочие лакедемоняне не таковы, но все же храбры"⁶⁰⁰.

После 479 г. до н.э. следующей датой, для которой мы имеем любую информацию относительно организации лакедемонской армии, является, как справедливо указывает Арнольд Тойнби, 425 г. до н.э. Причем, анализируя разрозненные сведения, изложенные Фукидидом по поводу лакедемонской военной реакции на оккупацию афинянами Пилоса в 425 г. до н.э., английский историк приходит к логическому умозаключению, что к этому времени армия лакедемонян была организована в двенадцать лохов, и каждые два лоха были объединены в мору⁶⁰¹. "Относительно моря, пишет Тойнби, — мы знаем несколько вещей наверняка. Во-первых, она была составным корпусом пехоты и кавалерии. Во-вторых, она была составным корпусом спартиатов и периэков. В-третьих, имелось шесть таких корпусов"⁶⁰². Между тем, термин "мора" нигде не используется Фукидидом, и самое первое, дошедшее до нас ясное употребление его имеет место у Ксенофонта по поводу военных операций 403 г. до н.э. Однако Тойнби разделяет гипотезу известного французского античника Кавеньяка, что организация лакедемонской армии, описанная Фукидидом, по поводу битвы при Мантинее в 418 г. до н.э. в пятой книге его "Истории", является идентичной с ее организацией, каковая описана Ксенофонтом в его "Лакедемонской политике"⁶⁰³. В частности, оба отчета, как доказывает Тойнби, оценивают суммарное количество гоплитских эномотий во всей спартиатско-периэксской армии в девяносто шесть, хотя приходят к

этой одинаковой цифре, как считает английский античник, при совершенно различных подсчетах подразделений более значительных, чем эномотия; и каждый из этих подсчетов, по его мнению, является неудовлетворительным⁶⁰⁴. Ошибкой Фукидида является его отождествление лакедемонских корпусов большого размера, которые находились под командованием полемархов с лакедемонскими лохами. "Мы знаем, - справедливо пишет Арнольд Тойнби, - что полемарх командовал морой, и, что мора состояла не из одного лоха, но из пары лохов, за исключением необычных случаев, к которым данный случай не относился, когда мора была представлена лишь спартиатским лохом"⁶⁰⁵. Причем в своей монографии "Some Problems of Greek History" Тойнби приводит ряд веских аргументов, которые говорят в пользу фактического участия перизекского контингента в битве при Мантинее в 418 г. до н.э.⁶⁰⁶ Тот же самый вывод относительно данного отчета Фукидида был сделан известным английским спартановедом Вудхаузом в его работе "King Agis of Sparta and his Campaign in Arcadia 418 b.c." (1933). По поводу подразделения, которое фукидид называет лохом, Вудхауз также считает, что его надлежащим указанием была "мора" (бригада). Мора включала два связанных батальона ("лоха"). Вудхауз отмечает, что поскольку Фукидид упрямо предпочел использовать хорошо знакомый аттический термин "лох", говоря об этом самом высоком кратном числе эномотий, то греческий ученый просто запутался в своей собственной терминологии и произвольно опустил один ранг в лакедемонской военной иерархии: эномотии (взвода); пентекостис (роты), лоха (батальона), моры (бригады), - с тем результатом, что оценка, к которой его слова привели его

интерпретаторов, является как раз половиной истинной цифры для бригады, как полностью укомплектованной личным составом при *πανδημεί* мобилизации. Фукидид полностью забыл, если он в самом деле когда-либо знал, что один полный лох в каждой море обеспечивался перизками. "Хотя данное заключение, суммарно здесь сформулированное, - пишет Вудхауз, - было достигнуто мною многими годами ранее посредством анализа совершенно отличающегося от анализа м-ра Тойнби, оно является сходным, как я нахожу, с заключением этого последнего"⁶⁰⁷.

Что касается отчета Ксенофонта в его "Лакедемонской политике" об организации лакедемонской армии, то он также изоопирует, с точки зрения А. Тойнби, трудностями, как и аналогичный отчет Фукидида; причем главное затруднение заключается в структуре, которая здесь приписана море⁶⁰⁸. В своей "Лакедемонской политике" Ксенофонт, как известно, утверждал, что каждая гоплитская мора имеет одного полемарха, четырех лохагов, восьмерых пентеконтеров, шестнадцать эномотархов⁶⁰⁹. Таким образом, данный текст подразумевает, что имелось четыре лоха в каждой море, или двадцать четыре лоха в шестиморовой армии. С точки зрения Тойнби, это противоречит собственному свидетельству Ксенофонта, что количество лохов в шестиморовой армии было двенадцать⁶¹⁰. Что касается третьей цифры Ксенофонта, то шестнадцать эномотий в море есть, по утверждению английского историка, "лишь половина того, что было в действительности"⁶¹¹. Между тем, Тойнби думает, что едва ли вероятно, чтобы неправильные цифры были написаны в оригинальном тексте самим Ксенофонтom. "Это... выглядит, как если бы неправильные цифры... в "Лакедемонской политике"

должны быть обусловлены последующим искажением или исправлением оригинального текста Ксенофонта⁶¹². Цифра Тойнби для количества лакедемонских гоплитов в армии из шести мор более, чем в два раза больше аналогичной цифры Фукидида и Ксенофонта. С точки зрения известного английского историка Джоунза, цифра Фукидида и Ксенофонта составляет лишь половину истинной цифры⁶¹³. Но даже эта истинная цифра, подмечает Тойнби, менее чем наполовину соответствует цифре 16 000 человек, которая указана для 479 г. до н.э. сведениями Геродота относительно численности лакедемонской армии в эпоху отражения персидской агрессии⁶¹⁴.

Что касается социальной конституции шестиморовой армии в интерпретации Арнольда Тойнби, то она, по его мнению, подобно предыдущей десятилоховой армии включала и спартиатов, и периеков⁶¹⁵. В самом деле, Ксенофонт сообщает, что четыре моря царя Клеомброта, наголову разбитые в 371 г. до н.э. при Левктрах филиванцами, включали лакедемонян, которые не были спартиатами; что армия царя Агесилая в 370 г. до н.э. включала неспартанских лакедемонян, которые, как точно зарегистрировано, были периеками⁶¹⁶. Причем, анализируя информацию Фукидида относительно захвата афинянами Сфактерии в 424 г. до н.э., Тойнби приходит к логическому выводу, что в эпоху Фукидида соотношение спартиатов к периекам было не 5:5 как в предыдущей десятилоховой организации, но 4:6⁶¹⁷.

Это означает, как считает британский античник, что периеки имели место в обоих из двух лохов, из которых каждая мора была составлена. "В каждой эномотии в "спартаитских" лохах, - развивает свою мысль буржуазный ученый, - теперь вероятно было лишь

Тридцать два спартиата, и полная численность эномотии в сорок человек, очевидно, компенсировалась дополнением восьми периеков⁶¹⁸. Что касается финансирования периекских членов "спартиатских" эномотий, то еще в своей статье "The Growth of Sparta" (1913) английский историк писал по данному поводу следующее: "Дополнительный рекрут... содержался..., по-видимому, за счет спартанского правительства"⁶¹⁹. Однако в монографии "Some Problems of Greek History" (1969) взгляды буржуазного ученого по этому вопросу претерпели эволюцию. Вот что он здесь пишет на этот счет: "...Спартанское правительство само не имело государственных фондов. Оно было неспособно финансировать даже своих собственных "равных" из государственных фондов... Обучение и последующее содержание периекских членов "спартиатских" эномотий в шестиморовой лакедемонской армии финансировалось по системе усыновлений меньшинством спартиатских "равных", в руках которых концентрировалась все большая и большая доля собственного национального богатства Спарты. Последние были единственными партиями (частными или общественными) в любой части владений Спарты, которые могли бы взять на себя это финансовое обязательство. Несомненно, не было никакого юридического принуждения по отношению к богатым "равным" в смысле взвалить это бремя на их плечи... Они, как вероятно полагали, действовали добровольно из чистого духа патриотизма. Санкцией, которая делала их "добровольную" деятельность фактически обязательной на практике, вероятно, было давление общественного мнения... Спартанская община, по-видимому, просто вынуждала чрезмерно богатое меньшинство своих членов отдавать обратно общине в целом часть богатства, которое это меньшинство сумело приобрести за счет

своих сограждан"⁶²⁰.

Пропорция "четыре спартиата к шести периэкам" в организации лакедемонской военной машины сохранялась, по мнению Тойнби, минимум до 394 г. до н.э. "В 394 г. до н.э., - пишет он, - Спарта все еще была в состоянии выставить четырех спартиатов в морах на каждые шесть периэков"⁶²¹. Однако, анализируя Ксенофонта, британский античник приходит к логическому заключению, что во время битвы при Левктрах в 371 г. до н.э. количество спартиатов, служащих в морах, составляло примерно 10% от общего числа лакедемонских гоплитов, или, другими словами, только один человек из каждых пяти был спартиатом в так называемом "спартиатском" лохе каждой моры⁶²². Между тем, едва ли вероятно, как считает английский историк, чтобы резервуар периэкских людских ресурсов мог бы растянуться, чтобы поставлять четыре пятых людей в каждый "спартиатский" лох, в то же самое время продолжая снабжать весь личный состав периэкских лохов. "Кажется более вероятным, - пишет Тойнби, - что, по крайней мере, два из трех дополнительных неспартиатов из каждых пяти человек в "спартиатском" лохе были подняты из среды неодамодов (эмансипированных илотов - Н.С.)"⁶²³. Причем Спарта, по мнению Арнольда Тойнби, могла позволить себе оплатить неодамодов в более значительных количествах теперь, когда она взимала ффорос со своих союзников, унаследовав империю от Афин⁶²⁴.

Однако само существование шестиморовой военной организации лакедемонян вплоть до битвы при Левктрах в 371 году включительно признается абсолютно всеми современными буржуазными спартиановедами, в том числе и Тойнби. Причем данная организация, с

его точки зрения, заменила предыдущую десятилоховую военную машину после землетрясения в Спарте 466 или 464 г. до н.э. Цель перехода от десятилоховой организации к шестиморовой организации была двойной. Один мотив, вероятно, заключался в том, чтобы увеличить суммарную численность лакедемонской гоплитской фаланги; второй мотив состоял в том, чтобы сделать равновесие, в смысле бремени военной службы, менее неблагоприятным по отношению к малочисленным спартиатским "равным" (степень обычной мобилизации которых в эпоху после землетрясения была поднята до пятидесяти пяти лет включительно), черпая более свободно резервуар перизекских военных людских ресурсов. Причем в результате реформы, как считает Арнольд Тойнби, Спарта увеличила боевые подразделения в эпоху после землетрясения на 20%⁶²⁵.

В социальном плане введение шестиморовой системы, по мнению Тойнби, отделило военную организацию спартанского государства от пяти об, отбросив ее первоначальный топографический базис, когда каждый из предыдущих пяти спартиатских лохов формировался от определенной обы. Любой кандидат мог теперь быть кооптирован в любую сисситию, которой доводилось иметь вакансию в данный момент. Это изменение завершило синойкизм Спарты, окончательно превратив ее в унитарное государство⁶²⁶.

Что касается дальнейшего уменьшения коэффициента относительно количества спартиатских "равных", служащих в морах, к общему количеству лакедемонских гоплитов, в результате чего из каждых пяти гоплитов в так называемом "спартиатском" лохе только один был спартиатом, то данное сокращение, уже имевшее место при Левктрах в 371 г. до н.э., было обусловлено, с точки

зрения английского античника, не демографическим фактором, но политическим. Политический спрос на "равных" в смысле службы в качестве гармостов превзошел к этому времени, как считает английский историк, спрос на "равных" для военной службы в рядах гоплитской фаланги, что было первоначальным смыслом их существования⁶²⁷.

В буржуазном спартановедении широко распространено мнение о том, что после утраты спартиатскими "равными" своих клеров в Мессении в 370 г. до н.э., в результате лакедемонского бедствия при Левктрах в 371 г. до н.э., лакедемонская армия была реорганизована, и количество лохов в ней было сокращено наполовину. Наиболее видным представителем данной точки зрения являлся известный немецкий античник Бузольт⁶²⁸. Однако, с точки зрения Тойнби, сокращение наполовину количества лакедемонских лохов в результате утраты Мессении было бы равносильно публичному признанию того, что эта утрата была свершившимся фактом; "и весьма непохоже, чтобы это признание было сделано даже без колебаний такими гордыми, упорными и консервативными людьми, каковыми были спартанцы"⁶²⁹. Данная гипотеза английского историка косвенно подтверждается сведениями, содержащимися у Ксенофонта. В самом деле, греческим историком зарегистрировано, что в 365г. до н.э. спартанцы сказали своим союзникам, что те свободны заключить мир, если желают, но, что сами они, будь что будет, собираются продолжать сражаться, что они унаследовали Мессению у своих предков и никогда не смирятся с тем, чтобы лишиться ее⁶³⁰. Вследствие той же самой причины, Спарта выделялась из общего мира, который был заключен после битвы при Мантинее в 362

году до н.э.⁶³¹ Несомненно, после утраты Спартой Мессении в 370 г. до н.э. имело бы место катастрофическое падение в количестве "равных", если бы власти продолжали настаивать на строгом соблюдении правила, что "равный", который прекращал платежи взносов в трапезу, должен полатиться своим местом и в трапезе, и в народном собрании, и в фаланге. Старое правило, с точки зрения Арнольда Тойнби, не было отменено, но игнорировалось. Причем при данных обстоятельствах, как считает буржуазный ученый, "богатые "равные", поместья которых лежали, главным образом, к востоку от Тайгета, едва ли могли бы отказаться обеспечивать из своей продукции вклады, причитающиеся в трапезу от их менее удачливых сотрапезников, которые, главным образом, или целиком, зависели от продукции клеров в Мессении"⁶³².

Следующую веку в эволюции лакедемонской военной организации, по мнению Тойнби, являла собой армия спартанского царя Клеомена III, относительно которой им, однако, дана очень краткая и явно недостаточная характеристика. Размер этой армии, как полагает историк, лимитировался, прежде всего, целью царя, которая, с его точки зрения, состояла не в том, чтобы обеспечивать доходом обычных гоплитов-любителей, которые должны были сами зарабатывать себе на жизнь; "она состояла в том, чтобы воссоздать войско повседневных профессиональных солдат по первоначально "ликурговой" модели"⁶³³, для содержания которых возделываемые илотами клеры были необходимым базисом. Вслед за Томасом Африкой Арнольд Тойнби утверждает, что Клеомен III видел дело реформы, главным образом, в качестве полезного орудия политики, т.е., что его цель была не гуманной, но военной⁶³⁴. В са-

мом деле, только после того, как он оказался в состоянии войны с Македонией, а также с Ахейской конфедерацией, и даже тогда только, после того, как Орхомен, Мантинея и Тегея пали, Клеомен III разрешил 6000 илотам выкупить свою свободу и завербовал 2000 из этих эмансипированных илотов в свою фалангу⁶³⁵. В 222 году до н.э. при Селассии Клеомен собрал 20 тыс. человек. Его армия, как считает Тойнби, была составлена из четырех категорий войск: спартиатов, периэков, наемников и союзников. Спартиатов, по его мнению, было 6 тыс. человек, включая 2 тыс. только что эмансипированных илотов, а также 4 тыс. держателей клеров, созданных Клеоменом в 227 г. до н.э. из оставшихся к тому времени 700 "равных", а также 3300 наделенных клерами и натурализованных "опустившихся" и лучших из среды периэков. Однако цифра 6 тыс. человек для численности соответствующего периэкского контингента в той битве кажется английскому античнику слишком низкой. Наемники и легковооруженные войска, с точки зрения английского историка, насчитывали вместе 5 тыс. человек; причем наемников было около 1 тыс. человек; 4 тыс. легковооруженных солдат были эмансипированными илотами, которые не были завербованы в фалангу⁶³⁶. Однако к этому времени дни спартанского полиса, как считает буржуазный ученый, были сочтены. Противник Клеомена III Антигон Македонский имел в своих руках ресурсы политической системы, построенной на несравненно более широком фундаменте и допускающей соответственно безграничную степень развития, т.е. ресурсы национального государства. "Национальным государством" Тойнби в модернизаторском духе именуется Македония.

Исследование военной организации Спарты у Тойнби представ-

ляется наиболее ценным аспектом его исследований, но именно потому, что оно сопряжено с моментами более частными, более удаленными от ошибочных теоретических конструкций английского "историсофа". Тем не менее, анализ истории военной организации спартанцев у Тойнби не свободен от противоречий, как это уже отмечено выше, в связи с вопросами об эпохах развития данной организации, о численности войск и т.д.

Действительность была, безусловно, намного сложнее и противоречивее, нежели ее изображает буржуазный ученый. Для наиболее полного отражения этой спартанской действительности необходимо всестороннее, специальное марксистское исследование по истории Спарты, которое в советской историографии пока отсутствует. Надеждой на появление такого исследования мы и завершаем вторую главу диссертации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Арнольд Дж. Тойнби занимает в современном английском антиковедении особое место. Изучая античную древность, он был ведущим буржуазным теоретиком и одновременно маститым исследователем конкретных проблем истории древнего мира. Как теоретик, Тойнби дал универсально-историческое толкование греко-римской цивилизации. Опыт Тойнби по созданию универсально-исторической схемы эллинской истории, воздвигнутой на гигантском эмпирическом материале, является уникальным в английской буржуазной историографии на этапе ее кризиса.

Возвысившись над ограниченностью интересов, обычной среди классицистов, Тойнби вводит греческую и римскую историю в связь со всем миром цивилизации. Английский историк мыслит эллинскую культуру как центральную "монаду" исторического процесса; причем вся история прошлого подчинена у него греко-римскому образцу. Как историка-универсала, имя Арнольда Тойнби можно поставить в один ряд с именами Освальда Шпенглера, Альфреда Вебера, Карла Ясперса; тем не менее, в интерпретации античности английский историк нашел свой собственный путь. Понимание античности у Тойнби, как законченной исторической величины, вполне законно. Характеризуя античную цивилизацию подобным образом, буржуазный ученый выделяет прежде всего три основных ее признака, или три основных ее института, которые тесно связаны между собой и вытекают из социальной и культурной природы античного феномена. Это прежде всего господствующий при эллинском образе жизни институт городов-государств, далее институт войны и культ

человека. Все три института сами по себе не были характерны исключительно эллинскому образу жизни. Отличительным, по мнению Тойнби, было их употребление, которое превратило данные институты как средство передачи практического выражения в нечто особое во всем мире.

Эллинская цивилизация просуществовала примерно 18 веков с конца второго тысячелетия до н.э. вплоть до III века н.э. и прошла пять стадий в истории своей жизни: рождение, рост, брейкдаун, дезинтеграцию и гибель; критерием этой периодизации является у Тойнби не социально-экономическое развитие, а война. Так, эллинская цивилизация родилась из войны, которая велась в эгейском бассейне в XI—VIII веках до н.э. между жителями долин и пастухами гор; война, в частности Пелопоннесская, знаменовала ее брейкдаун. Погибла эллинская цивилизация также в ходе войны, имевшей место во второй половине III века н.э.

Пять стадий жизни эллинской цивилизации Тойнби подразделяет на ряд более мелких этапов. В частности, рост эллинской цивилизации, во время которого шло ее развитие по восходящей, он делит на три этапа, причем каждый последующий является как бы ответом на вызов предыдущего или же на вызов со стороны. Так, стадия морской колонизации явилась ответом на вызов становления эллинских полисов, в результате которого жизнь эгейских обитателей значительно улучшилась, следствием чего явилось их количественное увеличение. Когда же экспансия эллинов за море была приостановлена сопротивлением их жертв и конкурентов, то ответом на этот вызов явилась эпоха "экономической революции". Далее расцвет эллинской цивилизации Тойнби рисует как ответ на

вызов персидской агрессии с востока. Однако, в противоречии с самим собой, движущую силу роста цивилизации буржуазный ученый видит не только в этой надуманной схеме "вызова - ответа", но и в росте населения. Именно рост населения привел в конце концов, с точки зрения Тойнби, к экспансии эллинов за море, а затем к экономической революции, цель которой состояла в том, чтобы прокормить как можно больше эллинских ртов.

Что касается дезинтеграции эллинской цивилизации, то она подразделяется буржуазным ученым на две стадии: стадию "смутного времени", характеризующуюся постоянными войнами народов данной цивилизации между собой, их войнами с другими обществами, революциями и гражданскими войнами, а также эпоху "универсального государства", во время которой происходила растрата жизненных сил эллинизма, в том смысле, в каком его понимает Тойнби.

Несмотря на все усилия Тойнби доказать существование единства эллинской культуры, это единство у Тойнби остается чисто внешним. Особое развитие Спарты, которое, с точки зрения Тойнби, начинается с VI века до н.э., ученый абсолютизировал, хотя и пытался рассматривать Спарту как вариант эллинской цивилизации, как специфическую историческую величину. Образование римской державы объясняется, в свою очередь, только на базе греческой истории; последняя образует ключ к истории Рима. Самую римскую державу Тойнби поверхностно представляет лишь как продолжение эллинизма, без серьезных качественных перемен.

К чести Тойнби, в отличие от многих других буржуазных ученых, он стремится толковать эллинскую цивилизацию не только как категорию культуры, но и как категорию социальную. Он видит ан-

тичную цивилизацию через призму эллинского общества. Система греческих городов-государств является для него главной основой этой цивилизации. Однако эллинские города-государства англий- ский ученый изображает как союз сердец, считая, в духе буржуаз- ной социологии, психологическое объединение решающим фактором общественного бытия. Таким образом, в социальном у него на первый план выступает духовное.

Важнейшее место в штудиях Арнольда Тойнби по античности занимает его изучение древнеспартанской истории; причем, в отли- чие от своих буржуазных коллег, он акцентирует внимание на со- циальном аспекте данного вопроса. Постановка социальных проблем истории древнего мира до известной степени сближает Арнольда Тойнби с эпигонами известной английской школы "**Social History**". Тойнби исследует, прежде всего, генезис спартанского полиса, а также его конституцию, социальную систему и военную организа- цию, которые, с его точки зрения, были тремя важнейшими элемен- тами в структуре "ликургова" режима, причем данные элементы тесно связаны между собой. Английский ученый приближается к ис- тине, утверждая, что само "ликургово" урегулирование достигло своей цели - создать внутреннюю гармонию в рамках спартанской гражданской массы за счет илотов. Однако не столько господство спартиатов над илотами "перевело" спартанскую эволюцию на тупи- ковый путь, сколько различные внешние, в конечном счете случай- ные факторы - изменение международной среды, сокращение населе- ния вследствие землетрясения и т.д. Это, разумеется, ошибочная, традиционно-идеалистическая точка зрения, которая существенно снижает ценность анализа у Тойнби спартанского социального строя.

Наиболее интересным моментом этого анализа является исследование у Тойнби спартанской военной организации, а также "ликурговой конституции".

При всем интересе к социальной истории древней Спарты Тойнби остался чужд пониманию сущности экономических процессов ее развития, поскольку принципиально отвергал категорию общественно-экономической формации. На примере Тойнби отчетливо прослеживается противоречие между стремлением к теоретическому подходу в исторической науке и практикой исследовательской работы по конкретным проблемам истории.

В.И. Ленин связывал основной порок буржуазной социологии с господством в ней субъективного метода и эклектики. "Материализм, - писал В.И. Ленин, - дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения, как структуру общества, и возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты"⁶³⁸.

На фоне теоретико-методологических неудач тойнбианства с особой силой проявляются возможности марксистского метода изучения истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с.146.
2. Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада. - В кн.: Конрад Н.И. Избранные труды. М., 1974, с.270-272.
- 3a Vogt J. Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre - Saeculum, II, N 4, 1951, S.558.
4. См. Штаерман Е.М. Античность в современных западных историко-философских теориях. - ВДИ, 1967, №3, с.8-9.
5. Boer W. Den Toynbee and Classical History. Historiography and Myth-Toynbee and History под ред. Ashley-Montagu M.F., Boston, 1956, p.225.
6. Vogt J. Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre, S.559.
7. Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада, с.272.
8. Vogt J. Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre, S.556-558.
9. Ibidem, S.574.
10. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History. London, 1969, p.39, 40, 41.
11. Boer W. Den Toynbee and Classical History, p.223.
12. См. Forrest W.G. A History of Sparta. London, 1968.
13. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.414.
14. Toynbee A.J. Hellenism. The History of a Civilization. London, 1959, p.VII.
15. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.V.
16. Ibidem, p.IV.

II

17. Toynbee A.J. Acquaintances. London, etc., 1967, p.V.
18. Toynbee A.J. Experiences. London, etc., 1969, p.V.
19. Vogt J. Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre, S.560-561.
20. Ibidem, S.566.
21. Boer W. Den. Toynbee and Classical History, p.226.
22. Ibidem, p.222.
23. Ibidem, p.223.
24. Ibidem, p.225.
25. Ibidem, p.223.
26. Араб-Оглы Э.А. Философия истории Арнольда Тойнби. - Вопросы философии, 1955, №6; он же. К критике культурно-исторической концепции А.Тойнби. - Вестник истории мировой культуры, 1957, №4; Косминский Е.А. Историсофия Арнольда Тойнби. - Вопросы истории, 1957, №1; он же. Реакционная историсофия Арнольда Тойнби. - В кн.: Против фальсификации истории. М., 1959.
27. Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. - М., 1959; Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Изд-во ЛГУ, 1959.
28. Араб-Оглы Э.А. Концепция исторического круговорота.- В кн.: Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960.
29. Маркарян Э.С. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962.
30. Косминский Е.А. Реакционная историсофия Арнольда Тойнби. - В кн.: Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., Изд-во АН СССР, 1963.

III

31. Семенов Ю.Н. Вынужденные признания и тщетные надежды. - Вопросы философии, 1963, №10; Трухановский В. Тойнби обучает американцев стратегии и тактике холодной войны. - Мировая экономика и международные отношения, 1963, №4.
32. Вопросы философии, 1963, №5.
33. Кон И.С. А.Дж.Тойнби. Исследование истории, т.ХП. - Вопросы истории, 1965, №1.
34. Рашковский Е.Б. Мемуаристика А.Дж.Тойнби. - Вопросы философии, 1971, №1; он же. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж.Тойнби. М., 1976; Арнольд Джозеф Тойнби: История и культура в экологической перспективе. - Народы Азии и Африки, 1979, №2.
35. Златкин И.Я. А.Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов. - Вопросы истории, 1971, №2.
36. Чесноков Г.Д. Современная буржуазная философия истории. Горький, 1972.
37. Кирхоглани С.В. Вопросы религии в философии истории Арнольда Тойнби. Критический анализ. Автореф.дис. на соискание ученой степени канд.филос.наук. Л., 1977.
38. Семенов Ю.Н. Социальная философия А.Тойнби. Критический очерк. М., 1980.
39. Мучник В.М. Формирование и эволюция идейно-теоретических воззрений А.Дж.Тойнби. Автореф.дис. на соискание ученой степени канд.ист.наук. Томск, 1983.
40. Там же, с.7.
41. См. Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж.Тойнби. М., 1976, с.66-67.

IV

42. Toynbee A.J. *Experienses*, p.91.
43. Toynbee A.J. *Ianus at Seventy Five*, Oxford, 1964, p.3.
44. *Ibidem*, p.4-5.
45. См. Boer W. *Den. Toynbee and Classical History*, p.222-223.
46. Toynbee A.J. *Ianus at Seventy Five*, p.5.
47. *Ibidem*, p.5-7.
48. Vogt J. *Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre*, S.557.
49. Цит. по кн.: Рашковский Е.Б. *Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж.Тойнби*, с.69.
50. См. Boer W. *Den. Toynbee and Classical History*, p.224.
51. Toynbee A.J. *Hellinism. The History of a Civilization*, p.VII-IX.
52. Toynbee A.J. *Ianus at Seventy Five*, p.2.
53. Цит. по кн.: Рашковский Е.Б. *Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж.Тойнби*, с.70.
54. Там же, с.71.
55. См. Там же.
56. *Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада*, с.271-272.
57. Vogt J. *Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre*, S.557.
58. *Ibidem*, S.557-558.
59. Toynbee A.J. *Ianus at Seventy Five*, p.8.

60. Ibidem, p.9.

61. Цит. по кн.: Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж.Тойнби, с.77.

62. См. Мюнхенское предательство. Обращение историков СССР и ГДР к историкам всех стран. - В кн.: Марксизм-ленинизм - единое интернациональное учение. Вып.4. М., 1958, с.283.

63. Toynbee A.J. Acquaintances, p.265-279.

64. Ibidem, p.276.

65. Ibidem, p.281-282.

66. Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада, с.272-273.

67. См. Мучник В.М. Последние работы А.Дж.Тойнби: Эрозия либерально-гуманистического мировоззрения. - В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982, вып.15, с.51.

68. Цит. по ст.: Мучник В.М. Последние работы А.Дж.Тойнби: Эрозия либерально-гуманистического мировоззрения, с.50.

69. Boer W. Den. Toynbee and Classical History, p.224.

70. Toynbee A.J. Hellenism. The History of a Civilization, p.VII.

71. См. Ibidem, p.16-18.

72. Toynbee A.J. A Study of History, vol.XII, London, 1961, p.261.

73. Toynbee A.J. Hellenism, p.61.

74. Ibidem, p.109.

75. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.421.

76. Ibidem, p.441.

VI

77. Ibidem, p.VI.
78. Toynbee A.J. Hellenism, p.120.
79. Ibidem, p.143.
80. Boer W. Den. Toynbee and Classical History, p.226.
81. См. Toynbee A.J. Hellenism, p.50, 51.
82. Ibidem, p.99, 93-95.
83. Ibidem, p.56-57.
84. Ibidem, p.54.
85. Ibidem, p.50.
86. Ibidem, p.136.
87. См. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Маркс К., Энгельс Ф. - соч., 2-е изд., т.20, с.185-187.
88. См. Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада, с.272.
89. Boer W. Den. Toynbee and Classical History, p.225.
90. Toynbee A.J. Hellenism, p.187.
91. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes, Bd.I München, 1923, S.131.
92. Boer W. Den. Toynbee and Classical History, p.225.
93. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.418-496.
94. См. Ibidem, p.236-237.
95. Ibidem, p.156.
96. Ibidem
97. Ibidem.
98. Ibidem, p.272.
99. См. Ibidem, p.228.

VII

- I00. Ibidem, p.272.
- I01. Toynbee A.J. Hellenism, p.34.
- I02. Ibidem, p.35.
- I03. Ibidem.
- I04. Ibidem, p.3.
- I05. См.Ibidem, p.4-5.
- I06. Ibidem, p.8.
- I07. См.Ibidem, p.7-8.
- I08. См. Энгельс Ф. Анти-Дюринг, с.185-186.
- I09. Toynbee A.J. Hellenism, p.8.
- I10. Ibidem, p.9.
- I11. См. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, 1940, с.13,15.
- I12. Toynbee A.J. Hellenism, p.58.
- I13. Ibidem, p.38.
- I14. Ibidem, p.40.
- I15. Энгельс Ф. Из подготовительных работ к "Анти-Дюрингу" - Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.20, с.647.
- I16. Toynbee A.J. Hellenism, p.38.
- I17. Ibidem.
- I18. Ibidem.
- I19. См.Ibidem, p.41-42.
- I20. Ibidem, p.51.
- I21. Ibidem, p.56.
- I22. См. Ibidem, p.53-55.
- I23. Ibidem, p.56.
- I24. Ibidem, p.49.

VIII

- I25. См. Ibidem, p.58.
- I26. Ibidem, p.57.
- I27. Ibidem.
- I28. Ibidem.
- I29. См. Ibidem, p.56, 57.
- I30. Ibidem, p.43, 57.
- I31. Ibidem, p.44.
- I32. См. Ibidem, p.45, 46, 66.
- I33. Ibidem, p.58.
- I34. Ibidem, p.10.
- I35. Ibidem.
- I36. Ibidem.
- I37. Ibidem, p.11.
- I38. См. Ibidem.
- I39. См. Ibidem, p.11, 87.
- I40. Ibidem, p.13.
- I41. Ibidem, p.14.
- I42. Ibidem.
- I43. Ibidem.
- I44. Ibidem.
- I45. См. Маркс К. Передовица в №179 "Kölnische Zeitung".
- Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.1, с.99.
- I46. Тоунбее А.Д. Hellenism, p.55.
- I47. Ibidem, p.14.
- I48. Ibidem, p.15.
- I49. См. Ibidem, p.14, 15.
- I50. Маркс К. Передовица в №179 "Kölnische Zeitung", с.99.

IX

- I51. Там же.
- I52. См. Toynbee A.J. Hellenism, p.59.
- I53. Ibidem,
- I54. Ibidem, p.60.
- I55. Ibidem, p.62.
- I56. Ibidem, p.63.
- I57. См.Ibidem, p.I3, 63.
- I58. Ibidem, p.63.
- I59. См.Ibidem, p.64, 65.
- I60. Ibidem, p.60.
- I61. Ibidem, p.61.
- I62. Ibidem.
- I63. Ibidem.
- I64. Ibidem, p.62.
- I65. См.Boer W. Den. Toynbee and Classical History,
p.222.
- I66. См. Toynbee A.J. Hellenism, p.30, 33.
- I67. Ibidem, p.40.
- I68. Ibidem, p.41.
- I69. См.Ibidem, p.I3, 19.
- I70. Ibidem, p.I3.
- I71. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.21, с.33.
- I72. Toynbee A.J. Hellenism, p.22.
- I73. Ibidem, p.24.
- I74. Ibidem, p.22.

- I75. Ibidem.
- I76. См. Ibidem, p.24.
- I77. Ibidem, p.30.
- I78. См. Ibidem, p.32, 36.
- I79. Ibidem, p.36.
- I80. Ibidem, p.42.
- I81. Ibidem.
- I82. Ibidem.
- I83. См. Ibidem, p.44.
- I84. Ibidem, p.45.
- I85. Ibidem, p.41.
- I86. Ibidem, p.44.
- I87. Ibidem, p.80.
- I88. Маркс К. Вынужденная эмиграция. - Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.8, с.567-568.
- I89. Тоунбее А.Д. Hellenism, p.24-25.
- I90. Ibidem, p.45-46.
- I91. Ibidem, p.47.
- I92. См. Ibidem, p.49.
- I93. Ibidem, p.76.
- I94. См. Ibidem, p.77.
- I95. Ibidem, p.78.
- I96. Ibidem.
- I97. См. Ibidem, p.79.
- I98. Ibidem, p.70.
- I99. Ibidem, p.69.
200. Ibidem.

201. Ibidem.
202. См. Ibidem, p.70.
203. Ibidem, p.81.
204. Ibidem.
205. Ibidem, p.74.
206. Ibidem.
207. Ibidem, p.76.
208. См. Ibidem, p.78.
209. Ibidem, p.79.
210. См. Ibidem, p.75.
211. Ibidem.
212. Ibidem, p.78.
213. Ibidem, p.91.
214. Ibidem, p.91, 92.
215. См. Энгельс Ф. Анти-Дюринг, с.185-186.
216. Toynbee A.J. Hellenism, p.92.
217. Ibidem:
218. Ibidem, p.95.
219. Ibidem, p.94.
220. Ibidem, p.94-95.
221. См. Ibidem.
222. Ibidem.
223. См. Ibidem, p.243.
224. Ibidem, p.98.
225. См. Ibidem, p.243.
226. Ibidem, p.133.
227. Ibidem, p.98.

228. Ibidem, p.II0.
229. CM. Ibidem, p.II4.
230. Ibidem.
- 23I. Ibidem, p.I29.
232. Ibidem, p.I30.
233. Ibidem.
234. CM.Ibidem, p.I20-I2I.
235. Ibidem, p.I44.
236. Ibidem, p.I27.
237. Ibidem, p.I45.
238. Ibidem, p.I44.
239. CM.Ibidem, p.I46.
240. Ibidem.
- 24I. Ibidem.
242. Ibidem.
243. Ibidem, p.I48.
244. CM. Ibidem, p.I55.
245. Ibidem, p.I76.
246. Ibidem, p.I62.
247. Ibidem, p.I53.
248. CM. Ibidem, p.I72.
249. Ibidem, p.I66.
250. Ibidem, p.I67.
- 25I. Ibidem, p.I68.
252. CM. Ibidem.
253. CM. Ibidem, p.I77, I78.
254. Ibidem, p.I79.

255. Ibidem, p.181.
256. Ibidem, p.180.
257. Ibidem.
258. Маркс К. Капитал, т.3. - Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.25, ч.1, с.364.
259. Toynbee A.J. Hellenism, p.185.
260. Ibidem, p.186.
261. Ibidem, p.187.
262. Ленин В.И. О государстве. - Пол.собр.соч., т.39, с.76-77.
263. Toynbee A.J. Hellenism, p.197.
264. См. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с.129.
265. Toynbee A.J. Hellenism, p.197.
266. Ibidem, p.218.
267. Ibidem, p.201.
268. Ibidem, p.211.
269. Ibidem, p.220.
270. Ibidem.
271. См. Ibidem, p.211.
272. Ibidem, p.223.
273. Ibidem.
274. Ibidem, p.212.
275. См. Ibidem, p.220.
276. Ibidem, p.197.
277. Ibidem.
278. См. Ibidem, p.218.

279. Ibidem, p.244.
280. Ibidem.
281. Ibidem, p.243.
282. Ibidem, p.244.
283. См. Ibidem, p.225.
284. Ibidem.
285. См. Ibidem, p.227.
286. Ibidem, p.226.
287. Ibidem, p.227.
288. Ibidem.
289. Ibidem, p.228.
290. Ibidem.
291. См. Ibidem, p.229.
292. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.-
Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.22, с.483.
293. См. Там же, с.475-476,
294. Тоунбее А.Д. Hellenism, p.243.
295. Ibidem, p.244.
296. Энгельс Ф. Из подготовительных работ к "Анти-Дюрин-
гу", с.643.
297. См. Тоунбее А.Д. The Growth of Sparta - The Journal
of Hellenic Studies, v.XXXIII (1913), p.254.
298. См. Тоунбее А.Д. Some Problems of Greek History,
p.171.
299. Ibidem.
300. Ibidem.
301. Paus, III, 14, 2.

302. Ibidem, III, 12, 8.
303. CM. Forrest W.G. A History of Sparta, p.28.
304. Herod, VI, 51.
305. CM. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.250-251.
306. CM. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.172-173.
307. Ibidem, p.172.
308. Ibidem.
309. Ibidem.
310. Ibidem.
311. Ibidem, p.173.
312. CM. Ibidem, p.174.
313. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.250.
314. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.164.
315. CM. Ibidem, p.163.
316. CM. Neumann K.J. Die Entstehung des spartanischen
Staates in der lykurgischen Verfassung - Die Historische Zeit-
schrift, 96. Band, 1906, S.8.
317. CM. Cavaignac E. Sparte, Paris, 1948, p.10.
318. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.165.
319. Ibidem, p.164.
320. Ibidem, p.174.
321. CM. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.251.
322. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.174.
323. Ibidem, p.176.
324. Paus., III, 2, 6.

XVI

325. **CM.** Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.174; idem. The Growth of Sparta, p.251.
326. Herod., IV, 145.
327. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.176.
328. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.252.
329. Arist., Frg. 532.
330. Paus., III, 2, 6.
331. Strabo, Geographica, VIII, 5; 4, 5.
332. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.256.
333. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.177.
334. **CM.** Ibidem, p.177-178.
335. Ibidem, p.178.
336. Ibidem, p.179.
337. Ibidem, p.180.
338. Ibidem.
339. **CM.** Ibidem, p.179.
340. **CM.** Ibidem, p.181.
341. Ibidem, p.182.
342. Herod., I, 66.
343. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.183-184.
344. Ibidem, p.184.
345. **CM.** Ibidem, p.182.
346. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.254.
347. **CM.** Ibidem, p.256.
348. Thuc., I, 18, 1.
349. Herod., I, 65, 66.

350. Cm. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.214.
351. Cm. Hammond N.G.L. The Lycurgan Reform at Sparta : - The Journal of Hellenic Studies, vol.Ixx, 1950, p.43, n.6, p.50.
352. Forrest W.G. The Dating of the Lycurgan Reforms, - The Phoenix, vol.XVIII, 1963, p.172.
353. Cm. Jones A.H.M. The Lycurgan Rhetra, : - Ancient Society and Institution: Studies Presented to Victor Ehrenberg, Oxford, 1966, p.172.
354. Andrewes A. Eunomia, : - The Classical Quarterly, vol.XXXI, 1937, p.101.
355. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.258.
356. Cm. Ibidem, p.222.
357. Ibidem.
358. Cm. Ibidem, p.250-260.
359. Lorimer H.L. The Hoplite Phalanx. - The Annual of the British School at Athens, vol.X II, 1947, p.127.
360. Ibidem, p.107-108.
361. Snodgrass A.M. Early Greek Armour and Weapons. Edinburgh, 1964, p.90.
362. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.222.
363. Ibidem, p.260.
364. Ibidem, p.213.
365. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.259.
366. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.222.
367. Ibidem, p.280.

368. Ibidem, p.281.
369. Ibidem.
370. Ibidem, p.283.
371. См. Herod., I, 66.
372. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.283.
373. Ibidem, p.233.
374. Herod., I, 65.
375. См. Thuc., I, 18, 1.
376. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.214.
377. См. Ibidem, p.214-215.
378. Ibidem, p.215.
379. См. Ibidem, p.220-221.
380. Ibidem, p.233.
381. Herod., IV, 146.
382. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.233.
383. Ibidem, p.223.
384. Ibidem, p.233.
385. См. Ibidem, p.231.
386. Ibidem.
387. Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса. - Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, №8. Серия: история, язык, литература. Вып.2, с.54.
388. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.231-232.
389. Ibidem, p.232.
390. Ibidem, p.234.
391. Ibidem.
392. Ibidem, p.227.

XIX

393. См. Ibidem, p.228.
394. Ibidem, p.228-229.
395. См. Arist., Pol., II, 6(9), 2I; 7(10), 4.
396. См. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.229.
397. Toynbee A.J. Hellenism, p.47.
398. Исocr., Panathen., 178.
399. Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса, с.54.
400. См. Arist., Pol., IV, 10(12), 10.
401. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.229.
402. Ibidem.
403. Ibidem, p.230.
404. Plut., Lyc., 24.
405. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.230.
406. Ibidem, p.229.
407. Ibidem, p.235.
408. Ibidem, p.228.
409. См. Plut., Lyc., 6.
410. См. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.272.
411. Plut., Lyc., 6.
412. См. Arist., Pol., II, 8(11), 3.
413. Ibidem.
414. См. Jones A.H.M. The Lycurgan Rhetra, p.166-167.
415. Jones A.H.M. Sparta, Oxford, 1967, p.6, 22.
416. Andrewes A. The Government of Classical Sparta, -
Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor

Ehrenberg, Oxford, 1966, p.6.

417. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.237.

418. Thuc., I, 67-68.

419. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.235.

420. Ibidem, p.235.

421. См. Ibidem, p.236.

422. См. Plut., Agis., II.

423. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.267.

424. Ibidem, p.232.

425. Ibidem, p.237.

426. См. Ibidem, p.268.

427. См. Forrest W.G. A History of Sparta, p.63.

428. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.237.

429. Ibidem.

430. Ibidem, p.268.

431. Ibidem, p.267.

432. См. Arist., Pol., IV, 7, 5; V, 5, 8.

433. См. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.237-238.

434. Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса..., с.54.

435. Plut., Lyc., 29.

436. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.238.

437. См. Arist., Pol., II, 6(9), I5.

438. См. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.153, 218.

439. См. Plato, Lex, III, 692 A.

440. См. Arist., Pol., V, 9(II).

441. **Cm.** Plut., Lyc., 7.
442. **Cm.** Herod., I, 65.
443. **Cm.** Xen., Lak. Pol., 8, 3.
444. **Cm.** Isoor., Panathen., I52.
445. **Cm.** Diog. Laert., I, 68.
446. **Cm.** Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.219.
447. Ibidem.
448. Ibidem, p.220, n.2.
449. Ibidem, p.241.
450. Ibidem.
451. Ibidem, p.238.
452. Ibidem, p.239.
453. **Cm.** Jones A.H.M. The Lycurgan Rhetra, p.169.
454. **Cm.** Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,p.239.
455. Ibidem.
456. **Cm.** Ibidem, p.240.
457. **Cm.** Herod., VI, 82.
458. Ibidem, VI, 72.
459. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.246.
460. Ibidem, p.247.
461. Ibidem, p.241.
462. Ibidem, p.248.
463. **Cm.** Xen., Lak. Pol., I3, 5.
464. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History,
p.248.
465. Ibidem.

466. Ibidem.
467. CM. Ibidem, p.242.
468. Ibidem.
469. CM. Ibidem, p.243.
470. Ibidem, p.240.
471. CM. Ibidem, p.213.
472. Ibidem, p.246.
473. Ibidem, p.233.
474. CM. Ibidem, p.240.
475. Ibidem, p.243.
476. Ibidem.
477. CM. Plut., Agis, 12.
478. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.244.
479. Ibidem.
480. Ibidem, p.245.
481. Ibidem, p.240.
482. Ibidem, p.235.
483. Ibidem.
484. CM. Ibidem, p.228.
485. Ibidem, p.227.
486. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.261.
487. CM. Ibidem, p.261, n.59.
488. Ibidem, p.261.
489. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.318.
490. Ibidem.
491. Ibidem, p.319.
492. CM. Xen., Lak. Pol., 5, 5.

493. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.320.

494. Ibidem, p.319.

495. Ibidem, p.320.

496. Ibidem.

497. Ibidem, p.321.

498. Ibidem.

499. В своей статье "The Growth of Sparta" Тойнби использует термин "эфебы" для обозначения мужчин от двадцати до тридцати лет. См. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.261.

Позднее он меняет свою точку зрения. Вот что он пишет на этот счет в монографии "Some Problems of Greek History": "Если бы эфебы были не подростками, но взрослыми, достигшими двадцати лет, то они не находились бы в распоряжении *παιδονόμος* для поручения им заботы об агелах мальчиков. Эта задача требовала постоянного и неослабного внимания и, следовательно, она могла бы быть поручена только тому, кто непременно мог постоянно пребывать в Спарте. Это должен был быть либо юноша около двадцати лет, либо же старик старше шестидесяти лет. Мужчины в промежуточных сорока годовых классах могли бы быть приведены в состояние готовности в любой момент для ведения кампании по ту сторону границы". См. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.318, n.4.

500. См. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.321.

501. Ibidem, p.322.

502. См. Plut., Lyc., p.322.

503. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.322.

504. Ibidem, p.323.
505. Ibidem.
506. Toynbee A.J. A Study of History, vol III, London, 1934, p.56.
507. CM. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.327.
508. Toynbee A.J. A Study of History, vol. III, p.56.
509. Herod., VII, 104.
510. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.325.
511. Paus., III, 14; 6-10; 20, 2.
512. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.326.
513. Ibidem, p.328.
514. Herod., VII, 231.
515. Herod., VII, 232.
516. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History; p.329.
517. Ibidem, p.286.
518. CM. Ibidem, p.285-286.
519. Ibidem, p.287.
520. Ibidem, p.295.
521. Ibidem, p.293.
522. CM. Ibidem, p.296-297.
523. Ibidem, p.288.
524. Ibidem, p.289.
525. Ibidem.
526. CM. Tarn W. Antigonus Gonatus, Oxf., 1913.
527. CM. Holleaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques..., P., 1921.

528. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.292.
529. CM. Ibidem, p.293; 29I, n.5.
530. CM. Arist., Pol., IV, 7(9), 5.
- 53I. CM. Thuc., I, 6.
532. CM. Plut., Lyc., 27.
533. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.3I3.
534. CM. Ibidem, p.308-309.
535. CM. Arist., Pol., II, 6(9), I4, I8.
536. Arist., Pol., II, 6(9), 23.
537. Toynbee A.J. A Study of History, vol.III, p.53-54.
538. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.286.
539. Ibidem, p.294.
540. Ibidem, p.300.
- 54I. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.259.
542. Ibidem, p.259, n.5.
543. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.30I,n.2.
544. Ibidem, p.302.
545. CM. Ibidem, p.30I, 302.
546. Ibidem, p.302.
547. Ibidem, p.303.
548. Ibidem.
549. Ibidem, p.304.
550. Ibidem, p.305.
- 55I. Ibidem.
552. Ibidem.
553. Ibidem, p.307.
554. Ibidem, p.308.

555. Ibidem.
556. Ibidem, p.310.
557. CM. Arist., Pol., VI, 6(9), 10.
558. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.338.
559. CM. Plut., Agis, 5.
560. CM. Toynbee A.J. Some problems of Greek History,
p.341.
561. Ibidem, p.342.
562. Ibidem, p.285.
563. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.272, n.100.
564. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.343.
565. Ibidem, p.313.
566. Ibidem, p.343.
567. CM. Ibidem, p.314.
568. Ibidem, p.315.
569. CM. Ibidem, p.349-350.
570. CM. Plut., Kimon, 16.
571. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.374,
n.2.
572. Ibidem, p.315.
573. Ibidem, p.314.
574. Toynbee A.J. A Study of History, vol.III, p.70.
575. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.298-
299.
576. Ibidem, p.299.
577. Toynbee A.J. A Study of History, vol.III, p.72.
578. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.228.

579. Ibidem.
580. Ibidem, p.365.
581. Ibidem, p.366.
582. Ibidem.
583. Ibidem, p.367.
584. Ibidem, p.368.
585. Ibidem.
586. Ibidem, p.369.
587. Ibidem.
588. Cm. Ibidem, p.369, 370.
589. Ibidem, p.369.
590. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.262.
591. Ibidem, p.263.
592. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.371.
593. Ibidem, p.372.
594. Ibidem, p.391.
595. Ibidem.
596. Cm. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.262.
597. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.372.
598. Cm. Herod., IX, IO-II.
599. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.372.
600. Herod., VII, 234.
601. Cm. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.374-
377.
602. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.264.
603. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.374,
n.I.

604. Ibidem, p.378.
605. Ibidem, p.398-399.
606. Ibidem, p.397.
607. Woodhouse W.J. King Agis of Sparta and his Campaign in Arkadia in 418 b.c., Oxford, 1933, p.139, n.9.
608. CM. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.393.
609. CM. Xen., Lak. Pol., II, §4.
610. CM. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.378, 393, 394.
611. Ibidem, p.393.
612. Ibidem, p.394.
613. CM. Jones A.H.M. Sparta, Oxford, 1967, p.61, 62.
614. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.379.
615. Ibidem, p.381.
616. CM. Xen., Hell., VI, 4, 16; 5, 21.
617. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.328.
618. Ibidem, p.383.
619. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.268.
620. CM. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.384-385.
621. Ibidem, p.403.
622. Ibidem, p.402.
623. Ibidem, p.403.
624. Ibidem, p.404.
625. Ibidem, p.385.
626. Ibidem, p.381.

XXIX

627. См. Ibidem, p.402, 403.
628. См. Busolt G. Spartas Heer und Leuktra, Hermes, 40, 1905, S.426.
629. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.376.
630. См. Xen., Hell., VII, 4, 9.
631. См. Diod.,XV, 9.
632. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.376.
633. Ibidem, p.388, 389.
634. Ibidem, p.388.
635. См. Plut., Cleom., II, 23.
636. См. Toynbee A.J. Some Problems of Greek History, p.388-383.
637. Toynbee A.J. The Growth of Sparta, p.275.
638. Ленин В.И. Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? - Полн.собр.соч., т.I, с.137.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. Передовица в №179 " Kolnische Zeitung". -
 Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.1.
- Маркс К. Наемный труд и капитал. - Маркс К., Энгельс Ф.-
 Соч., 2-е изд., т.6. с.428-459.
- Маркс К. Вынужденная эмиграция. - Маркс К., Энгельс Ф. -
 Соч., 2-е изд., т.8. с.565-571.
- Маркс К. Капитал, т.3. - Маркс К., Энгельс Ф. - Соч.,
 2-е изд., т.25. ч.1, с.1-505; ч.2, с.1-458.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому произ-
 водству. Политиздат, 1940. - 52 с.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Маркс К., Энгельс Ф. - Соч.,
 2-е изд., т.20. с.1-338.
- Энгельс Ф. Из подготовительных работ к "Анти-Дюрингу". -
 Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.20. с.629-654.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и
 государства. - Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.21.
- Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. -
 Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т.22. с.465-492
- Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют про-
 тив социал-демократов? - Полн.собр.соч., т.1. с.125-346.
- Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и кри-
 тика его в книге г.Струве (отражение марксизма в буржуазной
 литературе). - Полн.собр.соч., т.1. с.347-534.
- Ленин В.И. Чего хотят и чего боятся наши либеральные бур-

жуа. – Полн.собр.соч., т.II. с.225–230.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. – Полн.собр. соч., т.IB. с.7–384

Ленин В.И. Государство и революция. – Полн.собр.соч., т.33. с.I–I20.

Ленин В.И. О государстве. – Полн.собр.соч., т.39.с.64–84.

х х х

Материалы XXVI съезда КПСС. – М., 1981. – 223 с.

Источники

Гомер. Илиада, перев. Н.И.Гнедича. – М.–Л., 1935. –694 с.

Гомер. Одиссея, перев. В.А.Жуковского. – М.–Л., 1935.–359с.

Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма, перев. с древнегреческ. В.Вересаева. – М., 1927.– 87 с.

Геродот. История в 9–и книгах, перев. с греч. Ф.Г.Мищенко, с его предисл. и указ., изд. 2–е, испр. и доп., т.I–II. – М., 1888.

Фукидид. История, перев. Ф.Мищенко, в переработке с примеч. и вступит.очерком С.Жебелева, т.I–II. – М., 1915.

Ксенофонт. Собр.соч., перев. Г.Я.Ягнинецкого, ч.I–5,1887.

Аристотель. Политика, перев. С.А.Жебелева, с приложением очерка "Греческая политическая литература и "Политика" Аристотеля. Спб., 1911. – 466 с.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах, перев. с греч. Ф.Г.Мищенко, т.I,II,III. – М., 1890–1899.

Павсаний. Описание Эллады, перев. С.П.Кондратьева, т.I–II. – М., 1938, 1940.

Страбон. География в семнадцати книгах, перев. с греч., с предисл. и указателем Ф.Г.Мищенко. - М., 1879.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания, перев. с греч. В.Алексеева, т. I-IX. - Спб., 1891-1892.

х х х

Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада. - В кн.: Н.И.Конрад. Избранные труды. - М., 1974. с.270-282.

Toynbee A.J. The Growth of Sparta. - Hellenic Studies, v.XXXIII, 1913. p.246-275.

Toynbee A.J. Study of History, London, vol.III, 1934.

Toynbee A.J. Hellenism. The History of a Civilization. New York and London, 1959. - 272 p.

Toynbee A.J. Ianus at Seventy Five, Oxford, 1964. - 9 p.

Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's Effects on Roman Life, vol.I-II, Oxford, 1965.

Toynbee A.J. Acquaintances. London, etc., 1967. - 312 p.

Toynbee A.J. Experiences. London, 1969. - 417 p.

Toynbee A.J. Some Problems of Greek History. London, 1969. - 493 p.

Литература

Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса. - Вестник Ленинградского университета, 1973, №8, серия: история, язык, литература, Вып.2. с.48-56.

Араб-Оглы Э.А. Философия истории Арнольда Джозефа Тойнби. - Вопросы философии, 1955, №4. с.113-121.

Араб Оглы Э.А. Критика культурно-исторической концепции Арнольда Тойнби. - Вестник истории мировой культуры, 1957, №4. с.5-16.

Араб-Оглы Э.А. Концепция исторического круговорота. - В кн.: Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. / Под ред. Ю.П.Францева. - М., 1960. с.169-176.

Борухович В.Г., Колотова М.Г. Панэллизм и буржуазная историография античности. - ВДИ, 1951, №1.

Бузескул В.П. Введение в историю Греции. - Пг., 1915.-592с.

Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX-XX вв. - Л., 1979.- 270 с.

Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. - 98 с.

Жуков Ю. Куда ведут Америку? - "Правда" от 31 января 1968.

Златкин И.Я. А.Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов. - Вопросы истории, 1971, №2.

Кирхоглани С.В. Вопросы религии в философии истории Арнольда Тойнби. Критический анализ. - Автореф.дис... канд.филос.наук. Л., 1977.

Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли.-М., 1959. - 403 с.

Кон И.С. А.Дж.Тойнби. Исследование истории т.ХП. - Вопросы истории, 1965, №1. с.180-184.

Косминский Е.А. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. - В кн.: Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. - М., изд. АН СССР, 1963. с.285-356.

Леонтьев Б. Чудесные превращения Арнольда Тойнби. - Литературная газета от 28 февраля 1968.

Маркарян Э.С. О концепции локальных цивилизаций. Ереван,

1962. - 180 с.

Машкин Н.А. Основные проблемы древней Греции. - М., 1947.

Машкин Н.А. Принципат Августа (Происхождение и социальная сущность). - М., 1949. - 687 с.

Мучник В.М. Последние работы А.Дж.Тойнби: эрозия либерально-гуманистического мировоззрения. - В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Томск, 1982, вып. 15.

Мучник В.М. Формирование и эволюция идейно-теоретических воззрений А.Дж.Тойнби. - Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 1983.

Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. - М.-Л., 1950.

Рашковский Е.Б. Структура и истоки философско-исторической концепции Арнольда Дж.Тойнби. - Вопросы философии, 1969, №5. с. III-III9.

Рашковский Е.Б., Мемуаристика А.Дж.Тойнби. - Вопросы философии, 1971, №II. с. I48-I52.

Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж.Тойнби. - М., 1976. - 199 с.

Рашковский Е.Б. Арнольд Джозеф Тойнби: история и культура в экологической перспективе. - Народы Азии и Африки. 1979, №2.

Семенов Ю.Н. Вынужденные признания и тщетные надежды. - Вопросы философии, 1963, №IO. с. IO3-III0.

Семенов Ю.Н. Проблемы общественного прогресса и социальная философия современной буржуазии. - Автореф. дис... докт.

Филос.наук. М., 1964.

Семенов Ю.Н. Социальная философия А.Тойнби. Критический очерк. - М., 1980. - 199 с.

Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация. Пер. с англ. -М., 1949. - 372 с.

Трухановский В. Тойнби обучает американцев стратегии и тактике "холодной войны". - Мировая экономика и международные отношения, 1963, №4.

Тюменев А.И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Т. I-III. - Пг., 1920-1922.

Чесноков Г.Д. К критике историософии Арнольда Тойнби. - Вестник МГУ, 1963, №5.

Чесноков Г.Д. Критика философии истории Арнольда Тойнби. - Автореф. дис... канд. филос. наук. М., изд. МГУ, 1964.

Чесноков Г.Д. Критика взглядов А.Тойнби на классы. - Философские науки, 1964, №1.

Чесноков Г.Д. Несостоятельность концепции А.Тойнби о прогрессе. - Философские науки, 1965, №6.

Чесноков Г.Д. Современная буржуазная философия истории. - Горький, 1972. - 207 с.

Шофман А.С. Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе. - Казань, изд. КГУ, 1971. - 270 с.

Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. - Казань, изд. КГУ, 1976. - 520 с.

Штаерман Е.М. Античность в современных западных историко-философских теориях. - Вестник древней истории, 1967, №3.

Штаерман Е.М. Проблемы культуры в западной социологии. -

Вопросы философии, 1967, №1.

X X X

Andrewes A. The Government of Classical Sparta. - Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg: Oxford, 1966. p.1-20.

Andrewes A. Eunomia. - Classical Quarterly, vol. XXXI, 1937. p.89-102.

Boer W. Den. Toynbee and Classical History. Historiography and Myth-Toynbee and History ПОД РЕД. M.F.Ashley-Montagu. Boston, 1956. p.221-242.

Busolt G. Spartas Heer und Leuktra. - Hermes, 40, 1905. Cavaignac, E Sparte, Paris, 1948. p.387-449.

Forrest W.G. The Dating of the Lycurgan Reforms in Sparta, - Phoenix, vol. XVII, 1963. p.157-179.

Forrest W.G. A History of Sparta 950-192 b. c. London, 1968.

Hammond N.G.L. The Lycurgea Reform at Sparta, - Journal of Hellenic Studies, vol. IXX (1950). p.42-64.

Holleaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques an III-e siecle avant J.C.P., 1921.

Jones A.H.M. The Lycurgan Rhetra. - Ancient Society and Institutions Studies Presented to Victor Ehrenberg: Oxford, 1966. p.165-175.

Jones A.H.M. Sparta, Oxford, 1967.

Lorimer H.L. The Hoplite Phalanx. - The Annual of the British School at Athens, vol. XIII, 1947. p.76-138.

Neumann K.J. Die Entstehung des spartanischen Staates in

der lykurgischen Verfassung. - Die Historische Zeitschrift, 96. Band, 1906. p.I-80.

Snodgrass A.M. Early Greek Armour and Weapons, Edinburgh, 1964.

Vogt J. Die Antike Kultur in Toynbees Geschichtslehre - Saeculum, II, H.4, 1951.

Woodhouse W.J. King Agis of Sparta and his Campaign in Arcadia in 418 b.c.; Oxford, 1933.